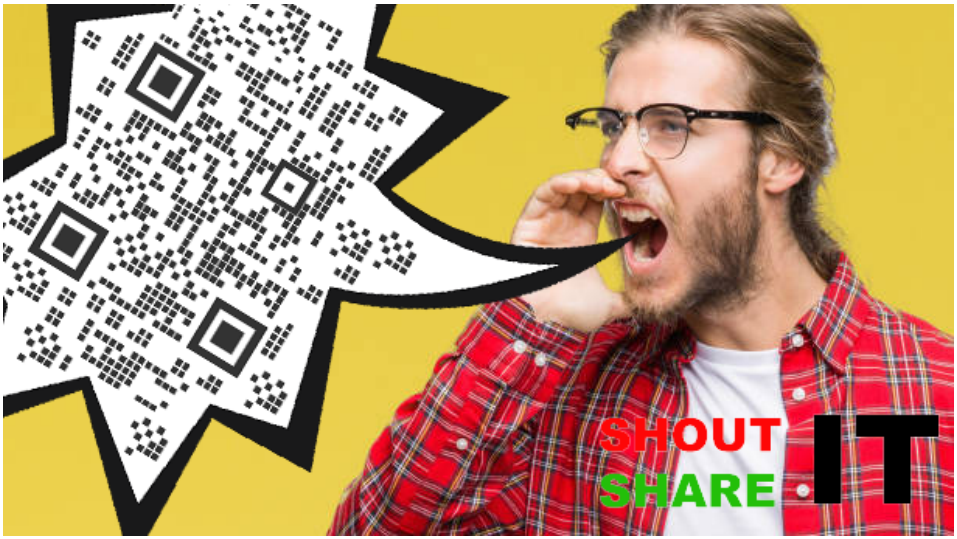
РУССКИЙ СО СЛОВАРЕМ

Ирина Левонтина

ИЗ СЛОВ ТУРГЕНЕВА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ ВСЕ ПОМНЯТ, ЧТО ЯЗЫК НАШ «ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ», НО ИНОГДА ЗАБЫВАЮТ О ТОМ, ЧТО ОН ЕЩЕ И «ПРАВДИВЫЙ И СВОБОДНЫЙ». ОБ ЭТОМ ПРАВДИВОМ И СВОБОДНОМ СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАПИСАНА КНИГА ИРИНЫ ЛЕВОНТИНОЙ — ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА, АВТОРА СЛОВАРЕЙ И БЛЕСТЯЩИХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ. ЕЕ ВЕСЕЛЫЕ И ЯРКИЕ ЭССЕ О НОВЫХ СЛОВАХ И НЕОБЫЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ, ОБ ОШИБКАХ И «ПРОГОВОРКАХ» ПОЛИТИКОВ И АВТОРОВ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ СКЛАДЫВАЮТСЯ КАК ОТДЕЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТЫ МОЗАИКИ В ЕДИНУЮ КАРТИНУ, НАГЛЯДНО ДЕМОНСТРИРУЮЩУЮ ЭВОЛЮЦИЮ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН.

— А. Д. ШМЕЛЕВ, ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга лингвиста Ирины Левонтиной состоит из небольших эссе, посвященных новым явлениям в русском языке, речи представителей разных поколений и социальных слоев, забавным случаям, связанным с проговорками политиков, «перлам» языка рекламы, — словом, живой жизни современного русского языка.

Для лингвистов и широкого круга читателей, интересующихся русским языком.

- Ирина Левонтина
  -
  - От автора
  - Новый русский лексикон
    - Великий вызов
    - We are the champions, my friend…
    - На рубль амбиции
    - Агрессивный макияж
    - Безукоризненный апломб
    - Позитивчик
    - Выбирай, дорогой!
    - События и размышления
    - В неслыханную простоту
    - Каждому по труду
    - В хорошем смысле
    - В самую точку
    - Какая-то не такая
    - Культура и отдых
    - Слово и дело
    - Неформат
  - Красиво жить не запретишь
    - Комфорт — наше всё!
    - Дешевая распродажа
    - Отдайся шоппингу!
    - Доказательство любви
    - Старость не радость
    - Устный счет
    - Жизнь в цвете
    - Гламурненько!
    - Гламурная феня
    - Фьюжн. Как и всё на Руси
    - Второе дыхание
  - Суесловие

- Россиеведение
- Страшный суд следующей инстанции
- Священный порядок
- Это смачное слово зачистка
- Опозоренный имидж
- Собеседник для вождя
- Не в лад, невпопад
- А по нечетным?
- Личная фурия
- Без ансамбля
- Немногочисленный властитель
- Милые улики

○ Переводимость
- Креатив. ру
- Лояльность к недостаткам
- Деликатный вопрос
- Шок и радость
- Шпрехен зи дойч?
- Персона грата, или hominem quaero
- All correct
- Публичность
- Табличка на газоне
- Типа упс
- Отторжение или присвоение
- Марксизм и вопросы перевода
- Прости — знаю, как перевести

○ Невпопад
- Вселенная в алфавитном порядке
- Импортного производства
- Неравный брак
- БлагоWест
- Медный барабан
- Кенгуру и верблюды
- Грех по месту жительства
- Мещанин Фет
- Эра милосердия и индукции
- Последний парад наступает
- Мученики Аляски

○ Младограмматика
- Ветру и орлу
- Современный шибболет
- Надуманный предлог
- Непорядок слов
- Syntaxisu.net

- Номиналисты
- Оба хуже
- Лингвистика против
- Апропейство

- Словарный диктант
  - Настенная фотография
  - Ликбез
  - Минускул
  - Смотри не перекотлеть!
  - Корректность
  - Сверстницы в колготках
  - Орфографическая подстава
  - Всюду жизнь
- Роскошь человеческой коммуникации
  - Снова о словах
  - Вы не скажете?..
  - Ой, мамочки!
  - Зайка моя!
  - И сбоку бантик
  - День Золушки
  - Попроси как следует
  - А паразиты никогда
- Картина мира
  - Метафоры, которые нам вешают на уши
  - Вход и выход
  - Собирательный образ
  - Особое приглашение
  - Откуда есть-пошла русская душа?
  - «Достоевский надрыв»
  - Осторожно, пошлость!
  - Стеснительность
  - Гостеприимство головой об стенку
- И помнил, хоть и без греха
  - Лирические отступления
  - Цитирую по памяти
  - Коварные цикады
  - Субчик-голубчик
  - О преемственности
  - Не русский не язык
  - Не задушишь, не убьешь!
  - Местный колорит
- Такая история
  - Во глубине сибирских руд
  - Провалы в памяти

- День рождения Захара Кузьмича
- Единство времени
- Символ, конечно, дерзновенный
- Who is who?
- На страже
- Коэффициент поэтичности
- Sic transit
- Талмуд и мобильник
- История с географией
- Так начинают
-

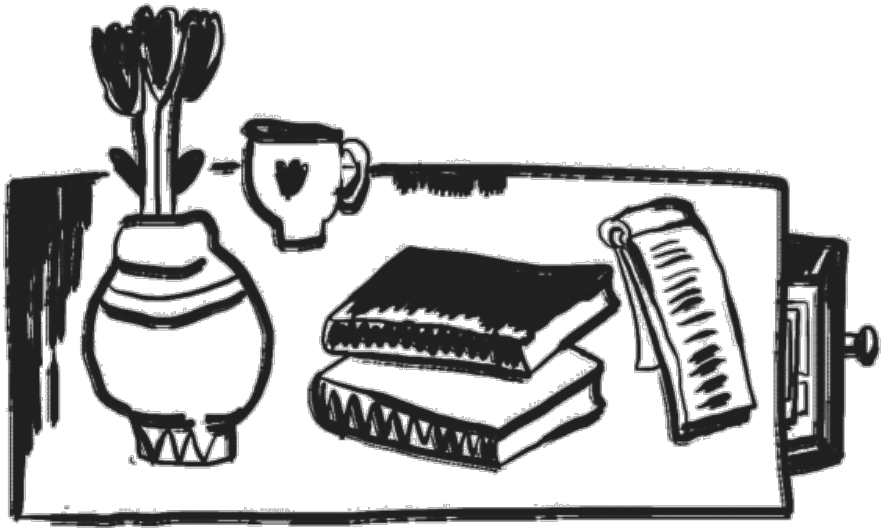
- notes
  - 1

Ирина Левонтина
Русский со словарем

Памяти моей мамы

Из слов Тургенева о русском языке все помнят, что язык наш «великий и могучий», но иногда забывают, что он еще и «правдивый и свободный». Об этом правдивом и свободном современном русском языке написана книга Ирины Левонтиной — известного ученого-лингвиста, автора словарей и блестящих научных статей. Ее веселые и яркие эссе о новых словах и необычных грамматических конструкциях, об ошибках и «проговорках» политиков и авторов рекламных текстов складываются как отдельные фрагменты мозаики в единую картину, наглядно демонстрирующую эволюцию языкового сознания современных россиян.

А. Д. Шмелев, доктор филологических наук, заведующий отделом культуры русской речи Института Русского Языка им. В. В. Виноградова РАН



От автора

Жизнь в эпоху перемен, кроме всех прочих ее особенностей и свойств, сопряжена с резкими и чувствительными изменениями в языке. И люди реагируют на эти языковые инновации весьма болезненно. Легко заметить, что в любой радио- или телепередаче, где говорят о языке или культуре, кто-нибудь обязательно начинает причитать: «Как мы стали говорить! Посмотрите, какое появилось ужасное слово такое-то! Зачем столько заимствований таких-то, когда есть хорошие слова такие-то? Мы их забываем, мы теряем духовность… Скоро мы вообще не сможем читать Пушкина без перевода!» Оно и понятно. Когда окружающая действительность стремительно и не всегда ко всеобщему удовольствию меняется, язык именно в силу своей стабильности остается *один поддержкой и опорой,* позволяет сохранять собственную идентичность и культурную преемственность. Поэтому когда еще и он оказывается переменчивым и пугающе незнакомым, люди нередко воспринимают это как утрату последнего прибежища и окончательный крах.

Между тем, оснований для таких панических настроений в общем-то нет. Язык — организм очень живой и живучий. Он чрезвычайно чувствителен и восприимчив, но ему не так-то просто что-нибудь навязать. Если в языке прижилось новое слово или новое значение старого слова, значит это зачем-то языку нужно: в нашем сознании, в культуре появился новый смысл, новое понятие, для которого недостает словесной оболочки. А если нет потребности в такой оболочке — как новое слово ни

насаждай, язык его либо отторгнет, либо переосмыслит и вложит в него то содержание, которое ему нужно. Как сказал, правда несколько по другому поводу, замечательный поэт Лев Лосев:

> Но главное — шумит словарь,
> словарь шумит на перекрёстке…

Попробуем постоять на этом перекрестке и прислушаться к шуму словаря.

Эта книжка собралась лет за десять. Я начала сочинять короткие заметки о языке для радиопередачи «Грамотей», которую несколько лет вела на «Маяке» моя коллега и подруга Елена Шмелева. Потом мои популярные тексты публиковали старые «Итоги», «Еженедельный журнал», «Знамя», Polit.ru. Я и сейчас веду колонку о языке в газете «Троицкий вариант» и «Ворчалки о языке» в интернет-издании Stengazeta.net.

Новый русский лексикон

Великий вызов

Скандально прославившаяся журналистка Елена Трегубова — «кремлёвская диггерша» — так написала о Ельцине: «Просто был тем, кто неожиданно почувствовал этот великий ритм и дыхание времени, этот великий шанс и великий вызов. И — как мог постарался соответствовать этому вызову». Надо заметить, что до недавнего времени такое употребление слова *вызов* было для русского языка совершенно невозможным. Да и сейчас фраза *Он почувствовал этот великий вызов и постарался соответствовать этому вызову* звучит не вполне по-русски. Можно, однако, с большой степенью вероятности предположить, что освоение такого употребления — дело ближайшего будущего.

Это калька с английского *challenge* — одного из самых ярких английских слов, которого нет в русском языке — во всяком случае до недавнего времени не было. Буквально оно означает «вызов», однако имеет гораздо более широкое значение. Слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий веселый азарт и вкус к жизни. Почувствовав *challenge,* человек ощущает, как повышается количество адреналина в крови. Излишне говорить, сколь важно это понятие и это ощущение для всей американской цивилизации. По-русски человек не может, например, соглашаясь занять какую-то должность, воскликнуть, потирая руки: «Это для меня вызов!»

Ну, не будем пускаться по этому поводу в спекуляции, а вспомним лучше русское слово, в котором азарта не меньше, чем

в английском *challenge,* — выразительное словцо *слабó.* «А вот *слабó* тебе это сделать?» — подзуживаем мы собеседника. «Кому? Мне *слабó???* — заводится он, — А вот и не *слабó!»* И действительно немедленно прыгает с крыши, выпивает бутылку водки, стоя на подоконнике и т. п. Такой нехитрый риторический прием, кстати, так и называется — *брать на слабó.* Конечно, это слово выражает совершенно другую идею, чем слово *challenge.* В ответ на *challenge* человек повышает производительность труда, продвигается по службе, в то время как, доказывая, что ему не *слабó,* человек может сделать то, чего он вовсе не хотел и не собирался делать. И пожалуй даже чем бессмысленнее действие, тем лучше.

Это по-дурацки удалое *слабó* — очень характерное и забавное словцо. Есть свое обаяние в бескорыстном желании проверить, на что ты способен, не достигая при этом никакой разумной цели — как в известном пассаже из «Москвы-Петушков»: «А ты мог бы: ночью, тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, одеть штаны и тихонько вернуться домой? ради любимой женщины? смог бы?..»

Однако то, что в русском языке нет слова *challenge,* в последнее время все больше ощущается как упущение. Оно все чаще и чаще оказывается нужным, когда люди говорят о своей или чьей-то еще жизненной позиции, отношении к профессии, карьере. И вот слово *вызов,* в котором раньше ничего такого экзистенциального не было, прямо на наших глазах расширяет свое значение. Так сказать, пытается соответствовать *вызову эпохи.*

Мне особенно нравятся две фразы в рекламе. В одном случае о новом пятновыводителе говорится: «И еще больший вызов — засохшая свекла». В другом рекламируется модель автомобиля: «Ваш ответ вызовам жизни!»

Этот пример очень показателен. Часто по поводу нового слова люди машут рукой: да это заимствование! Как будто это что-то объясняет. Вот слово *вызов* жило себе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge.* Но вдруг собралось, и значение это моментально прижилось. Просто раньше оно было не нужно, а теперь понадобилось. Замечательно, как быстро люди привыкают к таким вещам. Я много раз сталкивалась с тем, что мне не верят, когда я говорю, что раньше не было выражений типа *почувствовал великий вызов.* «Как это не было? Да всегда так говорили! А как же иначе это сказать?» Да в том-то и дело, что раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что

этого не думали. Как сказано у Цветаевой, «даже смысла такого нет!»

Правда, фраза про свеклу пока еще большинству людей кажется смешноватой. Но это ненадолго.

Тут вот что еще интересно. В последнее время для русского языка стало очень характерным использование слова *проблема* там, где раньше сказали бы просто *неприятность*. Теперь вместо *плохая кожа* скажут *проблемная кожа*. Такой *позитивный* взгляд на жизнь. Но вот когда я рассказывала об этом в «западной» аудитории, то несколько раз получала однотипную реакцию: «Ну надо же, а у нас теперь, наоборот, лучше не произносить слово *problem,* если не хочешь испортить себе карьеру. Теперь надо вместо *problem* говорить *challenge».* То есть, больше не стало *проблем,* а есть только *вызовы.* Это уже следующий этап — еще более лучезарный взгляд на жизнь, при котором даже неприятность рассматривается лишь как возможность проявить себя. В общем, как пел герой Ефремова в фильме «Айболит-66»: «Это очень хорошо, что сейчас нам плохо» — с полным, впрочем, осознанием того, что это лишь способ поддержать деморализованных малышей.

Один мой сослуживец остроумно заметил по поводу нового словоупотребления: «Ясно… Значит, теперь надо говорить: *Это ваши вызовы».*

We are the champions, my friend…

Среди рекламных слоганов мобильных телефонов можно услышать и такой: *Мобильные телефоны для успешных людей.* Такое употребление слова *успешный* — явление совсем новое.

До последнего времени русское слово *успешный* могло употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам *(успешные переговоры, успешная работа, успешный рост)* — но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный человек* стало очень типичным.

Более того, пожалуй, успешный человек — это герой нашего времени. Уже о нем и для него пишут книги и издают журналы: *Михненко П. А. «Как стать успешным: … на опыте успешных людей», Кановская М. Б. «Деловой этикет для успешных людей», «Фаворит» — журнал для успешных людей.* Существует интернет-рассылка *«Афоризмы успешных людей»* и сетевая *«Библиотека успешного человека».* Этот новый герой — адресат рекламы: *Автосалон для успешных людей; Леонбергер — собака для успешных людей!; Красивые зубы — пропуск в мир успешных людей; «Успешные люди» — рекламно-продюсерская компания.* Этот новый вид ведет стадную жизнь: *«Клуб успешного человека», VIP-лига Infinum — лига успешных людей! Успешным может стать каждый* — сулят педагоги, психологи и психотренеры: *Образование для успешных людей; Новый тренинг «Успешный Человек» Николая Ивановича Козлова; Тренинг успешных людей; «Как вырастить из ребенка успешного человека» — На вопросы читателей отвечает педагог-психолог.*

Это стремительное изменение смысловых возможностей слова не случайно.

Успешный, конечно, калька с английского слова *successful.* Например, в фильме «Секс в большом городе» одна из героинь сетует, что мужчины предпочитают молодых девушек, *а успешная пятидесятилетняя женщина никого не интересует.* В английском тексте, естественно, звучит *successful.* Представление об *успешном человеке* пришло к нам вместе с западным культом успеха,

достижения. Прежде в русской культуре *успех* не рассматривался как основополагающая жизненная ценность. Это, разумеется, не означает, что люди не стремились к успеху, не добивались. Просто экзистенциальный статус успеха был невысок. Своими успехами, успехами детей гордились, но гордиться немного стеснялись. Достижение как-то ассоциировалось с риском для собственной души.

Раньше говорили: *состоявшийся человек,* а это ведь несколько другое, это слово не характеризует социальный аспект человека. *Состоявшийся* — значит реализовавший свой внутренний потенциал, а добился ли он чего-нибудь в жизни, неизвестно. Было еще слово *преуспевающий,* того же корня, что и *успешный.* Оно всегда было связано с финансовым успехом и выражало некоторое сомнение в моральной безупречности средств достижения этого успеха. *Преуспевающий адвокат* — это тот, у кого высокие гонорары, а не тот, которому удалось много невинных людей спасти от тюрьмы. Чрезвычайно характерно высказывание Олега Целкова в интервью о Бродском: «По-видимому, Бродскому претило то, что Евтушенко был весьма преуспевающим поэтом в СССР, публиковался гигантскими тиражами, был богат, разъезжал месяцами по всему белому свету, о чем и во сне не могло присниться обычному советскому человеку. Бродского Евтушенко раздражал».

Что касается самого Бродского, можно себе представить, что, защищая его от обвинений в тунеядстве, кто-нибудь назвал его *состоявшимся поэтом.* Но *преуспевающим поэтом* — невозможно.

Вспомним и Довлатова:

«Двое писателей. Один преуспевающий, другой — не слишком. Который не слишком задает преуспевающему вопрос:

— Как вы могли продаться советской власти?

— А вы когда-нибудь продавались?

— Никогда — был ответ.

Преуспевающий еще с минуту думал. Затем поинтересовался:

— А вас когда-нибудь покупали?»

Чрезвычайно характерны строки из поэмы Наума Коржавина «Сплетения»:

> И, может быть, стал бы отменным,
> Исполненным сложных забот,
> Престижным саксесыфулмэном,
> Спецом по обрывкам пустот.

Строки дышат отвращением к этому чуждому «саксесыфулмэну». Дикая транслитерация (или транскрипция?)

эту чуждость подчеркивает. Ну ясное дело, если *successful,* то непременно за счет даже не пустот, а *обрывков пустот.* Поэма написана в 1980 году, и к слову *саксесыфулмэн* в книжке сноска, поясняющая, что это *успешливый человек.* Пришлось автору, видимо, использовать редкое слово *успешливый,* поскольку сочетание *успешный человек* четверть века назад казалось вовсе немыслимым. Оно и в начале XXI века было еще непривычно. Это довольно много обсуждали, особенно профессиональные переводчики, которые как раз мучились с этими самыми *саксесыфулмэнами.* Приведу пример с сайта Ассоциации лексикографов «Лингво» (там есть форум «Беседы переводчиков»):

> 4 февраля 2003 г. — Инна Ослон: Еще года два назад слово «успешный» в значении «преуспевающий» не то чтобы резало мне слух, а вызывало определенный дискомфорт. Теперь уже не вызывает (почти). — П. Палажченко: С «успешным» в этом значении мы, наверное, действительно «проехали»…

Итак, *успешный человек.* Пожалуй, лучше всего можно определить это понятие, используя другое модное современное выражение — жизненный проект. Одна из современных гимназий так рекламирует себя: *Гимназия видит свою основную миссию в утверждении новых ценностей школьного образования: главное — умение применить полученные знания, опыт совместной работы и личных достижений при построении собственного жизненного проекта.*

Успешный человек — это тот, кто успешно осуществил свой *жизненный проект.* Не обязательно он так уж разбогател, но он добился определенной позиции в обществе. Его *проект* социально признан.

Интересно, что точно такие же изменения, как со словом *успешный,* произошли и со словом *эффективный.* Раньше говорили: *эффективные меры, эффективное лечение.* Теперь же мы сплошь и рядом слышим: *эффективный человек.* Например, как сказали в одном телешоу: *Человек в любом возрасте может быть эффективным.* Есть даже такая книга — «Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека». В аннотации сказано: *Это реальная психология для деловых и эффективных людей: для предпринимателей и психологов, руководителей и домохозяек, для всех тех, кто хочет стать — универсальным бизнесменом.*

Нельзя не заметить, что новое значение слова *успешный* — более или менее на ту же тему, что и новое значение слова *вызов.* Вообще здесь мы имеем дело не просто с изменениями семантики отдельных слов, а с обновлением целого фрагмента языковой

картины мира. Ведь и слово *неудачник* за последние годы несколько изменило свой смысловой потенциал. Раньше оно могло произноситься чуть ли не с нежностью и подразумевать, что человек не достиг земных благ, потому что бескорыстен и думает о душе. *Золотое клеймо неудачи,* как мы помним, разглядела Ахматова на челе молодого Бродского. Но чем дальше, тем более сурово начинает звучать по-русски это слово, приближаясь по тональности к английскому *loser*. А слово *карьера?* Еще 20 лет назад в ходу была формулировка *карьера в хорошем смысле*. Почему надо было оговариваться, что в хорошем? Да потому что вообще-то *карьера* — это было что-то слегка постыдное.

На рубль амбиции

Есть и еще одно интересное слово из этой же серии. В последнее время многим бросается в глаза, как изменились слова *амбиции* и *амбициозный.* Яркая примета нашего времени — словоупотребления типа: *кадровый центр «Амбиция»* (он занимается трудоустройством), *11-я ежегодная конференция «Управление в России: время амбициозных целей».* А вот из объявления о вакансиях: «Нужен еще один амбициозный и целеустремленный сотрудник».

До последнего времени слово *амбиции* связывалось преимущественно с завышенной самооценкой и безосновательными притязаниями. Так его толковали и словари: *амбиция* — «обострённое самолюбие, чрезмерное самомнение». Замечательно, что в русском языке чуть ли не все слова, указывающие на высокую оценку человеком собственной персоны, окрашены отрицательно: *самомнение, апломб, гонор, чванство, спесь, самонадеянность, самоуверенность.* Список можно продолжить. Это язык так отражает укорененное в русской культуре представление о том, что гордому человеку следует смиряться. Причем на самом-то деле мы понимаем: бывает, что человек трезво оценивает свои силы, готов справиться с задачей и говорит об этом без пустого жеманства, и это хорошо. Однако употребить применительно к такому случаю слово *самоуверенность* невозможно даже с уточнением *в хорошем смысле.* Нужно слово распороть и сложить в другом порядке — *уверенность в себе.* Иначе негативную оценку не изгнать.

Когда слово *амбиция* было заимствовано в русский язык, оно очень быстро приобрело этот оттенок. Правда, например,

Достоевский часто использует слово *амбиция* просто в смысле «самолюбие», например: «Моя репутация, амбиция — все потеряно! Я погиб, и вы погибли, маточка, и вы, вместе со мной, безвозвратно погибли! Это я, я вас в погибель ввел! Меня гонят, маточка, презирают, на смех подымают, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила» (Ф. М. Достоевский, Бедные люди). Но гораздо более типично всегда было представление об амбициях непомерных и неправомерных, как в таком примере: «На грош амуниции, на рубль амбиции! Уходи, не проедайся! Банкомет взял за плечи барона и вмиг выставил его за дверь, которую тотчас же запер на крюк» (В. Гиляровский, Москва и москвичи). А в советское время и тем более трудно было употребить слово *амбиция* вне отрицательного контекста. И вот все изменилось. Появилось поколение *успешных* и *амбициозных* молодых людей, которые отвечают на *вызовы* жизни — делают *карьеру*. И ничего в этом плохого язык уже почти не видит. Да, еще эти молодые делают карьеру *агрессивно*.

Агрессивный макияж

В последние годы многие люди замечают, что и слово *агрессивный* на наших глазах меняет свой оценочный потенциал. Раньше, если о человеке говорили *агрессивный,* это всегда означало, что мы оцениваем его поведение отрицательно. Раньше сказали бы *агрессивная тактика* — с неодобрением. А если хотели одобрить, говорили — *наступательная тактика.* И вот все чаще мы слышим и читаем: «Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, агрессивно нацеленные на результат, готовые инвестировать свое время и силы» — это в объявлении о вакансиях. «CNN — молодое и агрессивное информационное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж». Или: «Современная леди прогрессивна и агрессивна: она делает карьеру в мужском коллективе, настаивая, чтобы ее называли по фамилии, как и коллег, и ни при каких обстоятельствах не просили принести кофе».

И особенно распространилось выражение *агрессивный макияж.* Вот несколько примеров, извлеченных из Интернета: «Вместе с воспоминанием о тех годах (80-х) к нам возвращается более агрессивный макияж: яркие глаза с черной подводкой, много перламутра, „кровавые“ губы и безумные объемы в прическах…»; «Агрессивный макияж для неформальной вечеринки»; «Удивительный и яркий, консервативный, стильно-утонченный, подчеркивающий, агрессивный макияж поможет создать визажист. Он подчеркнет образ, сгладит природные недостатки и подаст образ в максимально выгодном свете»; «Но, признаться, женский пол и сам не прочь воспользоваться запрещенными приемчиками — лишняя расстегнутая пуговица на

блузке, мини-юбка много выше коленок и агрессивный макияж могут сослужить неплохую службу начинающей карьеристке»; «4 процента (женщин) предпочитают агрессивный макияж. Такой макияж предпочитают женщины, стремящиеся к власти. А еще он помогает обрести уверенность в себе и выделиться из толпы. Если ваш макияж не просто агрессивный, но и правильно подобранный, кратковременный успех вам обеспечен». О сумочках, совсем маленьких, размером с кошелек, в женском модном журнале говорится: «В таком случае в сочетании с агрессивным макияжем создается эффект уверенной в себе, но в то же время нуждающейся в защите женщины». А одна счастливая новобрачная делится в «Живом журнале»: «Я, жених и все гости остались просто в восторге. Причем у меня было достаточно необычное платье, к которому мы подобрали яркий агрессивный макияж с накладными ресницами и красными стразами над бровями. Получилось просто потрясающе». Да, жених, наверно, был сильный духом.

Думая о подобных новых словоупотреблениях, люди часто считают само собой разумеющимся, что они заимствованы из английского языка. Мол, вместе со словом перенимаем новые ценности мира наживы и чистогана. Между тем, это далеко не всегда так. Конечно, слово *aggressive* действительно и в английском все чаще употребляется одобрительно, но, например, термина *агрессивный макияж* по-английски нет, его назовут *тяжелым (heavy make-up)*. Да и вообще, употребляя слово *агрессивный* с положительной оценкой, мы зачастую не столько заимствуем конкретные иноязычные словоупотребления, сколько воплощаем свое представление о том, как это должно быть там у них, на Западе.

Безукоризненный апломб

Футурологические заметки

Недавно я услышала по телевизору, как красавица-фигуристка Татьяна Навка сказала после выступления: «Мы катались сегодня с таким *апломбом* шикарным!» Тут есть над чем подумать.

Вот про слово *кураж* все знают, что у него есть в русском языке два значения. Одно обычно выражает отрицательную оценку и употребляется в ситуации, когда человек устраивает что-то несусветное без всяких разумных причин, просто в видах самовыражения. Очень типично сочетание *пьяный кураж*. Тут вспоминается Гоголь: «Ноздрев, захлебнув *куражу* в двух чашках чаю, конечно не без рома, врал немилосердно». Этот *кураж* довольно далеко отошел от французского прототипа *courage* (мужество, смелость или даже упорство, усердие) и сродни русским *удали, разгулу* и *загулу*. Даже, пожалуй, хуже, поскольку *кураж* больше связан с идеей разрушения. Особенно эта отрицательная оценка видна в производном глаголе *куражиться. Куражиться* можно даже *над* кем-то, то есть, чувствуя свою власть над более слабым существом, издеваться над ним и притом находить это забавным и любоваться собой.

Но есть у русского слова *кураж* и другое — очень положительное — значение. Оно особое — цирковое. Это то состояние подъема и абсолютной уверенности в себе, которое так необходимо цирковому артисту. А если артист потерял *кураж,* то ему просто нельзя делать опасные трюки или выходить к хищникам.

Конечно, это значение слова *кураж* используется не только

применительно к цирку: о человеке, который сделал что-то, превосходящее его возможности, иногда скажут, что он сделал это *на кураже.* Танцовщик Александр Годунов говорил: «Человека можно научить танцевать. Но если не будет *куража,* он не станцует». Подобное высказывание приписывают и Барышникову: мол, когда у него есть *кураж,* он летает, а когда нет, то просто танцует хорошо. Но это скорее игра, вообще-то *кураж* — в основном не про балет, а про цирк. А в балете не *кураж,* а *апломб.*

Множество цирков в России называются «Кураж» (а когда так называется театр, мы сразу понимаем, что это театр особого рода — с элементами эксцентрики), а вот балетные студии нередко имеют название «Апломб».

Слово *апломб* — тоже французское заимствование, и оно тоже имеет в русском языке общеязыковое отрицательное значение и специальное положительное. Только балетное значение слова *апломб* не так широко известно, как цирковое значение слова *кураж.* Слово *апломб* по происхождению родственно *пломбе* и связано с кусочком свинца, выполняющим функцию отвеса (как мы помним из школы, *plumbum* — это как раз свинец). То есть изначально это слово подразумевает вертикаль.

В основном употреблении слово *апломб* указывает на чрезмерную и безосновательную самоуверенность в суждениях человека. Каковая, естественно, осуждается, как и вообще осуждается в русской культуре человек, который много о себе понимает. Что и выражается в отрицательной окраске слов *амбиция, самомнение, гонор, самонадеянность, самоуверенность, чванство, спесь.* Ну и *апломб,* конечно.

А *апломб* в балете — это умение сохранять баланс в пируэте. В позиции идеального равновесия балерина может долгое время стоять на одной ноге на пуантах. Невероятная устойчивость обеспечивается особой осанкой или, как говорили о школе Вагановой, «стальным апломбом корпуса». Вообще часто пишут, что классический балет танцуется спиной. О знаменитом танцовщике Кшесинском, отце балерины Кшесинской, писали, что он «лихо, с апломбом исполнял польские, цыганские, венгерские танцы в балетах и операх». Здесь, очевидно, речь не только о равновесии, но и об уверенности, вдохновении, как теперь бы сказали, драйве.

Что-то в этом роде, очевидно, имела в виду и Навка. *Апломб* как ощущение того, что лед тебе полностью подвластен.

Кстати, во французском языке *aplomb* — это еще и характеристика уровня швейного мастерства — чтобы костюмчик сидел. И вот недавно я встретила русское выражение

безукоризненный апломб в качестве заголовка отчета о модном показе. Что имелось в виду? Прекрасный крой? Или царственная осанка и безупречная походка моделей? Или так, вообще — и божество, и вдохновенье?

Да, но почему я поставила подзаголовок «футурологические заметки»? Мне кажется, что слову *апломб* в скором времени предстоит растерять свой морализаторский пафос.

Во-первых, *апломб* как балетный термин в последнее время начинает выходить за рамки сугубо балетного жаргона, расширять смысловой потенциал и постепенно сливаться с общеязыковым значением. Во-вторых, в русской культуре скромность перестает быть основополагающей ценностью, что и отражается в изменении оценочного потенциала многих слов. Таких, например, как *амбиция* и *карьера.* Так что происходит встречное движение.

Очень типичная история. Когда слово *апломб* было заимствовано, оно не сразу стало выражать осуждение. Вот в Брокгаузе об *апломбе* сказано, что «так называют уверенность в действиях и находчивость в речи и в обращении с людьми; слово это целиком взято из французского языка и совершенно вошло в употребление в разговорной речи». Постепенно, однако, под напором того, что Анна Вежбицка называет свойственной русскому языку «moral passion», это осуждение в слове появилось. А вот теперь концепция меняется. Правда, слово *гонор* пока никто, кроме покойного Солженицына не готов употреблять как хвалебное, но *апломб* уже, кажется, готов последовать за *карьерой* и *амбицией.* Тем более, русская балетная школа…

Позитивчик

Сейчас в моде слова *позитивный, позитивно, позитив.* Спросишь: *Ну, как в кино сходили?* И получаешь энтузиастический ответ: *Очень позитивно!* Один из сайтов — он, собственно, так и называется: «Позитивный сайт» — призывает: *Живи позитивом!* А бойкое слово *позитивчик* — это тоже из Интернета: кто-то добрый предлагает «халявную музыку, юмор и приколы».

Слово *позитивный* — давнее заимствование в русском языке. Причем это тот характерный для нашего языка случай, когда сосуществуют прямое заимствование *(позитивный)* и калька *(положительный)* — с причудливым распределением по математическим, философским, грамматическим и прочим контекстам.

Конечно, в ряде случаев эти два слова более или менее взаимозаменимы: например, можно сказать *положительные изменения, положительный импульс, положительный настрой* или *позитивные изменения, импульс, настрой.* Но часто *положительный* нельзя заменить на *позитивный: положительный герой, положительное число, положительное безобразие* (в смысле, *форменное).* А теперь вот появились и контексты, в которых *позитивный* никак не заменишь на *положительный: развлекательный позитивный портал, позитивный визит* (так называлась недавняя статья о визите Путина куда-то там), *позитивное видео.* Кстати, совершенно не обязательно подобные контексты строятся по образцу английского слова *positive.* Они возникают вполне самостоятельно в соответствии с пониманием новообретенного концепта.

Мне нравится пара: *положительный человек* и *позитивный человек.* Совершенно разные вещи.

Положительный человек — такой морально устойчивый, нудновато-правильный, надежно-предсказуемый, за которого мама мечтает выдать дочку, а дочка сопротивляется, дура. А

позитивный человек (так сейчас говорят, хотя пока не все привыкли) — это совсем на другую тему.

Что же вообще такое *позитив* в этом современном смысле? Один из попавшихся в Интернете *позитивных сайтов* имеет подзаголовок *Заметки оптимиста* и «говорящий» адрес iamfine.ru. Очень тонко. Итак, общий оптимизм, умение видеть во всем в первую очередь хорошие стороны, приписываемая американцам манера отвечать *I am fine*, вместо того чтобы обрушить на собеседника кучу жалоб на жизнь, вообще принцип *Keep smiling* (в русской версии — *Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!)*. И еще конструктивность. Это та же жизненная установка, что заложена в другом популярном теперь слове — *проблема.* Раньше говорили: *У меня неприятности.* Теперь часто скажут: *У меня проблемы,* встроив в саму эту констатацию мысль, что надо искать решение. Про *позитивное мышление* пишут книжки и проводят семинары, на специальных тренингах учат, как стать *позитивным человеком,* объясняя, что без этого никакой успех невозможен.

Так что *позитивный человек* — это такой, у которого *позитивная* жизненная установка, который думает *позитивно* и которому поэтому обеспечен карьерный рост и прочие радости жизни. Или еще это такой, от которого при взаимодействии с ним получается *позитивный* эффект — практический или эмоциональный.

И я понимаю, что значит *Позитивно в кино сходили.* Не зря потратили время и деньги: и от фильма удовольствие получили, и пообщались вполне душевно — в общем, сплошной *позитив.*

Выбирай, дорогой!

Был когда-то анекдот про Брежнева и грузина с арбузом. «Выбирай, дарагой!» — «Как же выбирать, когда он один?» — «Э! Ты у нас адын, мы тэбя выбираем!» Анекдот, понятное дело, разоблачает фальшь официоза. Едва ли, однако, значительная часть народа причисляла отсутствие свободных выборов к худшим преступлениям режима.

Выбор никогда не был в русской культуре экзистенциальной ценностью.

Когда западные противники абортов пикетировали клиники под лозунгом «PRO LIFE», можно было спросить любого носителя русского языка, как он думает, каков был лозунг защитников абортов, и вряд ли кто-то догадался бы, что лозунг был — «PRO CHOICE». *Жизнь* и *выбор* как две сопоставимых ценности — воля ваша, это как Божий дар с яичницей. *Свобода* — да, конечно, это ценность, но *свобода* не ассоциировалась у нас с *выбором. Свобода* и тем более *воля* — это, в первую очередь, когда не мешают, не пристают, не заставляют. А *выбор* с его сомнениями, головной болью, с риском ошибки и последующих сожалений — что ж здесь особенно хорошего? Когда-то давно я читала о психологическом исследовании, в котором у польских и советских студентов спрашивали про ассоциации.

И вот поляки в качестве первой реакции на слово *свобода* дружно выдали — *выбор.* А наши отвечали как-то вразнобой, не помню как, но *выбор* не фигурировал.

Да что там психологические тесты, вспомним стихотворение Губермана:

Свобода — это право выбирать,
с душою лишь советуясь о плате,
что нам любить, за что нам умирать,

на что свою свечу нещадно тратить.

Почему же оно звучало так вызывающе, даже парадоксально? Казалось бы, почти плеоназм. Ну да — свобода, конечно, — это право выбирать. А что же еще?

Но вот как-то не было такой тривиальной связи в русском языке. Возможно, это связано с его фаталистичностью — всякими там *авось* и *не судьба,* с нелюбовью к ответственности — *не работается, угораздило, образуется.*

Кстати о поэзии. Помните, как мы любили стихотворение Левитанского:

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает для себя.

И потом финал, финал:

Выбираю тоже, как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

Думаю, нам оно так нравилось не просто потому, что это хорошее стихотворение. Оно звучало, в особенности положенное на музыку Берковским и исполненное Никитиными, как гимн индивидуальному выбору. Черт бы с ним, с Брежневым, но уж женщину и слово для любви я сам себе выберу. В каком-то смысле это было революционнее, чем открыто антисоветские тексты.

Я запомнила одну рекламу первых лет нового капитализма: «При всем богатстве выбора другой альтернативы нет. НПО „Альтернатива“». Закручено, конечно, лихо: нет альтернативы, другая альтернатива. Но ясно одно: предполагается, что человека богатство выбора пугает, а отсутствие необходимости делать выбор успокаивает.

И вот в последнее время что-то стало меняться. В рекламных слоганах все чаще мелькает слово *выбор* в самом положительном контексте.

Особенно ясно видно, как меняется ценностный статус выбора, по распространению идеологии подарочных карт: *Подарите ей выбор!* То есть лучший подарок — не духи, например, а возможность самой выбрать духи. Держать в руках яркий

кусочек пластика, который можно по своему желанию превратить вот в тот флакончик духов или вон в тот, а можно и вовсе в тушь, тени и помаду. Такого цвета или вот такого. Или все же духи? Ходить по магазину, принюхиваться, колебаться, зная, что что-то из этого уже твое, а надо только решить что. Если так пойдет дальше, то мы постепенно уверуем, что сама по себе возможность выбора — это большая ценность. Вот интересно: в политической жизни пространство выбора в последнее время все сужается. Но есть, как нас учат отцы экономического либерализма, невидимая рука рынка, и она рулит куда надо. А грешный наш язык, естественно, готов транслировать новые соблазны — соблазны выбора.

События и размышления

Доверьте ваше событие профессионалам! — так звучит рекламный слоган одного агентства по организации праздников. Другое такое агентство так и называется — *«Событие»,* а еще одно — с большей претензией — *«Министерство событий».* А вот *Компания Event-cafe* предлагает полный спектр услуг по организации событий и мероприятий, в их числе презентации, модные показы, корпоративные вечеринки… Или вот еще формулировка: *Организация Событий: корпоративы, свадьбы, детские праздники…* Мне понравилось и сочетание *Свадебное событие.* Ну, то, что русское слово *событие* употребляется здесь по образцу английского *event* — это итак понятно. Более того, это самое *event* не всегда и переводится. Вот пример: «В Авторской школе Сергея Князева для *event-менеджеров* была разработана методика, позволяющая обучать специалистов в области организации мероприятий. Обучение этой, сравнительно новой в России, профессии — *event-менеджер* — необходимо и, главное, востребовано. За прошедшее время школа подготовила и переподготовила более 300 *ивенторов».* И вот еще там же: «Учиться *event'у,* не выходя из дома!»

Сложнее другое: а в чем, собственно, необычность таких употреблений слова *событие,* как во фразе «Доверьте ваше событие профессионалам»? Русское слово *событие* толкуется в словарях примерно так: «то, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни».

Произошло, случилось — значит, скорее всего, в ходе естественного течения жизни. Но тогда «организация событий» — это нечто странное.

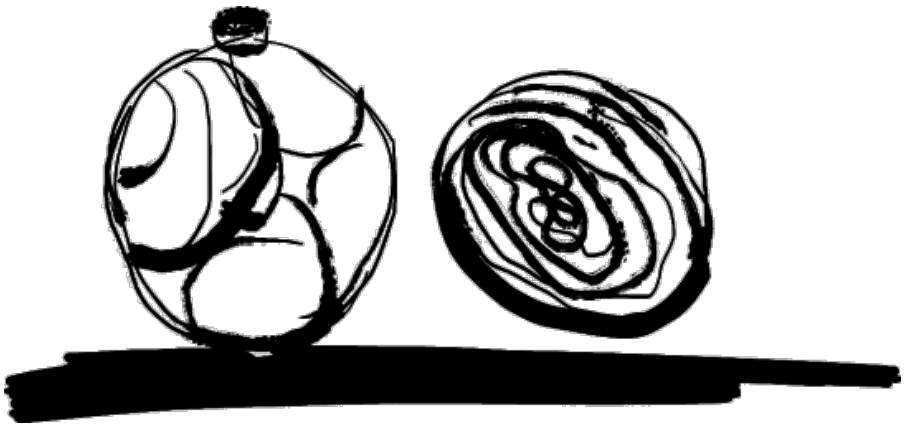
Разумеется, и *несчастный случай* можно *организовать,* но это будет значить, что кто-то организовал покушение так, чтобы

выдать его за несчастный случай. А название «Министерство событий» наводит на мысль о небесной канцелярии или о чем-то таком.

Такое же значение, как у русского *событие,* есть и у английского слова *event.* Но есть у него и другие значения. В частности, *event* может пониматься как «мероприятие» и указывать на праздник, концерт, прием, торжественную церемонию, спортивное соревнование и т. п. Собственно, слово *мероприятие* вполне годится во многих случаях в качестве эквивалента этого *event.* Оно даже и продолжает использоваться в этом качестве. Но слово *мероприятие* — такое суконное, казенное и совсем не праздничное. Его недостаточно. Часто *event,* а особенно *special event,* до сих пор переводят как *праздник.* Но у этого слова значение более узкое, не всякое *event* можно назвать *праздником.* Так что у нового употребления слова *событие* все шансы закрепиться, а с ними у сочетания *специальное событие* (иногда, впрочем, говорят *особое событие).* И правда, в нашей новой реальности куда же без *special event* — этого краеугольного камня пиара.

Это раньше события *происходили,* а потом сообщения о них становились новостями. Теперь считается, что события надо *планировать* и *организовывать,* причем сразу с таким расчетом, чтобы из них сами собой получались удобные и эффективные новости.

В неслыханную простоту



Если постоянно наблюдать за языковыми изменениями, то можно заметить, что явления, на первый взгляд разрозненные и случайные, как-то друг с другом перекликаются. Вот например, многие новшества последнего времени концентрируются вокруг идеи простоты.

Простота вообще-то, как известно, вещь сложная, и языковые процессы это подтверждают.

Вот уже несколько лет, как многие люди замечают, что в русском языке утрачивается смысловое различие между словами *трудно* и *сложно: Вам не сложно закрыть дверь? Передайте, пожалуйста, соль, если Вам не сложно.* Вообще-то слово *трудно* указывает на усилие, которое требуется для выполнения действия, а слово *сложно* — на то, что имеется много компонентов ситуации, которые надо согласовать, много факторов, которые надо учесть. Скажем, человек не хочет ехать с двумя пересадками: хоть это и быстрее, но очень *сложно.* Или не может настроить Bluetooth в телефоне — *сложно.* Одна моя знакомая втолковывала своей (очень интеллигентной, даже рафинированной) дочке: «Почему ты говоришь *сложно дозвониться?* Что, номер какой-то очень длинный? Например, по некоторым карточкам звонить *сложно* — нужно вводить кучу кодов». — «Нет, просто номер все время занят». — «Значит, надо говорить *трудно дозвониться!»* Да и меня сын недавно спросил: «Мам, я забыл, какая, ты говоришь, разница между *трудно* и *сложно?»* Видимо, с этим уже ничего не поделаешь.

По-моему, сейчас *сложно* используется как легкий эвфемизм, для вежливости: людям кажется, что *трудно* грубоватое слово — как-то бесцеремонно указывает на усилие. Хотя с другой стороны, вместо *трудно* часто говорят *тяжело (тяжело сказать),* а там

ведь тоже усилие. Ну не знаю.

Любопытным образом слова *простой, сложный, трудный* сейчас используются для характеристики выражения лица. Говорят: *Лицо сделай попроще!* В смысле «Твоя недовольная физиономия тут неуместна». А вы знаете, что такое *на сложных щах?* Вот небось не знаете. Это значит «с высокомерным, презрительным, мрачным и т. п. лицом». В этом выражении замечательно использованы все три слова. Во-первых, предлог *на* в моем любимом употреблении *(пришел на костюме, весь на кажуале)*. Во-вторых, слово *щи* в значении «лицо». Оно, кстати, обсуждается на форуме Lingvo «Городские диалекты» в качестве довольно распространенного среди московской молодежи. Там, правда, не отражена не лишенная фонетической изысканности угрозительная формула *Ща по щам.* И наконец, революционно употреблено и слово *сложный.* Мне понравилось, как кто-то на своей страничке описывает путешествие в затерянный город инков в Перу: «Идет дождь, и по ступенькам вверх и вверх — я так не могу, и сердце стучит, и в куртке жарко, а без куртки холодно… вопщем, поэтому на всех фотографиях у меня *сложные щи».* Я поинтересовалась у сына: «А *трудные щи* бывают?» — «Не встречал, — говорит. — Да ты ж сама любишь объяснять про разницу между словами *трудный* и *сложный!»* Конечно, люблю. Но факты прежде всего. В Интернете встречаются и *трудные щи* — вот, например, человек рассказывает о проникновении на закрытую территорию: *сделали,* мол, *трудные щи,* и борсетка придавала солидности. Если я правильно понимаю, это то же, что раньше назвали бы *сделав морду лопатой.*

Но это еще не всё.

Я много раз задумывалась, почему людей… даже не раздражает, а как-то беспокоит современное словечко *легко. — Ты сможешь это сделать? — Легко!* Меня часто спрашивают: что это вообще такое, почему, откуда? А ведь слово-то даже не иностранное и вполне прозрачное по смыслу. Мне кажется, дело здесь в том, что такой способ отвечать совершенно противоположен обычной русской стратегии, наиболее ярко воплощенной в слове *постараюсь,* о котором мы в свое время писали с Анной Зализняк.

— Ты сделаешь? — Постараюсь. Говоря так, человек вроде бы и не отказывается и даже намекает на готовность приложить усилия, но в то же время не берет на себя ответственности и вообще не гарантирует, что хотя бы приступит к выполнению просьбы.

Для ответственного человека такой ответ — средство избежать пустого обещания, для легкомысленного — способ

отмахнуться. Поэтому собеседник часто не принимает этого ответа. Мы когда-то приводили замечательный пример:

> — Папа, ты меня извини, но надо как-то с Валентином Осиповичем… Ты уж соберись, хотя я знаю, удовольствие не большое…
>
> — Я поговорю, — сказал Павел Евграфович. — П о с т а р а ю с ь.
>
> — Нет, уж ты не тяни. На следующей неделе будет правление, а в конце месяца общее собрание
>
> *(Ю. Трифонов).*

За ответом *постараюсь* стоит много характерных свойств русской языковой картины мира: и представление о том, что уверенно говорить о будущем вообще трудно, и идея, что результат действий человека не вполне предсказуем — может, *получится,* а может нет, да и вечная надежда, что все как-то само рассосется — *образуется* — и делать вообще ничего не придется.

И вот сейчас в ответ на просьбу мы часто слышим от молодежи: *Легко!* Конечно, это не мешает молодым людям порой манкировать своими обещаниями. Просто изменились речевые обыкновения: по-русски становится можно уверенно высказаться о будущем и о планируемом результате собственных действий.

Каждому по труду

О конкуренции между словами

Я обратила внимание, что в последнее время все чаще вместо уже привычного слова *трудоголик* стало употребляться слово *работоголик*. Это чрезвычайно занятно. Вообще оба слова сейчас употребляются весьма активно. Они постоянно встречаются в современных пособиях по психиатрии и психологии. В статьях по медицине можно прочитать: *Кроме уже известных негативных последствий переработки, таких как: повышенное кровяное давление, аритмия, боль в груди, депрессия и хроническая усталость, трудоголикам грозит сердечный приступ; Результаты проведенного недавно исследования показали, что, если человек — работоголик, то это обязательно означает наличие у него подорванного здоровья.* Этими словами переполнен Интернет. На одном из сайтов женщина жалуется: *Мой муж — трудоголик.* На другом предлагается психологический тест, позволяющий определить, не работоголик ли вы.

Трудоголик (работоголик) — это человек, полностью поглощенный работой. Правда, словари слово *работоголик* еще практически не освоили, а слово *трудоголик* дают с пометой разговорное или шутливое. Кажется, это совершенно не соответствует его современному употреблению.

Слова *трудоголик* и *работоголик* — это разные переводы английского слова *workaholic*. Источником их является

слово *alcoholic (алкоголик),* и смысл их в том, что как алкоголик впадает в зависимость от спиртных напитков, так и трудоголик оказывается психологически зависимым от своей работы. Английское *work,* собственно, и переводится русскими словами *труд* и *работа.* При этом на самом деле здесь совершенно не безразлично, какое из них выбрать.

Между словами *работа* и *труд* есть несколько смысловых различий, однако в данном случае особенно существенно одно. *Работа* ставит в фокус внимания объект, а *труд* — субъект, самого человека. Для *работы* очень важно ее содержание. Поэтому можно говорить о *сделанной работе.* Можно *произвести работу,* но невозможно *произвести труд.* Можно сказать *У меня много работы* — т. е. предстоит много сделать. Однако никто не скажет в этом смысле *У меня много труда.*

С другой стороны, *труд,* даже подневольный, — это всегда самовыражение человека. Можно *дать себе труд* сделать что-то, но нельзя *дать кому-либо труд.* Для *труда* на первом плане усилия. Говорят о *затратах труда,* т. е. о количестве затраченных на достижение какой-л. полезной цели усилий.

Соответственно сочетания *много/мало работы* и *много/мало труда* имеют разный смысл. В первом случае говорится о масштабе задачи, во втором — о потраченных силах и времени. Допустим, вы пришли забирать автомобиль из ремонта, а мастер просит прибавить, мотивируя это так: *Работы было очень много: пришлось разбирать весь двигатель.* Вы же можете возразить: *Вы затратили так много труда только из-за недостатка опыта.* Поменять в этом диалоге местами слова *работа* и *труд* абсолютно немыслимо.

Исходя из всего этого, слова *трудоголик* и *работоголик* должны значить не вполне одно и то же.

Трудоголик — это скорее человек, который не может оставаться без дела, которому необходимо постоянное приложение усилий. В этом отношении слово *трудоголик* сходно со словом *трудотерапия.* Для *трудотерапии* важен сам тот факт, что человек трудится, а содержание, цель его деятельности отодвинуты на второй план. Иное дело *работоголик.* Это скорее азартный человек, который стремится к достижению результата и для этого готов работать круглые сутки.

Я говорю, что слова *трудоголик* и *работоголик* должны пониматься таким образом, просто исходя из значений слов *труд* и *работа.* Однако реально эти слова еще не вполне устоялись, и значение их в русском языке еще не до конца определилось. Возможно, через какое-то время какое-то из них победит в конкурентной борьбе, вытеснит второе. Что ж, поживем —

увидим.

Между прочим, в советских идеологических клише *оплата по труду; От каждого по способностям, каждому по труду* слово *труд* изначально было употреблено неточно, поскольку по замыслу имелся в виду скорее конечный результат деятельности, чем затраченные усилия. Предполагалось, что до наступления коммунизма, когда каждый будет получать *по потребностям,* при социализме больше будет получать тот, кто больше сделал, а не тот, кто больше устал. То есть на самом деле не *по труду,* а *по работе, по результату.* Но в реальности все получилось не по замыслу, а по слову. Печально знаменитый затратный принцип — это, собственно и есть *оплата по труду.*

В хорошем смысле

Недавно в Орле произошла такая история. Одна журналистка написала статью «Край непуганых ментов», а оскорбленные правоохранительные органы подали в суд, утверждая, что в УВД нет такой должности — «мент». Правда, дело они проиграли. Похожие случаи были и в других городах.

Слово *мент* появилось в русском языке достаточно давно. Уже в словарях начала XX в., посвященных блатному жаргону, оно фиксируется со значением «надзиратель, постовой». Это слово было заимствовано из польского жаргона. По происхождению оно, по основной версии, связано с ментиком — короткой гусарской накидкой. В 20-е годы XX в. слово *мент* стало было устаревать, вытесняемое синонимом *мусор,* однако впоследствии стало использоваться более активно. В позднесоветское время это пренебрежительное обозначение было общеизвестным и широко употребительным, причем не только в уголовной среде. Все мы помним его хотя бы по старым шуткам и анекдотам вроде таких: *Загадка: Что такое постамент? Отгадка: Постовой милиционер.* Или: *Что это за машина? — Цементовоз. — А почему там люди? — Так це менты.*

В постсоветское время слово *мент* стало употребляться еще более широко, причем прямо на наших глазах с этим словом происходят изменения: оно все чаще выступает в нейтральном или даже положительном контексте. Например, человек может в критической ситуации закричать: «Скорей вызывай ментов!» Естественно, никакого пренебрежительного оттенка тут не будет.

Вот еще примеры, встретившиеся в Интернете: «Я мент», «Я работаю ментом», «Я знаю настоящих ментов, кто именно делает свою работу невзирая ни на что, не будем путать сюда мелкую шваль, недостойную звания мента». А вот пример из «Новой

газеты» за 2004 г., где с восхищением говорится о мужестве милиционеров: «Ингушские менты — народ героический. В ночь на 22 июня, когда были атакованы МВД, отделения милиции и другие объекты, никто не пришел к ним на помощь. Но они дрались до последнего. Отстреливались, рассчитывая только на собственные силы. И если даже не хватало сил, то ни разу не случилось так, чтобы кому-то не хватило бесстрашия».

Ну и, разумеется, нельзя не вспомнить название популярного телесериала — «Менты», сыгравшее немалую роль в реабилитации этого слова. Изменение оценочного потенциала слова *мент* особенно заметно на фоне двух его основных жаргонных синонимов — слов *легавый* и *мусор*. В отличие от слова *мент,* для этих двух слов по-прежнему невозможно употребление в нейтральном и тем более положительном контексте.

Никогда не говорят: «Я работаю мусором»; «Я работаю легавым»; «Мелкая шваль, недостойная звания мусора»; «Ингушские легавые — народ бесстрашный». В современном языке встречается даже такое противопоставление: «Ты просто мусор, а не мент».

Эта фраза совершенно понятна любому носителю языка, она выражает ту мысль, что человек, о котором идет речь, — плохой, недостойный представитель правоохранительных органов. Фраза «Ты просто мент, а не мусор» абсолютно не может выражать этот смысл, что ясно свидетельствует о разнице в оценочном потенциале данных слов.

Важно еще вот что. Такие обозначения, как *милиционер, сотрудник милиции, работник правоохранительных органов,* чересчур длинны и официальны, обиходный язык нуждается в более коротких и фамильярных обозначениях вроде американского *коп* (полицейский), которое используют и сами полицейские. И тут слово *мент* имеет все шансы.

Вообще, принятие изначально негативного ярлыка в качестве самоназвания очень типично, особенно для разного рода политических группировок и эстетических направлений. Так, например, слово *декаданс* означает «упадок», слово *декадент* первоначально использовалось как ругательство. Однако представители соответствующего художественного направления с удовольствием сами применяли это слово к себе, и постепенно оно стало стандартным наименованием самого течения.

В самую точку

Часто бывает так, что некое слово вдруг выскакивает откуда-то и внезапно оказывается у всех на устах. И уже невозможно поверить, что недавно никто его знать не знал. Ну, кроме кучки специалистов. Вот спроси у любого москвича про ситуацию с возведением новых домов прямо во дворах старых — и любой обязательно произнесет это сакраментальное сочетание: *точечная застройка.* В нем — в этом сочетании — сосредоточен весь ужас ситуации, когда люди в отчаянии чувствуют, как трясется и идет трещинами их дом, наблюдают, как вырастает стена нового строения прямо перед их окнами, закрывая им солнце, глохнут от нечеловеческого шума строительных работ, задыхаются от цементной пыли — понимая при этом, что нарушены все и всяческие нормы, но жаловаться бесполезно, потому что цена вопроса слишком высока.

Точечная застройка звучит сейчас почти так же угрожающе, как недавно звучало другое модное сочетание — *точечный удар* (в отличие от *ковровой бомбардировки).*

Точечная застройка — и вот уже спилены тополя, посаженные в детстве на субботнике — а вот уже котлован зияет на месте детской площадки…

Между тем, не то чтобы сочетание *точечная застройка* кто-то недавно придумал в пылу баталий. Оно давно существовало как градостроительный термин. Просто когда экстенсивное разрастание Москвы путем клонирования бесконечных Черёмушек стало сменяться поиском свободных пятачков, на которые можно втиснуть парочку небоскрёбиков, сочетание *точечная застройка* перестало быть термином и стало боевым кличем. Типичная ситуация. Когда какая-то тема приобретает большую общественную значимость, это часто находит свое

выражение в том, что какой-либо термин или термины из соответствующей области становятся достоянием общего языка — иногда не без смысловых потерь и искажений.

Чудный синоним *точечной застройки — уплотнительная застройка.* Тут уже слышен голос не строителя, а чиновника.

Уплотняют Москву, как уплотняли раньше профессорские квартиры, подселяя по семье в каждую «лишнюю» комнату. Потому что то, что было *домом,* стало *жилплощадью.* Ах, не можете обедать в смотровой? Не обедайте.

Я ещё вот о чем всё думаю. Ведь в Петербурге градостроительная ситуация, в общем, похожа на московскую. Она должна тоже выражаться какими-то словами — только вряд ли это может быть *точечная застройка.* И вот почему я так считаю.

Тут все дело в различиях между московским и питерским вариантами литературного языка. Это не только всякие старинные *поребрики* и *парадные.* То, что у нас называется *шаурма́,* в Питере — *шаве́рма.* А то, что у нас называют *башней,* в северной столице именуют *точечным домом* или *точкой.* Кстати, в разных городах России одноподъездные многоэтажные дома называются еще *высотками, свечками* или *шишками.* А в Москве *высотки* — это вовсе не *башни,* а *«сталинские» высотки.* Ну так вот. Если в питерском языке за прилагательным *точечный* уже закреплено вполне определенное архитектурное содержание, то сочетание *точечная застройка* оказывается неоднозначным и для написания на знамени непригодным. И все же в Петербурге нашлось аналогичное сочетание, выплеснувшееся за пределы строительного языка и ставшее невероятно популярным. Это выражение *пятно застройки* или *пятно под застройку.*

Петербуржцы обсуждают современные градостроительные проблемы, лихо оперируя именно этими выражениями. Так что если в центре Москвы исчерпала себя *точечная застройка,* то в центре Петербурга не осталось *пятен под застройку.* В общем, любимый город может спать спокойно. Оба любимых города.

Какая-то не такая

Есть такая телевизионная реклама: девушка разговаривает по телефону и одновременно делает себе бутерброд с каким-то мягким сыром. Текст следующий: «Представляешь, пошла вчера по магазинам, она с таким красавчиком идет, вся модная, и прическа. А вчера сама такая позвонила, оказывается…» Что оказывается, нам не суждено узнать, потому что девушка в этот момент надкусывает свой бутерброд и выпадает из общения. Но главное произнесено: *сама такая позвонила.* Это употребление местоимения *такой* существует довольно давно, но в последнее время очень распространилось. Лингвисты уже обратили на него внимание и изучают на материале записей разговорной речи. Чаще всего это местоимение используется для введения прямой речи, вместо речевого глагола или вместе с ним, скажем, *Она такая: «А сколько Вам лет?»* или *А я такая говорю: «Я здесь останусь».* Но это не обязательно: *Я такая сижу, книжку читаю.* В этом слове есть изобразительность, приглашение представить себе, как именно это выглядело, даже какое-то любование. Не знаю, может кто-то и может сказать: *А она такая побледнела и мгновенно умерла* или *Я такой приставил ему нож к горлу,* но обычно все же это слово попадается в легкомысленном девичьем щебетанье. Примеры показывают, что его можно встретить и в мужской речи, но больше оно все-таки женское.

Я бы сказала, что в сочетании *я такая* есть легкое жеманство и трогательный нарциссизм.

Недавно в такси я услышала песенку. Сюжет ее вкратце таков: девушки приходят на пляж. Солнце, море, прекрасная природа и интересные представители противоположного пола, однако им, этим представителям, скучно. Героини песни быстро решают эту

проблему. Так незаметно проходит лето, но теперь есть, что рассказать подружкам, хотя и с купюрами. Если вы разбираетесь в современной музыкальной культуре, то, возможно, догадались, что речь идет о песне «Море зовет» группы «Фабрика». Но это я потом выяснила, что есть такая группа — детище «Фабрики звезд», что мелодию этой песни можно установить на телефон. Правда, автор слов, как, впрочем, и музыки, остался мне неведом. А тогда я обратила внимание как раз на необычное употребление местоимения *такой:*

Море зовет,
Волна поет,
А мы такие загораем.
Море зовет,
Диджей готов,
А мы такие зажигаем.
Ла-ла-ла…
Море зовет,
Волна поет,
А мы такие загорели.

В первой фразе — *А мы такие загораем* — все нормально. Девушки красивые, спору нет, поэтому вполне естественно, что они предлагают всем мысленно полюбоваться, как они загорают. Совсем другое дело — фраза *А мы такие зажига*ем. Об этом глаголе я еще как-нибудь напишу отдельно, но сейчас важно, что он не указывает на какое-либо конкретное действие. *Зажигать* можно самыми разными способами, главное, чтобы было… зажигательно.

И когда говорят, что кто-то *зажигает,* мы понимаем, что человек хорошо проводит время, но не можем себе точно представить, что именно он делает. А в такой ситуации использовать «изобразительное» местоимение *такой* довольно странно.

Действительно, одно дело *Я такая захожу, Я такая сижу, курю* или даже *Я такая зажигаю спичку и подношу к его сигарете* — но совсем другое *Я такая развлекаюсь, Я такая пускаюсь во все тяжкие* или *Я такая зажигаю.* По-моему, это неудачно.

И уж совсем неестественно звучит фраза *А мы такие загорели.* Местоимение *такой* в сочетании с глаголом служит сигналом, что надо «увидеть», как именно это происходило, а за ним следует форма *загорели* с, так сказать, перфектным значением — она предлагает сконцентрироваться как раз не на процессе, а на результате. Как нам объясняли когда-то про значение глагольных

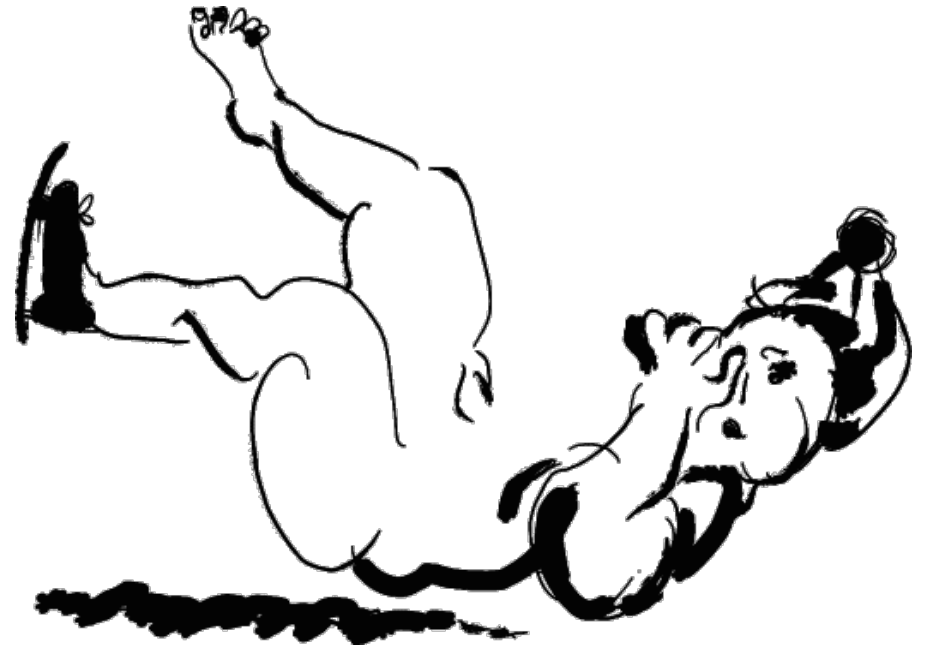
форм серии perfect в английском языке: действие завершено, и результат налицо. То есть, в данном случае, на лице. И не только. Так что уж либо *Мы так загорели,* либо *Мы такие загоревшие.*

Но тут вот что интересно. Мне могут возразить: какое вообще может быть правильно-неправильно, когда речь не идет о кодифицированном литературном языке?

А кто-то еще скажет: да это все неправильно. *А я такая захожу* — тоже, мол, неправильно.

Тем более, что я сама не являюсь носителем той разновидности русского языка, где есть значение местоимения *такой,* о котором я повествую. А девушки-фабрикантки, вероятно, как раз являются. Можно сказать: раз их устраивает, значит, для них это правильно.

И все же я уверена, что *А мы такие загорели* — неправильно, неправильно, неправильно. И в жизни даже сами певицы так наверняка не говорят.



Среди слов — героев нашего времени — выделяется словечко *отдыхает.* Например, человек на вопрос о том, хорошо ли поет его сосед, жизнерадостно отвечает: *Басков отдыхает!* Хорошо, значит, поет. К одним людям это слово прилипло и не отлипает, других от него трясет, третьи цитируют его со смехом. Что-то в нем есть такое — дразнящее.

Сама по себе логика тут понятна.

Например, *освободить от занимаемой должности* — это такой эвфемизм. Как будто должность тяготит человека. На самом-то деле имеется в виду, что место от человека освобождают.

Да и слово *уволить* — от воли. И, скажем, немецкое *entlassen* — уволить, а буквально отпустить. *Посредников просят не беспокоиться* — читай не беспокоить. Так что в принципе все понятно, но интересно: откуда взялась именно эта формулировка? У меня есть гипотеза, но сначала хочу сказать о самом глаголе *отдыхать.*

Этот глагол за два последних века довольно сильно изменил набор своих значений (его эволюцию недавно подробно описала моя коллега Анна Зализняк). Например, у него были значения «не умереть, остаться живым» и «успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала»: *Я подумал, что дедушка умер <…>, но Параша скоро воротилась и сказала, что дедушка начал было*

томиться, но опять отдохнул (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука); *Для шутки камешек лукнул / И так его — зашиб, что чуть он отдохнул* (И. Дмитриев. Два голубя) … *с одним нахалом казаком, которого за насмешки я хватил неловко по голове нагайкою <…> да, к счастию, он отдохнул* (М. Н. Загоскин. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году); *— Фу, братец, как ты меня напугал, — проговорил Заруцкий, садясь на канапе, — насилу могу отдохнуть!* (М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре). Вообще раньше *отдых* был больше связан с *дыханием (отдохнуть* как *отдышаться* или *перевести дух)*. В XX веке значение избавления от усталости стало у слов *отдыхать* и *отдых* основным. У них также развилась идея не-работы и особым образом проводимого досуга: *проводить на заслуженный отдых,* т. е. на пенсию, *дом отдыха, парк культуры и отдыха, зона отдыха, отдыхающие, культурно отдыхать* (что бы это ни значило), *Я уже отдохнул* (в этом году уже съездил в отпуск) и т. д. Оно и понятно: канонизация форм отдыха служила необходимым дополнением культа труда. Доходило до смешного, как в знаменитой формуле борьбы рабочих за свои права: «Восемь часов работе, восемь часов отдыху, восемь часов сну».

Это — то есть поездка на работу и обратно на трамвае, стояние в очереди за туалетной бумагой, чистка картошки, стирка и пр. — это все отдых. Потому что не работа в смысле не общественно-полезный труд.

В связи со словом *отдыхать* нельзя не вспомнить замечательный довлатовский пример:

> Случилось это в Пушкинских Горах. Шел я мимо почтового отделения. Слышу женский голос — барышня разговаривает по междугородному телефону:
>
> — Клара! Ты меня слышишь?! Ехать не советую! Тут абсолютно нет мужиков! Многие девушки уезжают так и не *отдохнув!*
>
> *(С. Довлатов. Соло на Ундервуде).*

Пример, конечно, шуточный, но совершенно понятный: *не отдохнув* — значит не получив того, за чем ехали в отпуск, которого дожидались 11 месяцев, томясь на работе.

Но вернемся к новому употреблению глагола *отдыхать (Басков отдыхает).* У меня есть гипотеза, откуда оно взялось. Это, впрочем, чистая игра ума, никаких доказательств у меня нет. Мне кажется, что оно пришло из спорта, прежде всего из тренерской речи. Я представляю себе, например, футбольного тренера, который производит замену игроков на поле. Удаляя игрока, он

как раз и может сказать: Такой-то *отдыхает. Отдыхает,* то есть не работает, то есть не нужен, то есть недостаточно хорош.

Здесь характерна еще замена повелительного наклонения на изъявительное, причем на третье лицо: не *отдохни*, а *отдыхает.* Как будто это не распоряжение, а констатация свершившегося факта.

А скорее, тренер даже не заменяет игрока, а выбирает, кто выйдет на поле, а кто будет сидеть на скамейке запасных. Это *отдыхает* — формула отвержения. От нее один шаг до метафорического употребления: *Басков отдыхает,* потому что появился кое-кто получше. Сосед, то есть, который поет.

Слово и дело

Хорошо известно, что для живой неподготовленной речи человеку необходимы особые языковые средства. Например, заполнители пауз и показатели неточности выбранного слова (всевозможные *типа, это самое, как бы)*. Без них человек просто не успевал бы формулировать, облекать в слова свои соображения. Так сказать, не мог бы угнаться бы за мыслями-скакунами. Этой же цели служат слова с максимально широкими значениями — типа *штука* или *хреновина.* Причем интересно, что иногда в этой роли выступают слова с исходно предметным значением *(штука, вещь),* а иногда — с отвлеченным *(это дело)*. Вот у Галича: *Мы пивком переложили, съели сельдь, Закусили это дело косхалвой.* А у Окуджавы — наоборот: *Любовь — такая штука, В ней так легко пропасть.* Да это еще у Толстого было:

> — Борис, подите сюда, — сказала она с значительным и хитрым видом. — Мне нужно сказать вам одну вещь. Сюда, сюда, — сказала она и привела его в цветочную.
>
> — Какая же это *одна вещь?* — спросил он.
>
> Она смутилась, оглянулась вокруг себя и, увидев брошенную на кадке свою куклу, взяла ее в руки.
>
> — Поцелуйте куклу, — сказала она.

Читатель с легкостью вспомнит похожие словоупотребления и в других языках.

Разумеется, не всегда такие универсальные слова так уж полностью выхолащиваются. Например, *такая штучка,* казалось бы, то же самое, что *такая штука,* но нет — *штучкой* можно назвать все-таки скорее что-то из мира материального. Никому не придет в голову сказать: *Любовь — такая штучка.*

Подобные словечки сменяют одно другое: то то входит в моду, то это. Они могут служить своего рода приметами времени. *Это дело* сейчас стали говорить как-то меньше, а одно время оно

было очень популярно. Помню, даже в книжку «Русская разговорная речь» попал пример: *Засунь это дело (табуретку) на антресоль.* Да и социально они различаются. Сомневаюсь, что кто-то из читателей активно использует слово *шняга (Что это там за шняга?).* Или говорит так: *Дай-ка сюда вон ту ерунду!* И уж конечно, здесь есть и индивидуальные пристрастия.

Я это все вот к чему. В последние годы стремительно вошло в моду, особенно в языке молодежи, слово *тема: Тема такая — завтра идем в кино. Да у меня там в машине такая тема… Такая классная тема — эта картошка.* И даже в песенке поется: *Такая тема — Врубайся страна!* Одобрение теперь часто выражают формулой: *А что! Это тема!* или просто *Тема!* А неодобрение, напротив: *Нее, ну это ваще не тема.* Есть такая социальная реклама: *Наркотики — не моя тема.* Это не в том смысле, что журналист не специализируется на данном предмете, а в том, что человек их не употребляет. Источник такого значения понятен: *не тема* — значит, не о чем говорить, неинтересно, а отсюда и вообще — плохо.

У слова *тема* в этом употреблении сначала был какой-то приблатненный оттенок. Мне кажется, на его распространение очень повлиял телевизор, а именно сериал «Бандитский Петербург». Это любимое слово главного мафиози по кличке Антибиотик, ставшего культурным героем довольно широких слоев населения. Сейчас блатной налет с *темы* вроде стерся.

Слово *тема* еще не прошло до конца свой путь. Пока я не слышала, чтобы говорили: *Вон ту тему положи в чемодан* или *Что-то эта тема подгорела.* Может, до этого дойдет, а может, и нет.

До *темы,* помню, слово *сюжет* пробовалось было на эту роль: *Тут такой сюжет…* Но как-то не привилось.

Зато другое близкое слово — *история* — уже употребляется вполне предметно. Например, в телевизионных передачах о моде и интерьерах постоянно слышится: *Эта клетчатая история гармонирует с тем-то, Нашу барочную историю мы дополним тем-то, К такой роскошной шелковой истории необходимы каблуки.* Это слово, правда, используется не так широко, как *тема,* и социально оно совершенно другое, но оно тоже очень активно распространяется.

Уж не знаю, откуда вдруг такая мода на это популярное литературоведение в наше непростое время…

Неформат

Собственно, чуть не половина моих заметок строится по одной схеме: *Включаю я тут телевизор и слышу… Вообще это слово сейчас стало употребляться очень активно… Даже так, например, стали говорить…* И это не случайно…

Так вот. Включаю я тут телевизор, а там одна из тех передач, где непосредственно в прямом эфире люди встречаются, влюбляются и женятся. И как раз герой передачи капризно так говорит: «Эта девушка — не моего формата».

Конечно, слово *формат* было давно. Только раньше говорили о *формате* книг, потом мы узнали о *формате* файлов, а уж теперь *формат* появился буквально у всего: у радиопередач и телеканалов, у мероприятий и магазинов, у шоколадок, у напитков и у девушек.

В одной рекламе популярный шоумен произносит, закатывая глаза: «Какой формат!» — и уточняет: *«Я о журнале, конечно».* Ну да, а то ведь всякий человек при слове *формат* представляет себе номер бюста или что-нибудь в этом роде. Я, кстати, не думаю, что, говоря *девушка не моего формата,* жених из телепередачи подразумевал именно и исключительно размеры. Он явно имел в виду то, что раньше называлось «не в моем вкусе». Здесь важно то, что слово *формат* не просто распространилось в каких-то специальных контекстах, но и стало общеупотребительным. Вот уже и о *формате свидания* говорят. Вот молодой человек жалуется, что повел девушку

на прогулку, а она в недоумении: *Она начала спорить, что наша встреча не укладывается в формат свидания. Я спросил: — Что такое свидание? — Ну… это… когда в ресторане сидишь!* Интернет заполнен обсуждениями самого понятия свидания в терминах *формата: Свидание или нет — определяется ощущением*

(причем чисто субъективно, для себя) и абсолютно не зависит от формата. Кстати, формат обычно как раз определяется наличием/отсутствием этого ощущения, хотя, впрочем, и не всегда. Или: *Свидание само по себе есть не что иное, как просто условленная встреча, и не имеет определенного формата.*

А вот дискуссия на интересную тему: *Секс на первом свидании, ЗА и ПРОТИВ.* И кто-то решительно заявляет: *Смотря каков формат свидания.* А кто-то другой задает насущный вопрос: *Где устроить в Омске свидание нон-формат?*

Мой коллега рассказывал, как был поражен, услышав от сына, собиравшегося жениться: «Мы наконец определились с форматом свадьбы».

А мой любимый пример использования обсуждаемого слова — это набор шоколадных конфет «Формат». Это показатель. На коробках шоколадных конфет всегда пишут самое заветное: их ведь дарят учительницам детей. Да и вообще шоколад — ну там, «гормон счастья» серотонин и пр. Раньше, к примеру, были конфеты «Родные просторы». А теперь вот «Формат». Почувствуйте, как говорится, разницу.

Формат в современном смысле — очень емкое слово. Оно подразумевает и то, что мы раньше обозначили бы как *канон* или, скажем, как *жанр (формат мероприятия),* и вообще любую совокупность заранее заданных свойств, необходимых для того, чтобы объект «вписывался» в ситуацию, соответствовал определенным требованиям и ожиданиям, был *успешным* и *эффективным.*

Эта установка на успешность в сочетании с чрезвычайной технологичностью делает слово *формат* таким непривычным для русской культуры и одновременно столь современным. Как многократно отмечали культурологи и философы, традиционная русская культура отличалась пониженной «достижительностью» и высокой степенью интуитивности. Но вот сейчас это меняется: на наших глазах появились выражения *успешный человек, эффективный человек,* стерся осуждающий оттенок у слов *амбициозный* и *карьера,* захватило все сферы жизни слово *проект,* входит в моду слово *позиционировать.* Поэтому стремительное распространение слова *формат* действительно не случайно.

Обращаю внимание читателей, что заявленный в первом абзаце *формат* заметки выдержан полностью (в формальной поэтике это, кстати, называется *обнажение приема).* Но к пункту «не случайно» хочу добавить еще кое-что.

Формат теперь — важное культурное слово. Кому из пишущих людей не доводилось слышать от редактора: *Ах, это так интересно, но, к сожалению, не наш формат.* В смысле,

подите вон.

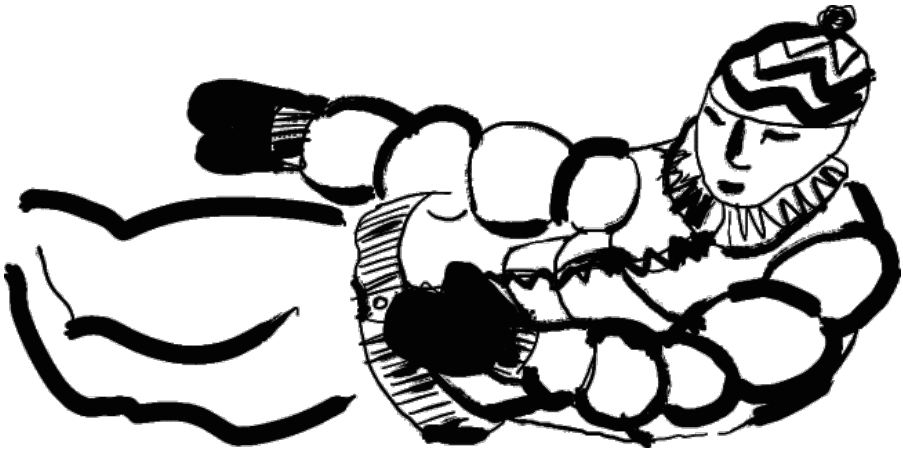
Вечное противостояние мейнстрима, официоза, эстетического конформизма, масскульта, салона, попсы, с одной стороны, и андерграунда, альтернативы и всех прочих видов вольного парения духа, с другой стороны, концептуализуется сейчас в волшебном слове *неформат.* Как поет «альтернативная» группа «IFK»: *Неформат — любимое слово, / В том, что для вас так ново, / В том, чего вы не знаете, / Хотя должны были бы знать. / Вас нельзя узнать, / Вас нельзя понять. / Нельзя понять то, / Что они называют / Радиоформат / Вам нас не узнать, / Вам нас не понять* и т. д.

Сначала при помощи слова *неформат* душат все живое и прогрессивное, а потом само живое и прогрессивное превращает это слово в гордое самоназвание. Любой человек, немного знакомый с устройством культуры, понимает, что следующий шаг состоит в том, что сам *неформат* образует новый *формат.*

Красиво жить не запретишь

«

Комфорт — наше всё!



Реклама одной из марок спортивных курток гласит: *Экстремально комфортно!* В этом словосочетании интересны оба слова. Слово *экстремальный,* в отличие от своего английского прототипа, не просто указывает на высшую степень какого-либо качества, но всегда связано с трудностями и опасностями, а вовсе не с комфортом. Но это, понятное дело, игра, здесь содержится намек на то, что эти куртки подходят для разных *экстремальных* авантюр.

А вот слово *комфортный* само по себе замечательно. Оно появилось в русском языке недавно, и появление его не случайно. *Комфортный* — это такой, который благоприятно отражается на самочувствии, доставляет приятное ощущение. Это может быть физическое ощущение: например, *комфортная температура* — это когда не холодно, но и не слишком жарко. А может иметься в виду психологическое состояние: человеку *некомфортно,* то есть он не в своей тарелке. При этом *комфортность* как раз исключает всякое представление об экстремальности. Если человек испытывает острое наслаждение или бурный восторг, то в этой ситуации никак не скажешь, что ему *комфортно.* Не характеризует это слово и глубокие душевные отношения между людьми. Если говорят: *Мне рядом с этим человеком комфортно,* то это, скорее всего, не про любовь.

Собственно говоря, в русском языке и до появления в нем слова *комфортный* было несколько слов на эту тему. Было, да и есть, слово *удобный.* Но *удобный* — это не столько доставляющий приятные ощущения, сколько не доставляющий ощущений неприятных. Например, *удобные очки* — это очки, которые не мешают. И потом, *удобный* — очень широкое слово. *Удобно* то, что

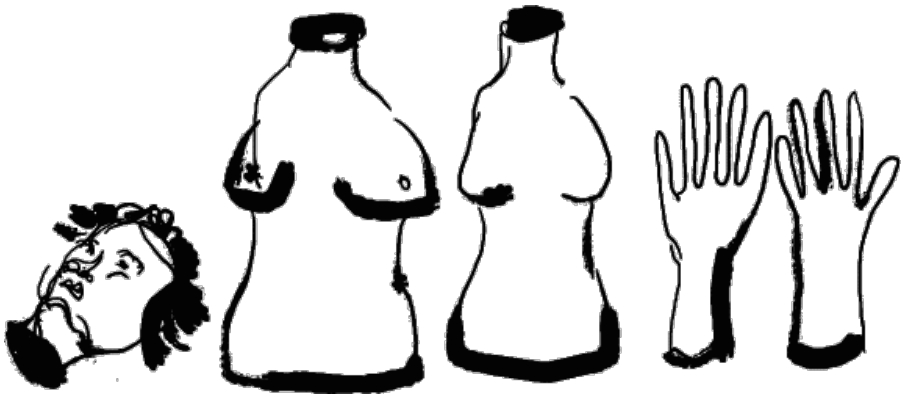
не противоречит планам человека. *Какое время вам удобно? Это самый удобный рейс.* Не говоря уже о том, что русское слово *удобный* употребляется применительно к поведению человека: *А удобно звонить ему так поздно? Мне неудобно, что Вам пришлось ждать.*

Есть в русском языке и замечательное слово *уютный.* Но его значение чрезвычайно специфично. *Уют* связывается с закрытостью, небольшим размером, теплом, покоем. Если человек стоит на морском берегу, его обдувает легкий ветерок, ему может быть славно и *комфортно,* но никак не *уютно.*

Есть еще слово *комфортабельный,* которое появилось в русском языке гораздо раньше, чем *комфортный.* Но значение этого слова намного у́же. *Комфортабельным* может быть только что-то созданное человеком и для человека, в то время как *комфортной* может быть и температура морской воды. *Комфортабельными* бывают кресла, автомобили, квартиры, дома — то, в чем человек может находиться. Заметим, что, как слово *экстремальный* отличается от английского *extremely,* так и слово *комфортабельный* мало похоже на английское *comfortable.* Последнее имеет гораздо более широкое значение.

Итак, всех этих слов оказалось недостаточно. Поэтому в русском языке и появилось, и прижилось слово *комфортный,* описывающее одну из главных ценностей эпохи потребления: в ходе жизни, занимаясь своими делами, человек должен попутно постоянно получать удовольствие — не слишком заметное, не отвлекающее его от дел.

Дешевая распродажа



И снова я о том, что новые слова и значения просто так в языке не появляются. Когда пришли новые времена, русский язык, как, впрочем, до него и другие языки, столкнулся с проблемой.

Конечно, все помнят анекдот про двух новых русских. Один купил галстук, а другой ему говорит: мол, ты что, дурак, за углом такой же на 100 баксов дороже.

Мне еще нравится, как пишут иногда в объявлениях: *Дорого!* Я всегда думаю, что это значит: то ли предупреждают, мол, голодранцев просят не беспокоиться, то ли завлекают — типа за такие деньги плохого не предложат?

Тем не менее любой продавец понимает, что в норме человек стремится отдать за вещь не больше денег, а меньше. Но тут этот продавец и сталкивается с проблемой. Дело в том, что русское слово *дешевый* сомнительно с точки зрения привлечения покупателей. Мало денег отдать, конечно, приятно, но *дешевизна* как-то связана с убожеством, низким качеством, ширпотребом и т. п. *Для бедных,* в общем. Ну и всякие там презрительные производные *дешевка, дешевенький.* Вот у Галича:

> Эй, ты — в брючках, пшено, дешевка,
> Ты отчаливай, не форси.
> Тут трамвайная остановка,
> А не очередь на такси!..

А еще есть завет пушкинского Балды — *не гоняться за дешевизной.* Есть речения типа *Дешево хорошо не бывает.* В лучшем случае — *дешево и сердито.* Слово *недорого* тоже сразу навевает какие-то унылые ассоциации: *бедненько, но чистенько* или *скромненько, но со вкусом.*

Вот в немецком языке, кроме столь же уничижительного слова *billig* (дешевый), есть и нисколько не компрометирующее покупателя слово *günstig* — то есть не то чтобы дешевый, но имеющий оптимальное соотношение цены и качества. Как только в России образовался новый капитализм, вместе с ним родилась и потребность в таком же русском слове.

Сначала на эту роль баллотировалось слово *доступный.* В нем явно отразились утопические представления о том, что стоит отменить 6 статью и объявить свободу, как у каждого появится автомобиль.

Доступный — кому? И если товар *доступный,* как он одновременно может быть, например, *эксклюзивным?* Сначала об этом не думали, да и сейчас думают не всегда: *Интернет-магазин парфюмерии духи.net — это сертифицированный парфюм и туалетная вода от лучших производителей парфюмерии и косметики по доступным ценам.* Ну допустим. *Меховой салон Эль Тападо — шубы из натурального меха по доступным ценам.* Хорошо, я не показатель. *Dell Inspiron 1300 — наилучший выбор практичного портативного компьютера по доступной цене! 849 у.е.* Гм. В общем-то недорого, конечно, но все же 849 у.е. — не три копейки. *YES!: эксклюзивный родстер по доступной цене. Один из немецких автомобильных вузов представил на женевском автосалоне родстер и купе, которые совместно с одной из немецких компаний планируется запустить в мелкосерийное производство. Ориентировочная стоимость базовой версии составляет 75.350 евро.* Вот уж это дудки. В каком смысле сумму 75.350 евро можно назвать доступной? Ну, анекдотичную формулировку про *элитное московское жилье по доступным ценам* оставим без комментариев.

Просто слово *доступный* очень прозрачно по смыслу, как его ни затирай. Периодически оно провоцирует самих рекламодателей на трогательные попытки объясниться — кому все-таки доступны их доступные цены:

Уникальное предложение! Элитная пластическая хирургия по доступным ценам! Погодим смеяться, почитаем дальше. *Если Вы хотите сделать пластическую эстетическую операцию, но цены у главного хирурга клиники Корчака Владимира Васильевича для Вас недоступны, клиника предлагает Вам операцию у хирурга клиники к.м.н. Архипова Дениса Михайловича. Цены ниже в среднем на 25 %.* Теперь понятно, как говаривала Екатерина Вторая.

А то еще бывают *выгодные цены* (но стремление к выгоде нашей культуре выглядит не очень симпатично), *выигрышные, смешные* и *сумасшедшие,* а также *разумные, привлекательные* и даже *демократичные цены.* Мне особенно понравилось выражение *бесплатные цены.*

Но вот в последнее время в нужном значении все более активно используется слово *бюджетный.* Это раньше говорили только *бюджетный профицит, бюджетное финансирование, бюджетные организации.* Теперь же мы слышим и читаем: *бюджетная видеокамера, бюджетный ноутбук, бюджетный тур, бюджетная цена.* Что такое *бюджетная видеокамера?* Это вовсе не значит плохонькая, дешевенькая, послезавтра сломается. *Бюджетная* — значит в ней есть необходимые функции и нет лишних наворотов, так что если вы не профессионал, и если вам нужна камера, а не понты, и если вам не все равно, сколько за нее платить…

В слове *доступный* есть некий вызов: а вы цену видели? ау вас деньги-то вообще есть? В слове *бюджетный* этого нет.

Человек, может, и за десять тысяч таких камер мог бы заплатить, но он запланировал потратить на эти цели такую-то сумму, а намного больше платить считает нецелесообразным.

Новое значение прилагательного *бюджетный* заимствовано из английского языка, в котором слово *budget* употребляется еще более широко. Вот например, по-русски пока не говорят о *бюджетных шлепанцах.* А по-английски пожалуйста: *Budget slipper. Good quality sheepskin slipper at a budget price. Leather heel support. Strong vinyl outsole. Years of comfort. Great price. Beige only.* У нас *бюджетными* все-таки бывают достаточно дорогостоящие вещи. Тем не менее, шансы у русского слова *бюджетный,* по-моему, неплохие. Поживем — увидим.

Слаб все-таки человек. Казалось бы, все всё понимают, все читали у Шекспира про имя и розу. Все знают пословицу: *Хоть горшком назови, только в печь не ставь.* Но все же спросим себя: приятнее купить вещь по относительно низкой цене, если над ней что написано — *уцененные товары* или *специальное предложение?*

Отдайся шоппингу!

Недавно я была на конференции в Америке, и там у меня произошел любопытный разговор с коллегой, нашей соотечественницей, живущей сейчас в этой самой Америке. Вообще надо сказать, что носители языка, переехавшие в чужие страны, зачастую бывают особенно строги к фактам «порчи» родного языка. Мы-то привыкаем к разным языковым новациям постепенно, а вот на них новые слова и выражения сваливаются неожиданно, при встрече с родиной или компатриотами.

Так вот, коллега возмущалась новым русским словом *шопинг*. (К слову, сейчас все более распространяется написание этого слова с двумя «п», но словари его пока что не очень признают.) Вот, мол, опять схватили совершенно не нужное, есть ведь *поход по магазинам* или *за покупками*.

Я в ответ завела свою обычную песню: раз слово в языке так хорошо прижилось, значит, оно зачем-то языку нужно, а *по магазинам* или *шопинг* — совершенно не одно и то же.

Через пару дней я уже возвращалась на родину самолетом компании Alitalia. И в самолетном рекламно-ознакомительном журнале, какие рассовывают в сеточки на спинках кресел, оказалась статья (ее показал мне приметливый А. Шмелев), которая начиналась словами: «Andare a comprare» е «fare shopping»… то есть «идти за покупками» и «делать шопинг» — и далее привожу сразу в русском переводе: «на первый взгляд эти выражения значат одно и то же, и тем не менее, не существует двух более непохожих занятий». Текст производил поразительное впечатление: казалось, что это перевод на итальянский русского текста, описывающего выражения русского языка. Вот вкратце,

что там было написано. *Идти за покупками* — значит идти с целью купить нечто, в чем мы нуждаемся, туда, где мы рассчитываем купить это нечто по доступной или разумной цене. Перед началом сезона, рассказывает автор, мать проводила ревизию детской одежды и обуви, отец подсчитывал финансы, а потом составлялся список, кому из детей нужно купить новые ботинки, а кому позарез нужна куртка, а ботинки пока сойдут и старые. Потом следовал поход в магазин, где дети терпеливо примеряли указанные матерью вещи и, с трудом дождавшись окончания экзекуции, спешили вернуться к играм и другим важным делам. Никому не приходило в голову рассматривать мероприятие как удовольствие. Разумеется, все это не было *шопингом.* Иное дело, когда мы бродим по магазинам, как по музею, и покупаем вещи, которые заранее не планировали покупать, а то и такие, о существовании которых не имели ни малейшего представления, пока не увидели их в магазине.

Шопинг — это времяпрепровождение, праздник, игра, способ снятия стресса, способ познания мира, своего рода спорт (последнее касается особенно шопинга в период распродаж). *Шопинг* — это терапия и это мания.

Наконец, автор выразительно описывает современные храмы *шопинга* — моллы начала третьего тысячелетия, которые являют собою целые города, с площадями и фонтанами, но — и тут обнаруживается, что глобализация все-таки пожрала еще не всё — но в этих мнимых городах человек не рискует испытать *стендалевский синдром.*

Синдром Стендаля — это то, о чем всегда пишут в итальянских путеводителях. Стендаль якобы потерял сознание от красоты церкви Санта Кроче во Флоренции. Идея болезненности чрезмерно острого эстетического переживания — это то, что вряд ли пришло бы в голову упомянуть русскому автору, взявшемуся писать о *шопинге.*

Страх быть травмированным избытком красоты не входит в принятую в русской культуре номенклатуру человеческих фобий. Да оно и понятно — у нас ведь не Италия.

В остальном же все нам близко. И про подростков, которые тусуются в торговых центрах, хотя у них и денег-то почти нет. Просто это среда, в которой жизнь современного подростка обретает смысл и ценностные ориентиры.

Английское слово *shopping* попало не только в итальянский и русский, но и во многие другие языки, причем мне кажется, что в языках-реципиентах оно обрело даже больший концептуальный накал, чем в английском. Как получается, что в разных языках с этим словом связывается практически одинаковый круг идей?

Ведь его и словари-то пока плохо фиксируют. Видимо, это те идеи, которые в современном обществе потребления кодируются и транслируются самыми разными способами. Ничего удивительно, что человек их вольно или невольно считывает и ассоциирует с глуповатым словом *шопинг*.

Доказательство любви

Как только мы завели у себя конкуренцию, вместе с ней завелось и все, что служит привлечению клиентов вообще и постоянных клиентов в особенности. В частности, скидочные карты. Как же обозначить эти карточки и этих клиентов? Можно, конечно, клиентов никак не называть, а карты именовать просто, ну там *карта нашего магазина, серебряная, золотая, платиновая карта.* Ага, *клубные карты.* Тоже бывают. Я всегда вспоминаю диалог из «Служебного романа»: «Ну блайзер, клубный пиджак». — «Это что, для дома культуры?» — «Туда тоже можно». Бывает еще *VIP-карта* — впрочем, *VIP* — это уже о клиенте. А еще какие варианты?

Проще всего было бы заимствовать обозначение этого постоянного покупателя, но тут все как-то неудачно. По-английски бывает чаще всего *loyal, valued* или *preferred customer.*

Вот слово *loyal* — как написать *верный, преданный покупатель?* А что, ничего. Но немного чересчур патетически.

Таких карточек я не встречала, хотя они, возможно, существуют. Вообще же вместо *loyal customer* стали писать просто *постоянный покупатель,* хоть это и несколько невыразительно. Например, на дисконтной карте магазинов «Stockmann» так и значится: *loyal customer* — и выше по-русски: *постоянный покупатель.*

Смешно, конечно, тупо написать: *лояльный покупатель.* По-русски это значило бы, что этот покупатель не ворует с полок и не говорит о своем придворном магазине гадости направо и

налево.

А то еще слово *лояльный* сейчас часто употребляется в значении «толерантный» *(лояльное отношение к недостатком)*. В этом смысле *лояльный покупатель* — это тот, кто терпеливо сносит несвежие продукты, завышенные цены и хамство кассиров. Такого действительно стоит привечать! Впрочем, оказалось, что это я думала, что смешно, а кому-то не смешно. Вот баскетбольный магазин «Ситислэм» сообщает: «Карта лояльного покупателя выдаётся при покупке на сумму 7000 руб. в течение одного дня. <…> Два раза в год проводятся акции для лояльных покупателей». Да и у сотового оператора «Мегафон» есть *бонусная программа для лояльных клиентов.*

С формулировками *valued (ценный, высоко ценимый)* и *preferred (предпочитаемый, привилегированный) customer* тоже все непросто. Нет, конечно, полно этих самых *привилегированных,* но все же как-то это слово ассоциируется со спецраспределителями, спецпайками и чем-то незаконным (что соответствует и его происхождению). Кому-то это приятно, но не всем и не всегда.

А в сочетании *ценный клиент* и вовсе есть что-то охотничье — оно звучит как *богатенький Буратино.*

Но в последнее время русский бизнес нащупал свой путь в этом вопросе. Дело в том, что наш человек не настолько жаден, экономен и тщеславен, чтобы стоило жать в первую очередь на эти рычаги. Он эмоционален и душевен. Приятнее всего для него не экономия, не привилегии, а хоть намек на персональное сердечное отношение и всплеск чувств. Эта простая мысль все чаще реализуется в рекламных кампаниях: *Мега — шоппинг от всего сердца; Спортмастер — эмоции в подарок* и т. д. Вот и с карточками так.

Теперь покупатель уже оказывается не просто *постоянным,* не каким-то там *лояльным,* что бы это ни значило, а просто — *любимым.*

Карта Любимого покупателя Обувного центра «Zenden»; Торговая сеть «Пятерочка»: Дисконтные карты «Любимый покупатель». Вот что нам сулят: «Стать Любимым Гостем? Легко! Вы можете стать Любимым Гостем уже при первом посещении заведений компании „Малахит“. Для этого Вам достаточно обратиться к менеджеру и получить анкету на получение карты участника Программы „Любимый Гость“. Обратите внимание: карта получается бесплатно!» Что ж, приятно так легко стать любимым, хоть бы и гостем. «„Карта Любимого клиента“ дает право на скидку при покупке товаров/заказе услуг в розничной сети General Satellite в размере 3 %. <…> „VIP-карта“ дает право на скидку при покупке товаров/заказе услуг в розничной сети

General Satellite в размере 5 % <…> „Карта Любимого клиента“ обменивается на „VIP-карту“ при совершении повторной покупки на сумму более 50 у.е. (за вычетом 3 % скидки). „Карта Любимого Клиента“ при этом у покупателя изымается».

То есть, став *особо важной персоной,* перестаешь быть *любимым.* Логично.

Разумеется, всем понятно, что на самом деле карты типа «Любимый клиент» имеют мало отношения к любви. Но немножко как будто и имеют. Ну хоть чуть-чуть.

Старость не радость

Об утешительных эвфемизмах

В одной психологической статье я прочитала, что у автора была пациентка, дама, гм, не совсем первой молодости, которая в своем рассказе все время употребляла выражение *взрослая женщина (Я пришла, а там была одна взрослая женщина, и она сказала…).* То есть вроде как если та взрослая, то сама пациентка, что, девочка, что ли? Психолог объясняла эту путаницу тем, что пациентка уже столько сделала пластических операций, так долго и усиленно молодилась, что теперь сама совершенно дезориентирована и не понимает, где ее возрастная группа.

Я думаю, что здесь есть еще одна причина. Для той пациентки назвать даже другую женщину *пожилой* — значит впустить в свое сознание мысль о существовании старости.

Сейчас в обществе царит такой культ молодости, что сами упоминания о старении стали очень рискованными. Как написано на упаковке полезного кисломолочного продукта, *Актуально быть молодым!* И язык, как водится, быстро отреагировал на это.

Лет 20 назад 26-летних соплячек врачи и акушерки бодро обзывали *пожилыми первородками* или *старородящими.* А теперь будьте любезны — роженицу под 50 деликатно назовут не *старой,* не *пожилой,* а *возрастной.*

Это новое, но стремительно распространившееся употребление слова *возрастной* — яркая черта нашего времени. Многие люди пока еще берут его в этом случае в кавычки. Раньше говорили: *возрастные группы, возрастные изменения.* Ну еще были у актеров *возрастные роли.* А теперь появились *возрастные женщины* и даже *мужчины, возрастная аэробика* и *возрастная*

кожа. А вместо сочетания *против старения* скажут скорее *антивозрастной эффект.* Когда я несколько лет назад впервые услышала сочетание *возрастная женщина,* мне оно показалось жутким просторечным эвфемизмом — ну как, например, «отдыхает» в значении «спит». Но оно мгновенно прижилось в женских журналах и оказалось незаменимым при обсуждении любовно-гинекологической, парфюмерной, парикмахерской и эстетико-хирургической проблематики. Вот несколько примеров: *Есть «возрастные» женщины, которые делают химическую завивку средством «Локон» перед дачным сезоном; Но еще чаще, мне кажется, к услугам пластических хирургов обращаются возрастные женщины; При этом ядро яйцеклетки возрастной женщины переносится в энуклеированную яйцеклетку женщины молодого возраста.* Мне понравилось, как любознательный юноша интересуется у братьев по сайту: *Кто-нибудь … с возрастными женщинами? Просто я хотел понять, в чем прелесть возрастной женщины?* Трогательно, что его не смущает глагол, но слово *пожилая* кажется слишком грубым.

А про *возрастную кожу* — это вообще здорово. Тут не только страх перед старением, тут еще и недавно к нам занесенный оптимистически-конструктивный взгляд на жизнь.

Плохую кожу теперь называют *проблемной,* а *увядающую* — *возрастной* или *зрелой.* Действительно: *плохая кожа* — значит сиди в уголочке и плачь. А если *проблемная кожа* — иди в косметический салон, в аптеку или хоть купи новый тональный крем. Решай проблему! *Увядающая кожа* — звучит мрачно-романтически. Мол, цветку скажи: прости, жалею — и на лилею нам укажи. А вот *возрастная кожа* — это уже почти формулировка задачи. Собственно, в рекламе так и пишут: *Возраст не препятствие для красивой кожи!* Решение же предлагается на каждом шагу: *крем для возрастной кожи, уникальные методы коррекции возрастной кожи, омолаживающие процедуры для возрастной кожи.*

А еще лучше определение *зрелая кожа: Зрелая кожа нуждается в специальном уходе, особенно в сохранении эластичности и тонизировании, а также в разглаживании мелких морщин; Крем питательный ночной для зрелой кожи в области глаз «Пшеница и василёк».* Надо же, а мы-то все думали, что же такое с годами происходит с кожей вокруг глаз. А она, оказывается, созревает. Ну тогда ладно.

Устный счет

Двадцать четыре удовольствия

Зря спасатели русского языка думают, что можно оградить его от тлетворного влияния чуждых идей, запретив те или иные заимствованные слова. Язык наш, как известно, правдив и свободен или, если угодно, празднословен и лукав, так что его на кривой козе не объедешь. Если ему нужно выразить какой-то смысл, будьте благонадежны: он его выразит, сколько слов ни вычеркни. Да собственно, язык и сам любит важный смысл донести окольными путями, так чтобы он как бы сам собой вдруг обнаружился в головах людей.

По этому поводу хочу поделиться одним наблюдением.

До совсем недавнего времени слова *запах, вкус, аромат* практически не могли сочетаться с числительными, да и их множественное число вело себя своеобразно. Если посмотреть, как употреблялась форма *вкусы* еще 10 лет назад, мы увидим, что практически везде имеется в виду вкус не в гастрономическом, а скорее в эстетическом смысле. *Угождать вкусам публики, У нас с ним разные вкусы.* Да даже *О вкусах не спорят* — это ведь, скорее всего, не о том, пересолен суп или недосолен. *Запахи, ароматы* раньше понималось как смесь запахов, сложный аромат: скажем, *запахи лета, ароматы осеннего леса.*

Пожалуй, и прежде можно было сказать: *Из-за болезни он перестал различать вкусы,* то есть не отличает сладкое от

соленого. Может быть, даже нормально прозвучало бы: *Есть 4 основных вкуса: сладкий, горький, кислый, соленый.* Но, конечно, немыслимо было то, что мы на каждом шагу слышим сейчас: *2 новых вкуса лапши быстрого приготовления, три новых запаха средства для мытья посуды, пять новых парфюмерных ароматов.*

Вот примеры:

Порошок с тремя ароматами: морской бриз, лимон, яблоко — предназначен для ручной и машинной стирки всех типов белья.

Говядина два вкуса: обжаренные в сухариках аппетитные кусочки мяса, с лимонным и острым соусами.

Два вкуса в одной пачке (лимон-изюм, курага-мак, орех-земляника), оригинальный дизайн. Европейское качество, низкая цена.

Гелевый ароматизатор воздуха (для автомобиля). Четыре запаха: «цитрус», «груша», «зеленый лимон», «свежесть».

Интересно, что слово *цвет* и раньше вело себя иначе. Была возможна и нормальная форма множественного числа *цвета́,* которая указывает не на сочетание цветов или какой-то сложный цвет, а просто на несколько отдельных цветов. Слово *цвет* свободно употреблялось в счетной конструкции: *два цвета, три цвета, семь цветов.* Это различие не случайно. Зрение занимает привилегированное положение среди чувств человека. Большую часть информации о мире мы воспринимаем зрением. К тому же зрительное восприятие у человека — самое осознанное, самое дискретное. Именно поэтому рациональное, логическое понимание обычно описывается при помощи метафоры зрения, другие же чувства используются скорее как метафоры интуитивного, иррационального постижения. Мы говорим: *Я вижу здесь две принципиальные возможности,* но *Ох, чует мое сердце, это добром не кончится.*

А вот теперь пожалуйста: стали возможны не только *семь цветов,* но и *пять вкусов* и *четыре запаха.* Оно и понятно.

Обществу потребления предлагаются готовые номенклатуры всего — в том числе вкусов, запахов, удовольствий (вспомним формулу *два удовольствия в одном).* Потребителю остается только ткнуть пальцем — выбрать. Все каталогизировано, посчитано, только что не пронумеровано пока. А то можно как в фантастическом романе — *вкус 22–12.*

Все совершенно закономерно. Между прочим, предыдущее пришествие капитализма в Россию тоже сопровождалось счетом запахов. Вот что писала Тэффи в 1911 году в рассказе «Рекламы»:

> А глаза читают: «Прежде чем жить дальше, испробуйте наш цветочный одеколон, двенадцать тысяч

запахов». «Двенадцать тысяч запахов! — ужасается ваш утомленный рассудок. — Сколько на это потребуется времени! Придется бросить все дела и подать в отставку». Вам грозит нищета и горькая старость. Но долг прежде всего. Нельзя жить дальше, пока не перепробуешь двенадцать тысяч запахов цветочного одеколона.

Жизнь в цвете

Три слагаемых успеха

Сейчас в магазинах продавщицы, показывая какую-то вещь, говорят: «Есть еще в таком цвете» (в черном, в зеленом), а не «такого цвета». Эта конструкция стала в последние годы чрезвычайно популярной. Вот характерный пример. Речь идет о кухне: «Я увидел ее в одном французском журнале, и эта картинка меня зацепила. Кухня понравилась мне своим креативом. Я поверил, что она милая, удобная и обаятельная. Когда у меня появилась квартира, я решил во что бы то ни стало ее найти, причем именно в том цвете — перламутрово-синем. Я очень доверяю своим первым впечатлениям и не верю в случайности. Мне кажется, все события и ситуации ведут к чему-то правильному» (Юлия Пешкова. Chapourin дом // «Домовой», 2002.04.04).

Я давно заметила, что то или иное явление стремительно распространяется в языке чаще всего в том случае, если соблюдены три условия. Во-первых, в языке должно уже существовать что-то подобное: скажем, отдельные выражения такой структуры, зачатки конструкции — пусть и совершенно до поры до времени непродуктивной, — которые помогают языку принять новое явление. Во-вторых, такая конструкция должна быть в другом языке, который активно влияет на наш — не секрет, что в последнее время это прежде всего английский. И, наконец, третье и самое главное. Языку должно быть для чего-то нужно это новое явление. Скорее всего, оно отражает изменения в

так называемой картине мира. Иначе оно не приживется и уж во всяком случае не распространится со скоростью эпидемии.

Теперь посмотрим на фразу: *Эта юбка есть еще в синем цвете.* Что ж, тут все три условия полностью соблюдены.

В принципе, оборот *в таком-то цвете* в русском языке существовал давно. Разумеется, раньше это сочетание было возможно лишь в строго определенных контекстах. Но важно, что оно в принципе существовало и могло послужить в дальнейшем плацдармом для экспансии нового явления.

Образные выражения видеть *(представлять) все в черном* или *розовом цвете* и т. п. активно употреблялись и в XIX в.: *Обстоятельства представлялись не в розовом цвете!* (Д. В. Давыдов. Дневник партизанских действии 1812 года). *А вот теперь весна, так и мысли все такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; все в розовом цвете* (Ф. М. Достоевский. Бедные люди). *В беспокойстве моем, в негодовании моем я видел все в черном цвете* (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели). Вот еще интересный пример: *Я бы мог попасться в руки к одному из тех немилосердных крикунов, которые, будучи больны желчью, все предметы видят в желтом цвете, или, что еще хуже, к тем, кои, страдая чернью (сплином), то есть охотой видеть все в черном цвете и выуча наизусть Лагарпа, как сорока Якова, перебранили и переценили все русское от поэмы до эпиграммы* (Н. И. Греч. Записки о моей жизни).

Интересно, впрочем, что это выражение люди употребляют как-то неуверенно — все время сомневаясь, как правильно: *в розовом (черном) цвете* или *в розовом (черном) свете.* И в позапрошлом, и в прошлом, и в нашем веке говорили то так, то так: *Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все в черном свете* (А. Н. Островский. Доходное место). *Мы говорим: он видит все в розовом свете. Это — значит, что человек настроен радостно* (В. Г. Короленко. Слепой музыкант). *С другой стороны, если жизнь показывается только в черном свете, может, действительно ее лучше снимать в темноте?* (Лидия Смирнова. Моя любовь).

Но кроме того, сочетание *в цвете* или *в каком-то цвете* характерно для речи художников или дизайнеров, наряду с выражениями *в каких-то тонах* или *в каком-то колорите.*

Вот примеры: *И каждая даль — я насчитал их шесть — была выдержана, как говорят художники, в своем цвете, в своем освещении и воздухе* (К. Паустовский. Ильинский омут); *Внутри можно найти отдельные «садовые комнаты», каждая из которых оформлена в определенном цвете* (Выразительный дизайн //

«Ландшафтный дизайн», № 1, 2001). *На фоне сочной терракоты стен жилого дома особенно нарядно выглядит парадная цветочная композиция, выдержанная в одном цвете* (М. Великотная. Подмосковный сераль // «Ландшафтный дизайн», № 4, 2003). *Азиатский декор в доме может быть представлен в натуральном цвете и теплых пастельный тонах, варьирующихся от желтого и карамельного, нежно-зеленого и светло-лилового до песочного, табачного и изысканного винно-красного* (Т. Косарева. Гербарий. Новый подход к оформлению стен // «Мир & Дом. City», 2003.03.15). Разумеется, в подобных художественных контекстах *в красном цвете* — это далеко не то же, что *красного цвета.* Но конструкция есть, а значение ее может дальше расширяться.

Теперь второе условие. На современное выражение *(Этот свитер есть еще в красном цвете)* повлиял английский язык. Мне очень нравится, например, забавная надпись на значке: *If the shoe fits, buy it in every color! (Если туфля подходит, купи ее в каждом цвете).*

И самое главное. Новое выражение прижилось, потому что в нем проявляется новый взгляд на потребление.

Раньше продавщица сказала бы: *Вот есть свитер еще ТАКОЙ же, только красный* (как в «Брильянтовой руке»: такой же, но с перламутровыми пуговицами). Кажется, почти то же, что *ЭТОТ свитер есть еще в красном цвете.* Почти — но не совсем.

Здесь появляется идея матрицы. Вещь, которая тиражируется с изменениями определенных признаков: в другом цвете, в другом размере — как вам будет угодно. Показательно, что в речи продавцов в последнее время распространилось еще слово *вариант: А как вам такой вариант?* (вместо *этот свитер).* В этой формулировке покупателю снова и снова напоминают, что у него есть выбор. Каждая вещь существует не изолированно, а занимает свое место в пространстве возможностей, пространстве выбора. Отсюда же всевозможные *коллекции, серии* и *линейки.* А выбор — это свобода.

И еще. Как мы знаем, реклама, например, не столько помогает человеку удовлетворять потребности, сколько формирует их. Вот так и в этом случае: нужен человеку свитер. Пришел человек за подходящим свитером, а ОН есть в разных цветах. Как бы он же. Но в разных цветах. Как тут не задуматься: может, правда — *buy it in every color! Купить его в каждом цвете?*

Гламурненько!

К числу новых слов, частое употребление которых является яркой приметой нашего времени, относится слово «гламур». В современном русском языке оно указывает на эдакую красивость и соответствие стандартам «роскоши», «шика», внешнего «блеска». Это понятие связывается прежде всего с глянцевыми журналами. Сочетания *гламурный журнал* и *глянцевый журнал* обычно используются как синонимы.

История слова *гламур* чрезвычайно поучительна. Дело в том, что большинство носителей русского языка, употребляющих это слово, совершенно уверены, что оно французского происхождения. Говорят, такое даже написано в каком- то словаре иностранных слов. Собственно, то, что слово появилось в русском языке с ударением на последнем слоге, уже показывает, что оно было воспринято как французское. Многие люди даже думают, что *гламур* — это по-французски «глянец». Думаю, здесь играет роль то, что в европейских языках довольно много слов, начинающихся с *гл* и связанных с идеями чего-то блестящего, светящегося или чего-то скользкого.

Между тем, в действительности слово *гламур* вовсе не французское, а английское. Во французском языке его можно встретить, но только как английское заимствование недавнего времени.

По-английски слово, естественно, произносится ['glæmə] и означает «чары», «очарование». В английском языке это слово отмечено с 1720 г. как шотландский вариант слова *grammar* — грамматика. Первоначально оно имело значение, связанное с ученостью, преимущественно оккультного характера, с колдовскими чарами. Распространилось это слово в английском

языке в XIX в. благодаря книгам Вальтера Скотта, а вскоре у него развилось новое значение: *glamour* стало указывать не только на колдовство, но и на женскую привлекательность. То же самое, кстати, произошло и с русскими словами *очаровательный* — от слова *чары, обворожительный* — от слова *ворожить*. Кстати, и слово *обаяние* связано с глаголом *баять*.

Уже в XX в. в американском английском существительное *glamour* и прилагательное *glamourous* стали указывать уже не столько на колдовское очарование, сколько на привлекательность, связанную с внешней красотой, внешним лоском и успешностью. Именно в этом смысле слово было использовано в названии глянцевого журнала «Glamour». Он издается в США с 1939 года. С 1992 года «Glamour» вышел в 11 странах (включая Россию). Чтобы все это выяснить, не нужны никакие специальные исследования, достаточно заглянуть в большие английские словари.

Слово *гламур* в России появилось недавно, а активно распространяется с начала этого века. Думаю, что его источником и было как раз название журнала «Glamour», написанное латинскими буквами. Еще до появления русской версии самого журнала в России — ну там, в каком-нибудь другом журнале: фото из журнала «Glamour».

В русской культуре все шикарное, красивое, изысканное традиционно ассоциируется в первую очередь с Францией. Да слово и по написанию похоже на многие французские. Вот оно и встроилось в ряд: *бонжур, амур, тужур, абажур* — а теперь и *гламур*.

С другой стороны, в русской культуре и до этого было представление о «внешнем лоске», «хрестоматийном глянце» (у Маяковского о Пушкине: *Я люблю вас, но живого, а не мумию, навели хрестоматийный глянец)*. И, если уж на то пошло, о «лакировке действительности». Во всех этих случаях внешняя гладкость противопоставляется живой жизни.

Многие люди, читая русские глянцевые журналы, замечают, что они по сравнению с западными версиями утрированно легковесные, подчас почти карикатурно залакированные и запредельно оторванные от жизни. Так проявляется наша тоска по красивой жизни. В мнимо французском русском слове *гламур* и воплотился этот вопль: «Красиво жить не запретишь!» И вот уже возникло и модное словцо *гламурненько,* которое у кого-то выражает неопределенно-положительную оценку, а кем-то произносится с издевкой.

Гламурная феня

Довольно давно я услышала название модельного агентства — «Modus vivendis». Я стала ужасно смеяться: всякому, кто хоть немного изучал латынь, ясно, что есть выражение *modus vivendi,* что означает «образ жизни», а *modus vivendis* — это просто какой-то грамматический абсурд. Я еще подумала: «Написать им, что ли, чтоб не позорились?» — но поленилась. Прошло много лет, и они называются по-прежнему, что не мешает им преуспевать. Я не верю, что никто за это время не объяснил, как безграмотно их столь шикарно звучащее название. Просто перерегистрироваться хлопотно, а грамматическую ошибку они не считают достойной причиной для этого. Мне могут возразить, ну и что, ведь еще Пушкин говорил: «Как уст румяных без улыбки, / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю». Но там ведь ситуация другая: Татьяна выросла на французских романах и потому «изъяснялася с трудом / На языке своем родном», в том смысле что любовное письмо ей было проще написать по-французски. А вот неуклюжие попытки блеснуть малопонятным иностранным словом в духе «иностранца Василия Федорова» и смеси «французского с нижегородским» — совсем другое дело. Это смешная претензия на изысканность.

Но носительница современной гламурной культуры если и боится скомпрометировать себя, то не речевой ошибкой, а разве что неправильно выбранным тоном колготок. Тут дело не в том, что кто-то что-то коряво сказал. Важно, что языковые ошибки уже не наносят ущерба престижу, их не боятся и не спешат исправить.

В «12-и стульях» «Цирульный мастер Пьер и Константин» обещал своим потребителям «холю ногтей и ондулясион на дому». Этот Пьер и Константин, который, впрочем, как далее

говорится, охотно отзывался на имя Андрей Иванович, наводит на мысль о часто встречающемся в последнее время выражении *маникюр для волос* (например, обложка журнала «Красота и здоровье», № 10, 2003 — *Маникюр и пилинг… для волос).* Слово *маникюр* означает уход за пальцами рук, чистку, полировку и окраску ногтей и восходит к латинским словам *manus* — рука (ср. *манипуляция* — от *manipulus* горсть, *манифест, мануфактура* — буквально сделанное руками — и конечно, *манускрипт* — рукопись) и *curare* — ухаживать (ср. *курировать, куратор,* да, собственно, и *педикюр* — уход за пальцами ног). Так что маникюр для волос — это как прическа для губ.

А мой любимый пример — это заимствованное из французского выражение *от кутюр. Haute couture,* то есть высокая мода *(кутюр* значит швейное искусство, а *от* — высокое). Однако очень многие люди, в том числе и носители гламурной культуры, понимают здесь *от* как русский предлог *от,* и поэтому произносят: *ат кутюр.* Была даже телереклама, которая звучала так: «Магазин высокой моды а-ат кутюр».

Замечательно, что по-украински сейчас очень часто говорят так: *від кутюр. Від* — по-украински *от.* Собственно, по происхождению это одно и то же слово, просто в украинском оно немного по-другому фонетически оформлено. Эта ошибка чрезвычайно выразительна. С одной стороны, она показывает, что выражение заимствовано в украинский язык не прямо из французского, а через посредство русского языка, иначе с чего бы французское прилагательное «высокий» стали передавать как предлог *від.* С другой же стороны, по этому *від* ясно видна попытка откреститься от русского посредства. В общем, как у Булгакова: «Спрашиваю: как по-украински „кот“? Он отвечает: „Кит“. Спрашиваю: „А как кит?“ А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется».

Но не все так печально. Гламурная культура знает и случаи действительно творческого обращения с языком. Среди слов, которые в последнее время изменили свое значение, есть слово *актуальный.* Мы все чаще слышим: *Оборки сейчас очень актуальны* или *Это самый актуальный цвет.* Вот например: «Наиболее актуальные цвета и фасоны этого сезона мы рады представить вам в нашей глянцевой рубрике „С обложки“». Всего несколько лет назад какой-нибудь *актуальный шарфик* воспринимался как языковой курьез, а сейчас уже можно сказать, что новое значение слова *актуальный* прочно вошло в язык. Думаю, что в ближайшее время оно будет фиксироваться словарями. Толковые словари, начиная со словаря Ушакова, разъясняют: *актуальный* — это «важный, существенный для настоящего момента; злободневный,

насущный. *Актуальный вопрос. Актуальная задача, тема. Исследование, актуальное для экологии. Шекспировские пьесы актуальны для нас и сегодня».*

Конечно, есть у этого слова специальные, научные значения, но именно *актуальные проблемы* нам наиболее привычны. Кстати, у английского слова такого значения нет: *actual problems* — типичная ошибка русских в английском языке. И вот теперь русское слово *актуальный* расширило свое значение и может характеризовать не только вопросы, проблемы и подобные сущности идейного характера, но и другие вещи, которые тоже могут быть остросовременными.

Мне понравился такой диалог в одном журнале. Читательница Татьяна Зинякова интересуется, изменились ли прически, длина волос и актуальные цвета этим летом? «На вопрос читательницы отвечает парикмахер-модельер, стилист парикмахерского салона „Пиаф“ Ирина Белова:

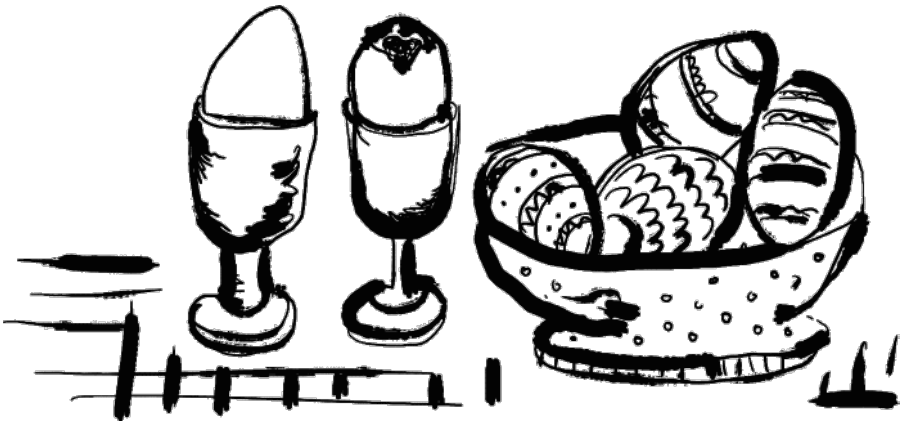
— Понятия „актуальная длина“ сейчас практически не существует, волосы могут быть любой длины… Хотя есть и актуальные моменты».

Конечно, это звучит комично. Конечно, стилист просто заменила привычное слово *модный* на модное слово *актуальный*. Однако по сути *актуальный* — это не то же, что *модный*. Слово *модный* содержит в себе императив, велит бездумно и рабски следовать образцам, сулит человеку несвободу и обрекает на бесконечную и безнадежную погоню за идеалом. А слово *актуальный* — о, оно не диктует, оно интригует и намекает, оно демократично приглашает человека к творчеству.

При этом слово *актуальный* чем-то так полюбилось современному русскому языку, что в последнее время у него появилось и еще одно новое значение: сочетание *актуальное искусство* теперь стало употребляться в качестве эквивалента английского *contemporary art,* в отличие от *современного искусства — modern art.*

Так что можно сказать, что *актуальный шарфик* в концептуальном отношении занимает почетное место между *актуальными проблемами* и *актуальным искусством.*

Фьюжн. Как и всё на Руси



Прихожу я недавно в магазин и вижу такое… Вообще-то у меня специально на этот случай телефон с двухмегапиксельной камерой, и обычно я просто незаметненько фотографирую понравившуюся этикетку и имею ее совершенно бесплатно. Но тут я схватила предмет, не поинтересовавшись даже, что это такое и сколько оно стоит, потому что почувствовала, что ни за что с ним не расстанусь. А этикетка гласила: *Пасхальный набор «Гламур».* Это оказалась, как написано на упаковке, «новинка сезона» — набор для окрашивания и декорирования пасхальных яиц.

Вообще-то, на этом можно было бы и остановиться. Чего тут еще говорить — можно смеяться, плакать или и то и другое, смотря по темпераменту. Но я поговорю. Тоже в соответствии с темпераментом.

Почему, собственно, так смешно? Ведь понятно же, что имелось в виду — красиво, все переливается: в набор входят «сверкающие блестки (серебро, золото)» и бисер шести цветов.

Кто сказал, что на Пасху не должно быть красиво? А в отношении яиц — тут и товарищи Фаберже с Вексельбергом подтвердят. Но есть такие слова, которые связаны не просто с красотой, но с ее сугубо внешним, социальным, светским аспектом.

Едва ли кому-то придет в голову назвать пасхальный набор «Модница» или, скажем, «Щеголь». Или вот еще хорошая идея — пасхальный набор «Шик». *Шик* вообще занятное слово. В нем есть какая-то трудноуловимая идея: *шик* — это не только особая эффектность и изысканность, это что-то не каждому доступное и вызывающее зависть у других, которая, скорее всего, тешит тщеславие носителя этого самого *шика.* Слово отличное, яркое

выразительное, но… *безблагодатное.*

Да, кстати о *шике.* Не могу не вспомнить чудную историю. 6 января 2004 года Государственный историко-архивный Владимиро-Суздальский музей-заповедник посетил президент Путин. Он оставил в книге отзывов восторженную запись: «Шикарно, как и всё на Руси! Владимир Путин». Здесь замечательно всё: и то, как подходит эпитет *шикарный* историко-архивному заповеднику, и идея, что вообще «всё» может быть *шикарным* (а также, вероятно, *эксклюзивным* и *элитным),* и особенно смелый разрыв со стереотипными представлениями о России.

Номинация «Русь» означает, что наша страна рассматривается здесь в аспекте древней истории, традиционной культуры, исконно-посконно-домотканых ценностей. К каковым относится как раз «неброская красота», а отнюдь не *шик.*

Но вернемся к пасхальному набору «Гламур». Это в современном русском языке модное слово *гламур* используется в смысле «шик-блеск красота». А можно ведь вспомнить его происхождение и историю в английском языке: шотландский вариант слова *grammar* (грамматика) стал использоваться для указания на оккультную ученость, потом на колдовские чары, а потом на женскую привлекательность — *обворожительность.*

Так что название пасхального набора «Гламур» звучит похоже не только на «Шик», но и на такие названия, как «Ворожея», «Черная магия», «Колдовство», «Чары» или, скажем, «Прелесть». А что — это, собственно, в порядке вещей. Все со всем смешивается. Я вот прочитала в одном гороскопе, что «Для Раков не существует Пасхи без шикарного праздничного стола». А одна девушка в Интернете рассказывает, как красиво расписала пасхальное яйцо: *готично,* мол, получилось. А сжигание чучела Масленицы перед началом Великого поста — это как? А восточные собачки или мышки в колпачке Санта-Клауса?

Просто встречать год мыши под елкой с рождественской звездой мы уже привыкли, а сочетание Пасхи и гламура нам пока в диковинку.

Кстати, у меня был смешной разговор с дочкой. В ответ на какой-то ее вопрос я стала объяснять, что объявлен год семьи. «Ты что, мамочка! — возмутилась она. — Сейчас же год мыши и крысы!»

Второе дыхание

Удивительная история слова вечеринка

Лет 12 назад я пригласила на день рождения знакомую немку, которая изучала в Москве русский язык. Она радостно спросила: «У тебя будет вечеринка?» Я растерялась. С одной стороны, я совершенно точно знала, что у меня будет не вечеринка. Придут гости, будем выпивать и закусывать, песни петь и веселиться. С другой стороны, чем же это не вечеринка? С третьей стороны, я не считала, что это слово устаревшее, я вообще-то могла его употребить.

Тем не менее, я совершенно отчетливо ощущала, что мой день рождения назвать *вечеринкой* мог только иностранец. Нет, еще, возможно, очень пожилой человек.

История слова *вечеринка* в литературном русском языке весьма показательна. Оно есть еще в «Словаре Академии Российской» конца XVIII века, с толкованием «вечерняя беседа, дружеское вечернее собрание». У Пушкина читаем: «По воскресениям танцевали у предводителя. Все мы, т. е двадцатилетние обер-офицеры, были влюблены, многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках». Ясно, что *вечеринка* здесь — это что-то не такое помпезное, как *бал.* А вот Гоголь, «Мертвые души»: «Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время». Пожалуй, более

активно это слово стало фигурировать в литературе со второй половины позапрошлого века, приобретая все более явственные разночинско-демократически-богемные коннотации.

В этом смысле картина Маковского «Вечеринка» очень характерна. Она изображает народовольческий уклад жизни: не просто молодежь собралась потанцевать, а одновременно и революцию готовят. В рассказе Чехова «Попрыгунья» жанр мероприятий, которые с таким азартом устраивала героиня, стремясь залучить на каждое какую-нибудь знаменитость, обозначается именно как *вечеринка.* А вот пример из Горького: «У Лютова будет вечеринка с музыкой, танцами, с участием литераторов, возможно, что приедет сама Ермолова» («Жизнь Клима Самгина»).

Интеллигенция и революция, богема, алкоголь — музыка во льду, в общем. Конечно, одновременно слово *вечеринка* обозначало и другой, более народный жанр. Эта вторая традиция *вечеринки* как мероприятия неофициального и неэлитарного преобладала в советское время.

Вот яркое описание: «Патефон, чаще всего трофейный, с ручкой, подобной рукояти, которой заводились автомобили того времени, собирал вокруг себя офицеров и их жен так же верно, как позднее проигрыватель, а еще позднее магнитофон. Танцы под пластинки, разбавленные алкоголем, назывались запросто — „вечеринка“» (Э. Лимонов. «У нас была Великая Эпоха»). Здесь особенно показательно это *запросто.* Некоторый вульгарный привкус по мере приближения к концу XX века становился у слова *вечеринка* все ощутимее: «Вечеринка — это сборище одной компании у кого-то на дому с выпивкой, игрой в бутылочку, иногда чем-нибудь еще более пошлым. В зависимости от содержания алкоголя в крови. Чтоб родители на вопрос других родителей: „Чем они там у вас занимаются?“ честно отвечали: „Танцуют“» (А. Карахан. «Манифест нового поколения москвичей» // «Столица», 1997.07.01).

Я прошу прощения за сугубый схематизм изложения и возвращаюсь к своему личному опыту старших классов и студенческих лет. Как же мы говорили? *Вечеринка* точно не говорили. Если организованное школьное мероприятие, то было слово *вечер,* если школьное, но менее официальное, — *огонек.* Ну а если домашнее? Помню, был фильм из школьной жизни «Розыгрыш», там в нужном значении использовалось слово *сабантуй.* А так я существительного что-то вообще не припомню, говорили просто — *собираемся.* Ах да, было замечательное слово *сейшн.*

Впрочем, существовал и еще один режим употребления слово

вечеринка — в переводных текстах или просто при описании иностранной жизни. Дело в том, что надо было как-то переводить слова *party* и *soirée,* а хорошего русского перевода не было. Вот как-то не было в русском языке такого слова. *Праздник* — слишком торжественно и связывается с поводом. Ну, допустим, *birthday party* можно назвать просто *день рождения,* хотя встречались и неуклюжие переводы типа *праздник дня рождения.* Но если это не день рождения, а просто? *Танцы, попойка, посиделки* — все эти слова чересчур конкретизируют характер времяпрепровождения.

В торопливые 90-е сразу схватили бы иностранное слово и стали бы говорить *пати, парти* (вряд ли *партия)* или там *суаре.* Но в советское время так было не принято. Какое еще *суаре,* когда есть буквальный перевод — хорошее русское слово *вечеринка?* Его и стали использовать.

Вот, скажем, из перевода «Крёстного отца» М. Пьюзо: «Четверо людей — крупье, банкомет, их помощник и официантка в типичном для ночного клуба платье — готовили все необходимое для частной вечеринки».

И вот началась новая эпоха, и слово *вечеринка* обрело второе дыхание. Конечно, если бы не было этой традиции употреблений типа *частная вечеринка,* вряд ли у него были бы шансы. Но ему повезло, и настал его звездный час. Архаичная или простонародная окраска стерлась, и теперь стали уже совершенно привычными сочетания *корпоративная вечеринка, светская, клубная* или *гламурная вечеринка.* Яндекс дает почти 24 тысячи *вечеринок* только в «Новостях», а уж «Везде» — почти 8 миллионов. А от *вечеринки* обратным словообразованием было произведено и слово *вечерина* (тоже несколько сотен тысяч) — как синоним уже только для *вечеринки* в этом новом смысле, а не для картины Маковского.

Такая вот оптимистическая история. Совсем было слово выдохлось, и вдруг раз — и оказывается, что жизнь его только начинается.

Суесловие

Они подают нам знаки. Когда Путин сказал свое знаменитое «в сортире замочим», это был, конечно, знак. И тут важнее не смысл выражения, а его стилистическая окраска. Если бы он сказал: будем, мол, вести решительную борьбу с терроризмом, это было бы не то. Ну, фирменный путинский стиль и характерный юморок всем давно и хорошо известны: и насчет *замучаетесь пыль глотать,* и шуточка про обрезание. Почему-то особенно полюбилась ему тема соплей: и *а мы все сопли жуем,* и *это все выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам* (это был отпор журналисту, задавшему вопрос о его личном состоянии)*, утирать кровавые сопли.* Да что там «почему-то» — на самом деле понятно: сопли обеспечивают практически ту же степень грубости, как шутки на сексуальную или анально-фекальную тему, но без риска совсем уж окончательной непристойности.

И когда Медведев произносит: *придурки, уродцы, подставили, крышу сносит,* — это тоже знак. Я, мол, тоже Собакевич. Конечно, обычно трудно оценить, насколько сознательно это делается. Я помню, как Чубайс в пору своего медового месяца с Ельциным, еще, конечно, до того, как оказался во всем виноватым, что-то такое говоря, вдруг закончил фразу таким знакомым и таким не подходящим ему *понимаешь…* Не думаю, что он пытался подражать Ельцину — просто в ходе интенсивного общения словцо прицепилось.

В 2007 году, в День памяти жертв политических репрессий, тогдашний президент России Владимир Путин приехал в Бутово,

где похоронены больше 20 тысяч расстрелянных в 1937–1938 годах. Что было с его стороны, безусловно, очень мило. Путин сказал, что в годы репрессий уничтожались «наиболее эффективные люди, цвет нации». А надо заметить, что одно из важнейших концептуальных изменений в языке последних лет состоит в том, что русские прилагательные *успешный* и *эффективный* стали употребляться не только по отношению к деятельности *(успешные переговоры, эффективное лечение),* но и по отношению к людям.

Поразителен здесь, конечно, и знак равенства между понятиями *цвет нации* и *эффективные люди.* Кстати, вспоминается и недавно возмутившая общество фраза о Сталине из нового школьного учебника истории — Сталин, мол, был *успешным менеджером.* В общем, *успешный менеджер* уничтожил наиболее *эффективных людей.* Свежий взгляд на гибель Мандельштама и Вавилова.

Весной этого года тот же оратор сказал, причем не один раз, что *России сегодня нужны более амбициозные цели.* Было бы неверно думать, что, ставя перед страной *амбициозные цели* вместо привычных *великих целей,* Путин просто хочет блеснуть иностранным словом. Нет, тут совершенно другой смысл. *Великие цели* туманны, и непонятно, достижимы ли они в принципе, да и нужны ли вообще. *Амбициозные* же *цели* с трудом, но достижимы и утилитарны. Слово *амбициозный* до совсем недавнего времени всегда выражало отрицательную оценку. *Амбиции,* как и *карьера* — значили, что человеком движет честолюбие или даже мелкое тщеславие. *Амбициозный карьерист* был героем для фельетона, однако постепенно он становится героем нашего времени.

Тогда же, весной 2008 года, новый президент Медведев сказал в своей тронной речи: «Чтобы Россия стала одной из лучших стран мира, лучшей — для комфортной, уверенной и безопасной жизни наших людей: в этом — наша стратегия, и в этом — ориентир на годы вперед».

Комфортной, уверенной, безопасной — похоже на рекламу автомобиля.

Прилагательное *комфортный* довольно новое. Раньше было слово *комфортабельный* с более узким значением. А *комфортный* связано именно с *комфортом* как новой для нас, «западной» жизненной ценностью. *Комфортными* могут быть самые разные вещи — обстановка, погода, человеческие отношения. Комфортные — значит приятные, но без экстрима.

Это то есть без всяких *до основанья, а затем,* без всяких *любой ценой,* без всяких сапог в океане. То есть нам не нужны великие потрясения, нам нужна комфортная Россия. Я лично за.

Разумеется, я далека от мысли, что Путин с Медведевым или их спичрайтеры читают, скажем, мои или чьи-то еще сочинения о ключевых словах и языковых изменениях и, найдя там описание слова *комфортный* или *амбициозный,* говорят: «Ага!» — и бегут вставлять это слово в текст новой речи. Просто, видимо, действительно, не мы говорим языком, а язык говорит нами.

Страшный суд следующей инстанции

Смотрела я как-то передачу «Школа злословия», где был в гостях Валерий Комиссаров — свой семьянин, единоросс и депутат Госдумы. Говорил он среди прочего о *сакральности* телевидения. Тем же, кто этой *сакральности* не признает, придется, мол, ответить на Страшном суде. Так и сказал. Это напомнило мне другую историю.

Во время пленарного заседания Думы 30 марта 2005 г. жириновцы устроили потасовку в зале. Драка началась после того, как в полемику депутатов Жириновского и Савельева вмешался Олег Ковалев: «Я бы просил всуе не поминать парламентское большинство и не поминать „Единую Россию“».

Вообще-то единороссам свойственно говорить о своей партии в такой манере. Еще в июле 2004 г. депутат Госдумы Георгий Шевцов заявил в Вологде депутатам местного Законодательного собрания: «Не упоминайте всуе „Единую Россию“. Если что-то неясно, подойдите ко мне, я все объясню…»

Ну прямо по песне Окуджавы: *Ничего, что мы чужие, вы рисуйте — / Я потом, что непонятно, объясню.*

Церковнославянское слово *всуе* означает «напрасно», а выражение *упоминать чье-либо имя всуе* значит «без особой надобности произносить имя Бога или другой святыни, обесценивая тем самым его носителя», а также более широко — «обесценивать высокие понятия их постоянным и не уместным употреблением». Это выражение восходит к Десяти заповедям, где сказано: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно». В Книге Левит разъясняется, что речь идет о клятвопреступлении, лжесвидетельстве и любом злоупотреблении именем Господа. Позднее, чтобы не преступать эту заповедь, имя Иегова вообще не произносили, заменяя его

наименованиями Всевышний, Предвечный, Святой, Верный.

Разумеется, сейчас выражение *произносить имя всуе* используется в более широком значении. Так, в воспоминаниях Надежды Мандельштам читаем: «У следователя было традиционное в русской литературе отчество — Христофорович. Почему он его не переменил, если работал в литературном секторе? Очевидно, ему нравилось такое совпадение. О. М. страшно сердился на все подобные сопоставления — он считал, что нельзя упоминать всуе ничего, что связано с именем Пушкина. Когда-то нам пришлось <…> прожить два года в Царском Селе, да еще в Лицее, потому что там сравнительно дешево сдавались приличные квартиры, но О. М. этим ужасно тяготился — ведь это почти святотатство! — и под первым же предлогом сбежал и обрек нас на очередную бездомность. Так что обсуждать с ним отчество Христофорыча я не решилась». О Пушкине здесь говорится как о святыне, именно поэтому слово *всуе* уместно.

Конечно, выражение *упоминать всуе* попадается и в более легкомысленных контекстах, как у Марины Цветаевой: *Что имя нежное мое, мой нежный, не / Упоминаете ни днем ни ночью — всуе.* Но и здесь речь все-таки про любовь — чувство тоже в некотором роде святое.

Что же до просьбы *не поминать всуе парламентское большинство,* то у меня она вызывает в памяти пассаж, с которого начинается повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: «В департаменте… но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде».

Священный порядок

Иногда случается, что люди некстати употребляют слова и в результате невольно говорят то, чего вовсе не имели в виду. Мне вспоминается история, которая произошла в начале перестройки. Юрий Бондарев заявил, что писатель должен быть *душеприказчиком русского народа.* Между тем *душеприказчик* — это лицо, которому завещатель поручает исполнение завещания. Получилось, что русский народ умер, а писатель должен выполнить его последнюю волю. Разумеется, ничего подобного никто сказать не хотел.

Я уже рассказывала, как своеобразно телеединоросс Комиссаров употребляет слово *сакральный* по отношению к телевидению и как его братья по разуму запрещают *всуе* упоминать «Единую Россию».

В каждом отдельном таком случае сначала кажется, что это просто косноязычие. Но постепенно начинаешь понимать, что тут другое. Пользуясь выражением Лакоффа и Джонсона, это «метафора, которой они живут».

Вот, пожалуй, самая яркая история на эту тему.

Когда в марте 2005 г. произошло покушение на председателя правления РАО «ЕЭС России» Анатолия Чубайса, спикер Госдумы Борис Грызлов назвал это покушение «кощунством». Так и сказал: «Это кощунство, это невозможно оставлять без внимания».

Слово *кощунство* имеет два значения:

1. Оскорбление религиозной святыни. Иными словами,

богохульство, святотатство;

2. Оскорбительное отношение к тому, что глубоко чтится, что свято и дорого кому-либо.

Так, у Достоевского в «Бесах» читаем: «Кроме кражи совершенно было бессмысленное, глумительное кощунство: за разбитым стеклом иконы нашли, говорят, утром живую мышь». А Юрий Карабчиевский справедливо называет кощунственной строчку Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети». Таким образом, кощунство всегда предполагает оскорбительное поведение, которое ранит, унижает чувства других людей, компрометирует то, что в их глазах свято. Разумеется, у слова *кощунство* бывают и расширительные, образные употребления. Так, можно сказать: «Портить вкус чая сахаром — это просто кощунство». Это несерьезное употребление, но и в нем сохраняется идея, что такое обращение недостойно такого замечательного напитка, как чай, обидно для него.

Все это никак не согласуется с фразой Грызлова. Многих людей употребление им слова *кощунство* покоробило или рассмешило, а журналисты сразу стали цитировать словарные толкования и пытаться приложить их к ситуации. «Независимая газета» написала: «Чубайс — гений, конечно, но называть его произведением искусства или научным открытием я бы не решился. Что до святости — я-то согласен, что Чубайс святой, но этот вопрос вроде бы не Государственная дума решает». Правда, Максим Соколов заявил в «Известиях», что именно Грызлов «сумел по первым следам явить пусть стилистически немного корявую, но по сути полностью верную реакцию. Чубайс не является сакральным существом, но порядок ведения дел, при котором пуля и бомба безусловно не приемлются в качестве допустимых средств полемики, — такой порядок является если и не священным, но безусловно необходимым для выживания общества и государства. Тот, кто своими действиями или же благожелательной реакцией на такие действия отвергает табу, — тот кощунственно относится к вопросам жизни и смерти родной страны».

Безусловно, жизнь человека священна, и в этом смысле посягательство на жизнь любого человека — чиновника, бизнесмена, врача, водителя троллейбуса — кощунство. Но Грызлов-то назвал кощунственной не саму идею посягательства на человеческую жизнь, а покушение на конкретного человека.

Вот и получилось, что он представил председателя правления РАО «ЕЭС России» как нечто вроде чудотворной иконы. Что до священного порядка и власти от Бога, то тут Максиму Соколову виднее. Вероятно, златоуст Грызлов действительно подразумевал

что-то в этом роде.

Это смачное слово *зачистка*

В свое время Высоцкий писал: «Мы говорим не што́рмы, а шторма́. Слова выходят коротки и смачны». Есть слова, само произнесение которых заставляет говорящего почувствовать себя настоящим мужчиной. Видимо поэтому наши журналисты обожают щеголять военным жаргоном. Просто удивительно, до чего многим из этих интеллигентных и, казалось бы, мирных людей, втайне хочется покрасоваться в камуфляже. В первую чеченскую кампанию им, помнится, почему-то особенно полюбилось слово *отбомбиться*. Что ж, хорошо словечко, как говорил Толстой. *Отбомбились по деревне…* А во вторую вошло в моду слово *зачистка.* Это слово ворвалось в язык стремительно. Вот только что оно употреблялось сугубо цитатно, да и сами военные стыдливо поясняли: «Ну, не зачистка, это вообще-то называется мероприятия по…» А уже через пару недель лишь отдельные не утратившие слуха и вкуса телевизионные комментаторы стеснялись произносить это слово, не предварив его чем-то вроде «на языке военных» или «как теперь говорят». Остальные же бойко выговаривали его без малейшего отчуждения, а то и с особым смаком. Да, кстати о слухе. Уж сколько лет воюем, а большинству журналистов все невдомек, что, говоря о своих погибших, желательно использовать не слово *трупы,* а хотя бы слово *тела.*

Впрочем, надо признать, что в слове *зачистка* есть своя людоедская выразительность. Его головокружительная карьера — отнюдь не случайность.

Каков, собственно, первоначальный смысл глагола *зачистить? Зачищают,* например, контакты: с кончиков проводов, перед тем, как их соединить, соскребают окислившийся слой. Кусок масла перед продажей также положено *зачистить* — снять с него темно-желтый налет. Идея в обоих случаях одна: надо удалить наружный, некачественный слой, и предмет явится в

своей первозданности, готовым к употреблению. Вот так и в жизни. *Зачистили* деревню — и можно входить. Заметим, что если *очищают* предмет от чего-то постороннего, налипшего, то чтобы *зачистить,* нужно уничтожить часть, возможно даже большую часть, самого предмета. Но часть эта плохая, ненужная, и ее уничтожение предмету только на пользу.

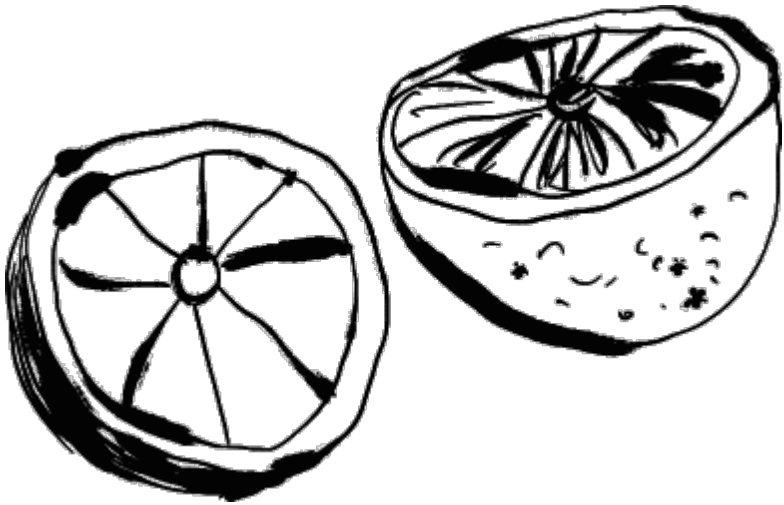
Зачистить отличается от *очистить* и еще в одном отношении. Когда мы говорим *очистить,* уместно спросить себя: *от чего?* А слово *зачистить* даже грамматически устроено так, что такого вопроса не предполагает. *Зачистить* — и все тут. Поэтому человек, слыша в «Новостях» по сто раз на дню, что что-то там опять *зачистили,* и имея полное ощущение, что он в курсе событий, может, в сущности, весьма туманно представлять себе, что именно происходит.

Бывают слова откровенно идеологические: *выполнение интернационального долга, защита конституционного строя.* Обсуждать их можно только вместе со всей политической концепцией. Бывают военные термины: *точечные удары* или *ковровые бомбардировки.* Тут все иначе — можно спорить, является ли тот или иной удар *точечным* или не вполне. А есть слова лукавые, такие как *зачистка.* На первый взгляд оно абсолютно конкретное, даже техническое, и напрочь лишенное всякого пафоса. По сути же — мощная идеологема.

В современном сознании чеченская война как-то странно сплелась с войной югославской. И конечно, *зачистки* рифмуются для нас с *этническими чистками.* Однако выражение *этническая чистка* при всей своей кровожадности совершенно простодушно. *Чистка* здесь — это средство достижения расовой *чистоты.* Так же как *партийные чистки* призваны обеспечить *чистоту* партийных рядов. Если уж слово *зачистка* сравнивать со словом *чистка,* пожалуй, уместна и другая аналогия. *Чисткой* русские женщины деликатно именуют процедуру, которую, если верить статистике, осуществляют в среднем по семь раз за жизнь. Тоже ничего себе образ, если вдуматься.

А слово *зачистка* со временем вышло из моды. Новое время — новые песни. Например, *принуждение к миру* — тоже хорошее выражение.

Опозоренный имидж



Как пишут в газетах в разделе «Из зала суда», 7 июля 2006 г. движение «Наши» подало в суд Железнодорожного округа города Рязани иск о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Последние пострадали от серии статей, опубликованных в газете «МК в Рязани» под заголовком «Обыкновенный нашизм». В статьях, как утверждают истцы, редакция газеты *позорит имидж Движения «Наши».* Недавно «Наши» уже разобрались с «Коммерсантом». Знай наших!

С другой стороны, в связи с соответствующими событиями на Украине, газеты все время поминали блок «Наша Украина». Помнится, в Одессе в декабре 2004 г. на Театральной площади рядом с горисполкомом было выложено из апельсинов слово «Нашизм». Ушло почти сто кг — *сколько бы вышло портянок для ребят!* Затем асфальтовый каток на глазах одесской публики раздавил всмятку и апельсины, и соответственно само слово *нашизм.* Связана эта акция была, понятное дело, с президентскими выборами. Оранжевый цвет апельсинов — цвет Ющенко, а *нашизм* — ругательное слово, относящееся к ющенковскому блоку «Наша Украина». Слово *нашизм* появилось на украинских выборах не впервые, хотя, возможно, независимо. Во всяком случае, когда в Красноярске возник избирательный блок «Наши», слово *нашизм* сразу пришло в голову его противникам. Естественно, пошли в ход и формулы «Нашизм не пройдет», «Обыкновенный нашизм» — по очевидному созвучию.

Все это заставляет снова задуматься о слове *наши* и вообще о богатом смысловом потенциале местоимений русского языка. Важная особенность системы русских местоимений состоит в том,

что существуют возвратное местоимение *себя* и возвратно-притяжательное местоимение *свой,* которые могут соотноситься с любым лицом. Вот, например, на первый взгляд, похожие немецкие местоимения *sich* и *sein.* Они в норме соотносятся с третьим лицом, в то время как, скажем, в соответствии с первым лицом обычно фигурируют *mich, mein.*

Тем самым, в русском языке создается возможность конкуренции возвратных и возвратно-притяжательных местоимений с местоимениями личными и притяжательными, благодаря чему возникают тонкие смысловые противопоставления. Приведу хорошо известный лингвистам пример А. Д. Шмелева.

В высказываниях *Даже в такой ситуации я бы не мог ударить мою жену* и *Даже в такой ситуации я бы не мог ударить свою жену* сказано не вполне одно и то же: *мою жену* — значит конкретную женщину, на которой говорящий женат, в то время как *свою жену* — значит любую женщину, которой выпадет счастье связать себя узами брака с говорящим. Иными словами, первое высказывание можно понимать как «Моя жена такова, что я не мог бы ее ударить», а второе — «Я таков, что не мог бы ударить своей жены».

А наличие подобного смыслового противопоставления, в свою очередь, создает почву для развития у соответствующих местоимений всевозможных культурных коннотаций, тем более что вообще противопоставление своего и чужого — одна из фундаментальных культурных универсалий.

Так, слово *наши* имеет очень богатый ассоциативный потенциал. *Наших бьют!* — традиционный боевой клич в групповой драке. Очень характерно горделивое выражение *Знай наших!* Уже по крайней мере в 19 в. *наш человек* могло означать «простой, искренний». У Достоевского в «Братьях Карамазовых» читаем: «Но Иван никого не любит, Иван не наш человек, эти люди, как Иван, это, брат, не наши люди, это пыль поднявшаяся… Подует ветер, и пыль пройдет…»

Забавно, что выражения *Наш человек* и *Вот это по-нашему!* особенно часто фигурируют в контексте выпивки, если, например, человек выпил залпом большой стакан водки.

Само по себе местоимение *наш* означает «принадлежащий некоторой группе, к которой говорящий причисляет и себя». Естественно, слово *наши* в роли существительного может употребляться для указания на разные вещи: на родню, на соплеменников, на свою сторону в войне или драке и т. п. Конечно, человек может себя идентифицировать одновременно с разными группами, отсюда контексты типа советского анекдота

времен Шестидневной войны: «Хаим, ты слышал, *наши* взяли много *наших* танков». Советский еврей осознает себя и как гражданина СССР, и как еврея.

В советское время существовало идеологическое осмысление понятия *наш* в смысле советский, правильный, идеологически выдержанный. В этом смысле антоним слова *наш — чуждый.* Это часть понятия «мы», как в названии антиутопии Замятина. В пьесе Л. Зорина «Добряки» говорится о тайном голосовании: «Что-то в этом есть глубоко не наше. Наш человек должен голосовать открыто». Можно вспомнить миниатюру Райкина о смехе: «Смех бывает оптимистический — пессимистический…, наш — не наш», а также знаменитую фразу управдома, героини Нонны Мордюковой, в фильме «Бриллиантовая рука»: «Наши люди в булочную на такси не ездят!»

Из этого словоупотребления, как отталкивание от него, в послесоветское время возникло понятие *наши* в смысле красно-коричневые. В этом значении слово вошло в широкое употребление после репортажа «Наши» о действиях ОМОНа в Вильнюсе во время событий 12–13 января 1991 года, который был показан в передаче «600 секунд» по Ленинградскому и Центральному телевидению [Толковый словарь русского языка конца XX в.].

Совсем иные ассоциации у слова *свои. Свои* — изоляционистское слово. Это скорее слово меньшинства, которое стремится держаться вместе, защищаясь от большинства. Ср. *Бежать к своим, только для своих, свой круг. — Кто там? — Свои! — Свои все дома.* Слово *свой* используется и в национальном смысле, хотя это и звучит несколько просторечно; ср.: *Ты ей не нужен, она выйдет замуж за своего.*

Скорее всего, это относится к «малому народу». Слово *свой* в советское время активно употребляла интеллигенция: *Он свой?* значило можно ли при нем рассказывать антисоветские анекдоты. *Он наш* — значило скорее, что он настоящий комсомолец, коммунист и т. п. Конечно, сейчас это звучит немного по-другому, но фразу *Он свой* по-прежнему можно услышать.

Разумеется, во многих случаях различия между двумя местоимениями оказываются несущественными. Вот названия книги С. Довлатова «Наши» и поэмы О. Чухонцева «Свои» — оба произведения посвящены семейной истории. Однако немало и таких случаев, где эти различия приобретают принципиальное значение.

А слово *наш,* когда его пишут на знамени, по-прежнему вызывает образ подавляющего большинства, которому нужен мир, желательно весь. В общем, обыкновенный *нашизм.*

Собеседник для вождя

Перед очередными парламентскими выборами по телевизору показывали дискуссию певца Иосифа Кобзона с певцом Александром Градским. И вот в ходе полемики, которая была посвящена проблемам не музыкальным, а общественным, Кобзон сказал Градскому: «Вот ты читал беседу Ленина с Хаммером? Ленин сказал: вы, батенька, приезжайте к нам через 10 лет, тогда увидим».

Кобзон ошибся: он спутал бизнесмена Арманда Хаммера с писателем Гербертом Уэллсом. Ленин действительно встречался с ними обоими примерно в одно время — в 1920–1921 годах. Только с молодым врачом и финансистом Хаммером, сыном американского миллионера, много лет материально поддерживавшего коммунистическое движение, Ленин беседовал не о будущем, а о концессиях на асбестовые рудники в Сибири. Впрочем, содержание их беседы никогда не было достоянием широкой публики. Дела Хаммера в России шли прекрасно, попутно он вагонами вывозил российские культурные ценности — частью для собственной коллекции, частью на продажу. Так что Ленину решительно незачем было обещать ему, что через 10 лет в России все будет лучше. Хаммер, кстати, продолжал свои контакты с СССР и через 10 лет, и дальше — он даже еще с Горбачевым дружил.

А вот английский писатель-фантаст Герберт Уэллс встречался с Лениным, чтобы обсудить свои впечатления о Советской России. Ленин ему рассказывал о планах электрификации страны, Уэллсу

они казались утопическими, вот тут-то Ленин и предложил ему приехать через 10 лет. Российскому обществу эта беседа известна не столько по главе «Кремлевский мечтатель» в книге Уэллса, сколько по одной из пьес драматурга Николая Погодина. «Я вижу Россию во мгле», — делится впечатлениями писатель, а Ленин разворачивает перед ним план ГОЭЛРО и говорит про 10 лет. Уэллс, кстати, тоже последовал совету и приехал еще раз.

Кобзон ошибся не случайно: эта ошибка, как теперь модно говорить, системная. Дело в том, что в русской культуре издавна существовал сюжет, который условно можно обозначить как «поэт и царь». Николай I спросил Пушкина, где бы тот был 14 декабря, если бы оказался в Петербурге, и поэт ответил, что там же, где его друзья, читай на Сенатской площади. Эта хрестоматийная история обычно приводится в доказательство оппозиционности Пушкина и его смелости. Но ведь здесь важна и другая сторона: самодержцу было страшно интересно и важно, что думает о нем лучший и талантливейший поэт его эпохи. Сталин позвонил по телефону Пастернаку, чтобы обсудить дело Мандельштама, а тот предложил поговорить о жизни и смерти — Сталин бросил трубку. Да, трубку бросил и Мандельштама все равно не пощадил, но ведь пришло же ему в голову позвонить и поинтересоваться мнением Пастернака. Этот разговор тоже вошел в историю, и десятилетиями обсуждалось, что имел в виду Сталин, правильно ли Пастернак ему ответил и что следовало обязательно сказать. Словом, как выразился Евтушенко, *поэт в России больше, чем поэт,* и достойным собеседником для властителя традиционно считался у нас властитель дум.

Трудно сказать, насколько точно Погодин описал встречу Ленина с Уэллсом, но очевидно, что сцена беседы вождя и писателя вписывается в эту традиционную российскую систему представлений, или, выражаясь по-научному, парадигму. Конечно, с точки зрения Погодина, Ленину важно было донести свой взгляд на будущее России в первую очередь до писателя. Однако в последние годы российская культурная парадигма сменилась, и поэт у нас уже не больше, чем поэт. Не меньше, но и не больше. Теперь в качестве естественного собеседника для властителя мыслится скорее финансист, олигарх. И в сознании артиста и делового человека Иосифа Кобзона финансист Хаммер не случайно заместил собою писателя Уэллса.

Не в лад, невпопад

Как часто мы употребляем слова, не думая о том, что они в точности значат, и не вглядываясь в их внутреннюю форму…

Когда умер великий лингвист Сергей Старостин, на похоронах кто-то из выступающих, как водится, упомянул о *самоотверженном труде* ученого. Одна коллега сказала мне: «Вообще-то слово *самоотверженный* тут совершенно не подходит». Это правда. Ведь в слове *самоотверженный* главное — это идея жертвы. Человек приносит свои желания, интересы, а то и свою жизнь в жертву тому, что он считает более важным: другому человеку, обществу и т. д. Он *отвергает* себя во имя чего-то или кого-то. Вот пример: «Это была сила, способная на всякое самоотвержение; это было существо, никогда не жившее для себя и серьезно преданное своему долгу» (Н. С. Лесков).

Но разве о настоящем ученом можно сказать, что он живет не для себя? Разве научная работа — это жертва? Нет, конечно, ученый удовлетворяет собственное любопытство, собственную страсть к истине. То, чем он занимается, искренне кажется ему самым интересным на свете. Это не *само-отверженность,* а *само-реализация.* Так сказать, *самоприверженность.*

И величайшей жертвой для него был бы как раз отказ от занятий любимой наукой. Об ученом скорее можно сказать, что он работает не *само-отверженно,* а *само-забвенно.* Вот тоже еще

хорошее слово — *самозабвенно.* Человек не забывает о себе в альтруистическом смысле, а напротив, настолько эгоистически поглощен тем, что он делает, что и себя не помнит.

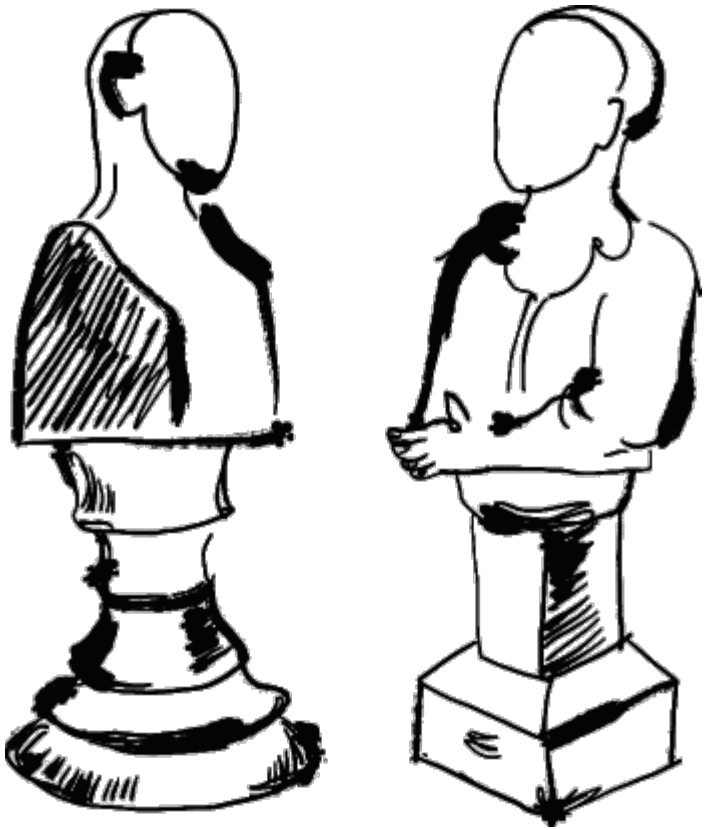
Невнимание к словам приводит иногда к анекдотическим результатам. Как-то спикер Госдумы Борис Грызлов, когда его попросили прокомментировать отсутствие дебатов по поводу предложения Путина об отмене некоторых выборов и о создании препятствий для оппозиционных партий, ответил, что *парламент — это не место для дискуссий.* Вот это да! Само слово *парламент* родственно латинскому глаголу *parlare* — говорить, так что действительно, какие уж тут дискуссии. Еще можно было бы сказать, что *спикер* (от английского *speak* — говорить) нужен не для того, чтобы разговоры разговаривать.

После завоевания Англии французскими нормандцами в английском языке появилось большое количество галлицизмов. В частности, из французского был заимствован целый ряд слов, связанных с государственным устройством. В 1265 году по инициативе Симона Монфора, графа Лестерского, и объединившихся вокруг него баронов, которые требовали ограничения власти короля, был созван совет для управления страной. На Совет были приглашены бароны и высшие духовные лица, а также по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от крупных городов.

Это новое учреждение получило французское название *parlement* — парламент (буквально «говорильня»); орфография была впоследствии «исправлена» латинистами на *parliament.* Старые английские авторы, писавшие о роли парламента, нередко именно посредством этимологических спекуляций пытались определить его основное предназначение.

Существовали две народные этимологии этого слова. Согласно одной название представительного органа Англии происходит от французских слов *parler* («говорить») и *ment* («мнение»), и означает «собрание людей, соединившихся вместе, чтобы выразить мнение или дать совет». А вот согласно другой этимологии термин *parliament* возник в результате соединения двух латинских слов — *parium* («равные») и *lamentum* («жалобы», «печали», отсюда слово *ламентации* — сетования) — и означает место, где люди, равные по статусу, имеют возможность высказать свои жалобы. Таким образом, идея недовольства оказывалась изначально заложенной в самом слове *parliament,* что и давало основание для утверждений об исконной оппозиционности парламента. В общем, нашему спикеру такая этимология тоже не пригодится.

А по нечетным?



В ноябре 2004 г. на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей бизнесмены попросили президента России об учреждении звания «Почетный предприниматель России». Путин сказал, что подумает. Сообщение об этом вызвало массу шуточек.

В Интернете можно было прочитать: вот, мол, Совок возвращается! Теперь еще надо учредить звания «герой капиталистического труда» и «дважды герой капиталистического труда», с установкой бюста на родине. Действительно, этот *почетный предприниматель* звучит очень по-советски. Однако интереснее здесь, пожалуй, другое.

Вообще слово *почетный* в сочетании с разного рода обозначениями лиц ведет себя довольно своеобразно. Конечно, *почетный гость* — это всегда действительно гость, только особо почитаемый. *Почетный пенсионер* — это пенсионер. А вот *почетный пионер* — это лицо совсем не пионерского возраста. Например, когда Брежнев пригласил Анджелу Дэвис в гости в

СССР, ее в Артеке приняли в почетные пионеры. Геннадий Зюганов, кстати, тоже почетный пионер. Почетный профессор университета обычно там не преподает. Например, скульптор Зураб Церетели имеет титул почетного профессора МГУ. Почетными профессорами часто избирают писателей и политиков, им вручают дипломы и мантии, но студентов они не учат. Почетный президиум обычно дополняется президиумом рабочим. Если человека отстраняют от руководства, но не хотят обижать, его могут назначить *почетным председателем.*

Конечно, *почетными гражданами* обычно избирают граждан. Однако посол Латвии в Берлине перед матчем чемпионата Европы 2004 г. по футболу сказал в интервью немецкой газете «Билд»: «Если реально оценивать ситуацию, шансов против немцев у нас нет, но если Кан (вратарь немцев. — *И. Л.)* совершит оплошность и мы победим, то мы сделаем его почетным гражданином Латвии».

Бывший президент Украины Леонид Кучма был почетным членом олимпийской сборной Украины. Один из современников вспоминал о легендарном спортивном комментаторе Николае Озерове: «Как-то Николай Николаевич показал мне различные свои удостоверения. Почетным членом чего он только не был: почетный пионер, пограничник, железнодорожник, медик, библиотекарь, агроном, мелиоратор и т. д. и т. п. Всем хотелось считать своим коллегой этого интереснейшего человека». Тут нельзя не вспомнить короля из «Обыкновенного чуда»: «Как почетный святой, почетный великомученик, почетный папа римский нашего королевства…»

Так как же можно понять звание «почетный предприниматель»? По аналогии с *почетным пионером?* На самом деле предпринимателем не является, но в знак уважения и за особые заслуги получает титул *почетного предпринимателя* с вручением диплома и памятного знака? Пожалуй, тогда такого звания заслуживают чиновники, которые меньше других мешают предпринимателям работать. А если капитализм прекратится и настоящих предпринимателей не останется, то званием почетного предпринимателя можно будет награждать особо отличившихся директоров предприятий.

Когда-то был такой анекдот. Однажды у чукчи спросили: «Чукча, Вы хотите стать почетным академиком Академии наук СССР?» Чукча подумал и сказал: «Однако, хорошо! По четным — академиком, по нечетным — рыбу ловить». Вот интересно, что же будет делать по нечетным почетный предприниматель?

Личная фурия

Меня поразила сказанная во время одной из реорганизаций правительства фраза: «Ответственность министров будет персонифицирована». Понятно, что имелась в виду личная, или персональная, ответственность министров. Но реально сказано в этой фразе нечто другое. *Персонификация* — это то же самое, что *олицетворение,* то есть представление какой-либо абстракции в виде человеческого существа. Например, помните чеховского человека с молоточком из рассказа «Крыжовник»? Такой человек с молоточком должен быть у каждого счастливого человека и напоминать ему, что не все вокруг счастливы и что счастье не вечно. Вот это и есть персонификация. Человек с молоточком олицетворяет для Чехова совесть. Или вот Статуя свободы — свобода персонифицирована, представлена в виде женщины. В классической книге выдающегося нидерландского историка и культуролога Иохана Хейзинги «Homo ludens» сказано: «Как только эффект образного выражения в описании состояния или события создается с помощью терминов мимоидущей жизни, мы вступаем на путь персонификации. Олицетворение бестелесного или безжизненного — душа всякого мифотворчества и почти всякой поэзии».

Так что же такое *персонифицированная ответственность?* Так и видишь министров, вокруг которых толпятся эдакие мойры — греческие богини судьбы. Или лучше римские фурии — богини мести, кары, мучительницы душ в аду. У каждого министра своя фурия — персонифицированная ответственность. Интересно только, как это можно устроить?

Или, пожалуй, не так. У мрачного символиста Федора Сологуба в романе «Мелкий бес» есть такой персонаж — недотыкомка, которая бегает под стульями, воплощение ужаса

жизни. Вот, пожалуй, персонифицированная ответственность министров — это такая серая недотыкомка в чиновничьем костюме, которая бегает под стульями и расшатывает кресло под министром. Чтоб ему служба медом не казалась.

Вспомним уж заодно еще один шедевр современного русского языка, связанный с латинским словом *персона.* Всем, наверное, приходилось слышать такую формулу: «Ну а теперь давайте по персоналиям» (то есть «обсудим конкретных людей»). Вообще-то, слово «персоналия» — это само по себе латинское множественное число. Это то, что касается лично каких-то людей, в частности раздел юбилейных статей и некрологов в журналах. Но появилось и слово *персоналии,* которое все чаще употребляется просто в значении «персоны». Например, в книге Андрея Константинова «Бандитский Петербург» читаем: «Наверное, все дело в персоналиях, в конкретных людях, которые выполняют ту или иную работу».

Так что получается, что сами министры — это персоналии, а ответственность у них персонифицирована. Чего же от них тогда и ждать?

Без ансамбля

Тут как-то телерепортаж о верноподданническом митинге назывался «Их тьмы, и тьмы, и тьмы» (по-видимому, в хорошем смысле). Что было, конечно, некоторым преувеличением, но желания *попробовать сразиться с ними* действительно не вызывало. Надо сказать, что в соответствующем блоковском тексте еще много строчек, которые можно пустить на заголовки. Например, такая: «Мы, как послушные холопы…»

В период предвыборной кампании я увидела в Интернете список партий, участвующих в выборах. Это была таблица, в которой указывался номер партии в бюллетене, название, состав тройки. Ну, скажем: «7 / ЛДПР / Жириновский — Луговой — Лебедев». Или: «9 / Патриоты России / Семигин — Селезнёв — Маховиков».

Самая замечательная строчка, конечно, такая: «10 / Единая Россия / Путин (единолично)».

То есть, если кто-то не умеет считать до одного. Хотя тогда непонятна другая строчка: «8 / Справедливая Россия / Миронов — Горячева». Как же человек может не уметь считать до одного, но уметь считать до двух? Тогда уж надо писать *Миронов — Горячева (вдвоем)*. Или там: *на пару. Дуэтом. В две каски*. Да как угодно. Было бы логично, если бы так: по умолчанию — на троих, а другие случаи особо оговариваются. Мне было интересно, неужели это будет и в бюллетенях? Все же нет.

А если серьезно, тут все не так просто. Все, кому я рассказывала про это «Путин (единолично)», ужасно смеялись.

Между тем во фразе *Путин единолично возглавит список «Единой России»* нет ничего особенно смешного. Лингвистически, я

имею в виду.

Наречие *единолично* имеет довольно сложное значение. Можно сказать: *В этом случае судья принимает решение единолично.* Или: *Он единолично распоряжается имуществом фонда.* В смысле, не коллегиально. Но ведь нельзя же: *Стрелочник будет отвечать за все единолично* или *Он выпил бутылку водки единолично.* Тут надо сказать: *в одиночку.* Нельзя: *Я там был единолично* (в смысле, без жены). Тут скажут *Я был один.* И нельзя: *Я сидел на кухне единолично* (надо — *в одиночестве).* Не скажут и *играть на скрипке единолично* (тут надо — *соло).* Итак, можно *единолично решать,* но нельзя *единолично быть.* Поэтому *единолично возглавляет список* еще ничего, а вот когда в этом самом списке при фамилии стоит слово *единолично,* это выглядит невероятно забавно. И вызывает стандартную реакцию: *Ага, он единоличник!*

Вот, кстати, тоже хорошее слово.

Я вспоминаю историю, как одно время патриотически настроенные депутаты пытались изъять из языка чуждое слово *фермер* и заменить его на родное — *единоличник.* Не получилось.

А ведь *единоличник,* как и *фермер,* — это крестьянин, который, во-первых, не является наемным работником, а во- вторых, не является членом какого-либо сельскохозяйственного коллектива, работает самостоятельно. Мешает, однако, оценочный потенциал слова. В «Толковом словаре русского языка конца XX в.» слово *единоличник* имеет помету «неодобр.». Действительно, в советское время это слово ассоциировалось с чем-то отсталым и даже антиобщественным (хотя и не в такой степени, как, скажем, *кулак).*

Это, конечно, поддерживалось тем, что в этом слове даже дважды выражена идея «индивидуализма» (один + лицо), а в русской крестьянской культуре традиционно существовали такие ценности, как *мир* и *община.*

В разговорной речи слово *единоличник* могло даже образно употребляться в значении «жадина, эгоист». Показателен эпизод из известного фильма «Девчата»: героиня Надежды Румянцевой, воспитанная в детском доме, не задумываясь, берет из тумбочки чужие продукты и ест. Когда же другая девушка делает ей замечание, она возмущенно отвечает: «Единоличница!»

Я думала, что это значение уже ушло из языка вместе со всей культурой истерического коллективизма. Но говорят, что в дворовом футболе до сих пор в адрес игрока, который пытается сам бить по воротам, когда надо отдать пас, можно услышать гневное: «Единоличник хренов!»

Немногочисленный властитель

Как-то раз бывший российский премьер Примаков выступил с интересным лингвистическим эссе о слове «олигарх». «Олигарх, — сказал он, — это не просто крупный предприниматель, это тот бизнесмен, который набивает карман за счет махинаций, в том числе с налогами, который может поставить ножку сотоварищу, который грубо стремится лезть в политику, развращает чиновников и депутатов». Впрочем, еще за полгода до этого тогдашний президент Путин сформулировал очень похоже: «Мне не нравится слово олигарх. Олигарх, как мы обычно говорим, это человек с наворованными деньгами, который и дальше продолжает воровать, используя особый доступ к власти».

Вообще слово *олигарх* в последнее время превратилось почти в ругательство. В суде Рязанской области слушалось дело по иску бизнесмена Сергея Кузнецова и его адвоката к журналисту «Новой газеты» Михаилу Комарову. Суд рассматривал вопрос об использовании журналистом «порочащих» слов, в частности слова *олигарх.*

История слова *олигарх* совершенно замечательна. Само по себе слово *олигархия* греческого происхождения, оно означает «власть немногих». *Олигос* значит «немногий» — этот корень есть и в других словах, самое известное из них — *олигофрения,* то есть недостаток ума, слабоумие. Ну а греческое *архе* — власть — входит во многие общеизвестные слова, например *монархия* (единоличная власть) и *анархия* (безвластие). Так что слово *олигархия* не имеет отношения к богатству. Например, в древности и в средние века олигархической верхушкой была в первую очередь аристократия. Слово *олигарх* в значении «очень богатый и влиятельный человек» возникло в середине 90-х годов

прошлого века. Вероятно, начало было положено в 1995 году, когда газета «Век» опубликовала большой материал, посвященный бизнесмену Олегу Бойко, под заголовком «Портрет олигарха в молодости». Слово *олигархи* постепенно вытеснило бытовавшее до этого обозначение *семибанкирщина* и *большая семерка.* Оно и понятно: число 7 не было фиксированным, да и интересы бизнесменов быстро вышли за пределы банковской деятельности. Борис Березовский утверждает, что путевку в жизнь слову *олигарх* дал он, употребив его в интервью «Financial Times». Борис Немцов считает, пожалуй не без оснований, что это он ввел слово *олигарх* в широкий оборот. Есть и другие версии. В любом случае источником вдохновения послужила работа Ленина об империализме как высшей стадии капитализма — там подробно говорится о «финансовой олигархии», и все мы изучали эту работу и в школе, и в вузе. Словцо, однако, привилось и стало приметой времени.

Вообще-то, если вдуматься, в этом слове есть нечто забавное. Действительно, *монархия* — единоличная власть, а *монарх* — единоличный властелин. А *олигарх* — немногочисленный властелин. Как тут не вспомнить Остапа Бендера: «Безымянный палец моей левой руки унизан брильянтовым перстнем».

Правозащитник Сергей Ковалев возмущенно откликнулся на выступление Примакова: «Посмотрите, как недавно академик Примаков интерпретировал слово „олигарх“. Понятно, что это слово употребляется сейчас совершенно безграмотным образом. А ведь оно имеет точное значение: олигархия — это власть меньшинства. Вот Путин — это олигарх, потому что он яркий представитель того меньшинства, которое осуществляет власть, — не важно, кем выдвинуто меньшинство. Если вы хотите сказать о власти денег, о попытке осуществить такую власть, употребите другое слово: плутархия, плутократия — есть же эти слова! Полистайте словарь, вы же, черт возьми, академики!» Конец цитаты.

Действительно, греческое «плутос» означает богатство, а «кратос» — власть. Я помню, что в середине 90-х слово *плутократия* тоже мелькало в прессе, правда, многие воспринимали его не как термин, указывающий на власть богатства, а как ругательство, образованное от русского слова *плут.* По этой ли причине или потому, что слову *плутократия* не так повезло со сторонниками, как его конкуренту, только оно как-то не привилось.

История слова *олигарх* в чем-то напоминает то, что произошло в XX веке со словом *гегемон.* Само по себе это слово — тоже, кстати сказать, греческое — означает «руководитель»,

«вождь».

Еще до революции 1917 г. обозначение *класс-гегемон* закрепилось за пролетариатом. Позже само слово *гегемон* стало употребляться в значении «рабочий класс», а потом превратилось и в неодобрительное обозначение грубого и необразованного человека. Аналогия усугубляется тем, что, так же как недавно был снят фильм «Олигарх», в 1931 году появился фильм «Гегемон». Видимо, во всем этом есть некая закономерность. Слово, указывающее на власть, закрепляется за обозначением конкретной группы, которая в данный момент «у руля», и отдельных ее представителей, но с течением времени превращается в ругательство, а потом и вовсе выходит из употребления. Sic transit gloria mundi…

Милые улики

Я получила письмо от читателя. Обратный адрес заканчивался расширением «fr», что существенно для дальнейшего повествования, а само письмо было довольно раздраженным. Впрочем, раздражение относилось не столько ко мне лично, сколько к современному состоянию русского языка, который, по мнению моего корреспондента, настолько испорчен большевиками, что русским уже давно не является. В качестве иллюстрации приводились не какие-нибудь *кандидаты нерушимого блока коммунистов и беспартийных,* а «советские выраженьица типа *давайте сделаем то-то и то-то* и *на полном серьезе,* а также *он тот еще специалист».* Действительно, открытые идеологемы не так бесят, как некоторые безобидные словечки, которые незаметно проникают в речь и окрашивают ее в специфические тона. Что там *нерушимый блок:* пришел домой, снял френч, а вместе с ним оставил в прихожей и всю идеологическую лексику — и вот ты снова нормальный человек. А тут поди успеди.

Я задумалась над выражением*тот еще (Это тот еще фрукт; Она та еще мамаша; Концерт был тот еще):* для меня было неожиданностью, что его воспринимают как отчетливый советизм. Ну да, легкий налет вульгарности — но чтобы вот так прямо… Хотя, пожалуй, в этом что-то есть. Действительно, в дореволюционных текстах такого не попадается. Если вдуматься, в общем, даже понятно, откуда это взялось. После 1917 года жизнь раскололась на «до» и «после», причем само упоминание о

«до» стало рискованным: *А ваши кто родители? Чем вы занимались до семнадцатого года?* Ну и далее по тексту. Поэтому совершенно естественно распространение выражений типа *из бывших* или — как в нашем случае — *тот еще,* в смысле «дореволюционный, из прошлой жизни».

Первоначально, вероятно, это не значило «плохой». Одна моя коллега рассказывала, что ее мама до сих пор говорит, например: «У нас были те еще учителя», имея в виду, что учителя были настоящие, с гимназическим прошлым.

Конечно, кто был ничем, стал-таки всем, но, если серьезно полечиться или поучиться, надежнее все же был доктор или учитель с подмоченным социальным происхождением и сомнительным послужным списком. *Тот еще,* короче. Хотя это лучше не афишировать. Потом, как это часто бывает в истории языка, оценка поменялась, значение расширилось, и вот мы имеем то, что имеем: сочетание, которое может относиться к чему угодно, выражающее неопределенно-отрицательную оценку и какое-то непонятное ехидство.

Ситуация, когда какое-то относительно невинное выражение становится опознавательным знаком, а то и красной тряпкой, не редкость. Чего стоит широкомасштабная дискуссия по поводу сочетания *эта страна.*

Даже покойный Патриарх выступил с лингвистическим рассуждением: нехорошо, мол, когда говорят *эта страна* вместо *наша страна*. Непатриотично. А о всевозможных профессиональных патриотах что и говорить. Те совсем уж, что называется, *научат Родину любить!*

Поразительно, сколько всего написано про это выражение. Пишут, что это вообще англицизм, а по-русски так сказать нельзя. Да бросьте! Что, не может человек, находясь у себя дома, воскликнуть: *Дадут мне сегодня кофе в этом доме?!!*

Пишут, что это влияние американской культуры: *This land is your land, this land is my land, From California to the New York island, From the red-wood forest to the Gulf Stream water This land was made for you and me.* Но это как раз очень, между прочим, патриотично, хотя и с явным колонизаторским уклоном.

Еще пишут, что подло обзывать Родину *этой страной* придумал Горбачев во время Перестройки. А вот уж это совсем дудки. Я прекрасно помню, что задолго до всякой Перестройки диссиденствующая интеллигенция именно так и говорила, с характерной интонацией, обозначающей фигу в кармане: *в этой стране…* Не обязательно было высказываться о Брежневе или Пражской весне. Местоимения было достаточно — все становилось ясно. Мне кажется, что источник здесь был вполне

возвышенный — ахматовский «Реквием»: *А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне, / Согласье на это даю торжество, / Но только с условьем — не ставить его / Ни около моря, где я родилась: / Последняя с морем разорвана связь, / Ни в царском саду у заветного пня, / Где тень безутешная ищет меня, / А здесь, где стояла я триста часов / И где для меня не открыли засов.* Эти строки написаны в 1940 г. о сталинском терроре. Там же, как все, наверно, помнят, сказано: *И если зажмут мой измученный рот, Которым кричит стомильонный народ.* Для интеллигенции «Реквием» был культовым текстом и стоял в одном ряду с «ГУЛАГом».

С употреблением местоимений и вообще с русским языком, а также и с патриотизмом у Ахматовой все было в порядке. Заменить здесь местоимение невозможно: *И если когда-нибудь в нашей стране…*

Дело в том, что в случае с *нашей страной* страна определяется через принадлежность к личной сфере говорящего и притом подразумевается некое *мы* — общность людей, к которой говорящий себя причисляет. А в случае с *этой* — через обстоятельства места и времени. Как написала владевшая всеми местоимениями Ахматова уже позже, в 1961 г.: *Я была тогда с моим народом, Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Да нет, конечно, патриоты по-своему правы. В сочетании *в этой стране* есть своего рода отстраненность или, как любили говорить представители формальной школы, *остранение.* Это похоже на то, как у Гоголя в начале «Мертвых душ» упоминаются *два русских мужика.* Известная проблема: зачем, собственно, если действие происходит в глубине России, уточнять, что мужики русские. А какие же? По этому поводу существует большая литература, исследователи спорят: то ли тут малороссийский субстрат сказывается, то ли это у Гоголя такой особый взгляд на Россию — как бы из космоса.

Зря только они думают, что внесением в черный список отдельных слов и выражений можно добиться единомыслия в обществе. Если что, другие опознавательные знаки заведем, сообразим, как аукаться и перемигиваться. No pasaran!

Переводимость

Креатив. ру

Всему есть свои причины.

Почему внезапно вторгаются в язык, мгновенно прививаются и входят в моду те или иные слова? Вот, скажем, из недавних, самых популярных и самых раздражающих приобретений русского языка — прилагательное *креативный,* существительное *креатив* и даже глагол *креативить. Тут нужен креатив! Пойду покреативлю… Креативные фотографии (прически)…*

А продавщицы льстиво говорят экстравагантно одетой покупательнице: *Какая Вы креативная!* И не стоит торопиться обвинять их в любви к иностранному и низкопоклонстве перед Западом.

В русском языке много слов, как говорит одна моя коллега, «на котурнах». Это слова не обязательно высокие, а, возможно, просто слегка необиходные, не ко всякой ситуации применимые. Вот, скажем, слова *совершенный, совершенств*о. Казалось бы, по значению и даже по происхождению это то же, что английское *perfect.* Но готовы ли мы назвать *совершенной* степень прожарки мяса или ученическую работу?

Русский язык очень чувствителен к такой приподнятости. В частности, это проявляется в том, что не всё можно сказать о себе. Когда, например, актер или певица говорят в интервью: «В моем творчестве…», — это звучит вульгарно и смешно. Многие представители «творческих» профессий с трудом даже выговаривают: «Я поэт» или «Я ученый» — и их можно понять. Вот Бродский в своих интервью собственные стихи именовал не иначе как *стишки.* Сейчас пишущие люди часто называют свои произведения отчужденно — *текстами* или иронически — *сочинениями* и даже *опусами.* В воспоминаниях поэта-акмеиста Георгия Иванова есть такой эпизод. Вспоминая ушедших друзей,

автор говорит:

> Все, кто блистал в тринадцатом году,
> Лишь призраки на петербургском льду…

> Если не все, то почти все. Из всех блиставших тогда поэтов жива только одна Ахматова да еще… Я чуть было не закончил — и пишущий эти строки, — но вовремя спохватился. Ведь сказать «я блистал» так же невозможно, как «я кушал». <…>
>
> Впрочем, «Пушкин — наше все», Пушкин, не только самый великий, но и самый петербургский из всех русских поэтов, дал нам пример обращения с этим неудобном глаголом:
>
> …Онегин, добрый мой приятель,
> Родился на брегах Невы,
> Где, может быть, родились вы
> Или блистали, мой читатель.
> Там некогда гулял и я… —
>
> значит, <…> глагол *блистать* спрягается своеобразно: я гулял, ты блистал, он, она, они блистали. Заканчиваю свою фразу: из всех поэтов жива только блиставшая в Петербурге Анна Ахматова и когда-то гулявший в нем — я.

Поэтому ничего удивительного, что, когда рекламный бизнес начал у нас развиваться, сразу появились *креаторы* и *криэйторы,* а потом *креативщики* — и никому даже в голову не приходило писать в объявлениях о вакансиях: «Требуются творцы с опытом работы» или, скажем, «В рекламный отдел требуется созидатель». В этом была определенная скромность, даже целомудрие. Хотя по большому счету придумывание прелестного макавтовского слогана «Поедем поедим» — чем не творчество? Да, конечно, всевозможные «Съел и порядок», «Молоко вдвойне вкусней», «Тает во рту, а не в руках» — не Пушкин. Так ведь и не все стихи одинаково прекрасны. Но нет, русский язык тут строг. Творчество — это другое: *Цель творчества — самоотдача…* ну там, *И божество и вдохновенье… Рождая орган для шестого чувства… Жизнь, кажется, висит на волоске… Ты ль Данту диктовала страницы «Ада»?* А вы говорите, рекламные слоганы сочинять…

Но что там рекламщики. В номенклатуре новых

специальностей каких только *бренд-менеджеров* и *копирайтеров* нет. А вот то, что слово «пошло в народ» и стало широко употребляться в быту, доказывает, что такой «низкий» аналог *творчества* языку очень даже пригодился.

Истоки стилистической изощренности русского языка лежат в его истории. Долгая диглоссия (распределение функций между русским и церковнославянским), позднее формирование русского литературного языка, дискуссия между шишковистами и карамзинистами о славянизмах и заимствованиях из западных языков, арзамасец Пушкин: «Пошел к Катенину — побей, но выучи». В общем, это длинная история.

Пожалуй, в появлении смешных слов *креативщик* и *креативить* можно увидеть не отсутствие уважения к великому и могучему русскому языку, а, наоборот, подсознательное следование его матрице. Для русского языка, как известно, характерно своеобразное «двоемирие» — удвоение важных понятий, разделение их на «горний» и «дольний» варианты: *благо* и *добро, истина* и *правда, долг* и *обязанность*… А вот теперь еще новая пара: *творчество* и *креатив.*

Лояльность к недостаткам

В одном из номеров мурманской газеты «Любимый город» написано: «Мудрость ведь предполагает жизненный опыт, философский взгляд на вещи и лояльное отношение к человеческим слабостям и недостаткам». Такое употребление слова *лояльный* очень типично для современного русского языка. Например, говорят *Я отнесся к нему лояльно* — в смысле не стал бить морду. Попросту говоря, *лояльный* стало употребляться в значении *терпимый,* или, что то же самое, *толерантный.*

Между тем, *лояльный* по происхождению — то же слово, что *легальный,* только во французском варианте. Они восходят к латинскому *lex* — закон. И в своем первом значении *лояльный* — значит законопослушный, например, *лояльные граждане.* Во втором значении слово *лояльный* указывает на то, что человек не позволяет себе действий и высказываний, противоречащих интересам работодателя, начальника и т. д. Говорят *Он лоялен к президенту, От служащих фирмы требуется лояльность, Он всегда ведет себя лояльно по отношению к бывшей жене.* Примерно в таких же значениях это слово присутствует и в других европейских языках. Однако в русском слове постепенно происходят смысловые сдвиги. Чем дальше, тем больше отходит на задний план идея действия в чьих-то интересах и усиливается идея готовности мириться с недостатками.

Вообще слова, которые принадлежат к так называемой интернациональной лексике, очень интересны. Многие из них в разных языках имеют не вполне совпадающие значения. Именно таково слово *лояльный.* Например, недавно по телевизору показывали американский фильм. Там героиня, родители которой погибли на «Титанике», в какой- то момент приходит в редакцию газеты, хозяином которой был ее недавно погибший отец, и благодарит сотрудников за… в русском переводе сказано за *верность,* но в английском тексте прозвучало, буквально,

за *лояльность (loyalty)*. Конечно, русское слово *лояльность* было бы в этой ситуации неуместно и даже несколько оскорбительно: получилось бы, что героиня благодарит сотрудников отца за то, что после его смерти они не кинулись немедленно давать скандальные интервью о его частной жизни, не начали продавать производственные секреты и т. д.

Можно привести забавный пример. В некоторых крупных российских магазинах выдаются дисконтные карты. На одной стороне по-английски написано: *Loyal customer,* а на другой по-русски: *Постоянный покупатель.* Естественно, невозможно было бы написать: *лояльный покупатель.* Это значило бы, что дисконтную карточку выдают покупателю, который не ворует товары с полок (зато, с другой стороны, появилось смешное выражение *лояльные цены).* Впрочем, оказалось, что не всем такое сочетание кажется смешным. Например, баскетбольный магазин «Ситислэм» сообщает: «Карта лояльного покупателя выдаётся при покупке на сумму 7000 руб. в течении одного дня. <…> Два раза в год проводятся акции для лояльных покупателей». Да и у сотового оператора «Мегафон» есть *бонусная программа для лояльных клиентов.*

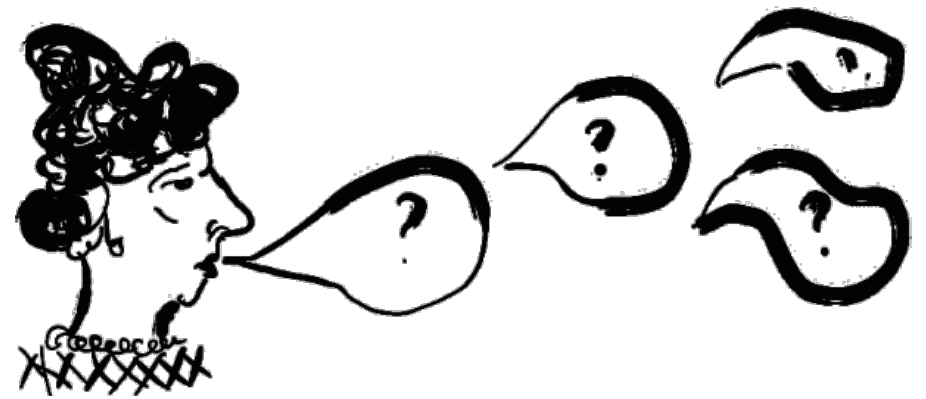
В русском языке слово *лояльный* не сразу приобрело эти специфические оттенки смысла. Раньше оно могло употребляться совершенно иначе. Приведу такой пример. Отец Марины Ивановны Цветаевой был женат на ее матери вторым браком. Его дочь от первого брака, Валерия Ивановна, писала о своей мачехе: *Была она человек лояльный, прямой, но характера резкого, несдержанного и к другим нетерпимого.* Сейчас нам даже трудно понять, что здесь имеется в виду: для современного языка сочетание *лояльный, но нетерпимый* звучит более чем странно.

Думаю, что дело здесь вот в чем. Русский язык очень эмоционален. Описывая поступки человека, он обращает внимание прежде всего на то, каковы были его намерения. Если мы говорим о человеке, который последовательно соблюдает чьи-то интересы, то склонны будем употребить такие слова, как *преданность, верность, самоотверженность.* Слово *лояльность* в его европейском смысле плохо приживается на русской почве, ведь оно описывает просто поведение, ничего не говоря о мотивах. Поэтому если уж мы говорим, что кто-то ведет себя *лояльно,* то склонны будем заподозрить этого человека либо в неискренности, либо в равнодушии и рабской покорности.

Не могу, впрочем, не привести один чрезвычайно своеобразный пример, в котором слово *лояльность* обозначает некоторую нравственную ценность высшего порядка: это строки из написанного по-русски и изданного в 1936 году романе

В. Жаботинского «Пятеро» — вернее, из письма его героини: «Не в этом суть, верные, неверные, серьезные, развратные… Мы, как это сказать — мы все „лойяльные“. <…> Что такое лойяльность, я определить не умею, только одно говорю вам наверное: если когда-нибудь, милый, все у тебя на свете треснет и обвалится, и все изменят и сбегут, и не на что будет опереться — найди тогда женщину и обопрись. Я не хвастаюсь, сохрани Боже, я не важничаю за наше сословие: только это правда». Смысл в том, что женщина, может быть, и изменит без размышлений и угрызений совести, но в беде не бросит, спасет, даже ценой собственной жизни. Такая вот «лойяльность».

Деликатный вопрос



Знаете, какого удивительного цвета лак для ногтей я обнаружила в одном каталоге? *Деликатно-розового!* Нет, вообще-то можно себе представить цвет *нагло розовый, бесцеремонно розовый, шокирующе розовый.* А этот ничего, такой *деликатно-розовый.*

Ну, на самом-то деле это, разумеется, вовсе не имелось в виду. Лак, скорее всего, банального *нежно-розового* цвета. Просто, как это часто случается в современных рекламных текстах, недоперевели с иностранного.

Действительно, с появлением на нашем телевидении рекламы иностранных стиральных машин мы только и слышим про *деликатную стирку.* Сначала было ужасно смешно, а сейчас почти уже и не режет ухо. Даже не сразу и вспомнишь, что еще недавно это называлось по-русски *бережная стирка.*

Слово *деликатный* восходит к французскому *délicat,* означающему, среди прочего, «нежный, хрупкий, утонченный, привередливый» — ср.: *un parfum délicat* нежный запах, *une santé délicate* слабое здоровье, *un mets délicat* изысканное блюдо, *un esprit délicat* тонкий ум, *une oreille délicate* чуткое ухо, *une jeune fille délicate* хрупкая девушка. Ср. также: *Il est délicat sur le nourriture* Он привередлив в еде; *Cesse de faire le délicat* Не привередничай. Но в русском языке его значение сузилось: оно стало относиться к сфере отношений между людьми. Слово *деликатный* в современном русском литературном языке имеет такие значения. Во-первых, *деликатным* называют человека, который щадит чувства других людей, старается не обидеть их своим поведением или словами. Во-вторых, по-русски говорят, например, *деликатный вопрос,* имея в виду, что этот вопрос надо обсуждать с осторожностью, чтобы опять-таки не обидеть другого человека. В XIX веке, когда слово *деликатный* еще не вполне обжилось в

русском языке, оно употреблялось и в других контекстах. *Деликатными* могли называться кушанья с изысканным вкусом, хрупкое телосложение и т. д. Однако такие употребления устарели. Дело в том, что, когда русский язык воспринял слово *деликатный,* в нем уже было много слов с аналогичными значениями. И, как это часто бывает в языке, новое слово развило свое, специфическое значение, превратившись в результате в весьма характерное и специфичное русское слово. Значение его стало гораздо более узким по сравнению с английским *delicate* или, скажем, итальянским *delicato,* которые применимы не только к человеческим отношениям, но и к кушаньям, и к самым разным предметам материального мира. Дело в том, что русский язык вообще очень внимателен к нюансам человеческих отношений, особенно ко всему, что может обидеть другого человека. Поэтому абсолютно не случайно, что новое слово закрепилось именно в этом значении. Обратим, кстати, внимание, что параллельно, скажем, слово *щепетильный,* которое раньше употреблялось в сочетаниях типа *щепетильная лавка, щепетильная торговка* (помните у Пушкина — *Все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный),* тоже изменило свое значение таким образом, что теперь и оно связано с ситуациями, в которых можно случайно обидеть другого человека. В том же направлении шло и смысловое развитие слова *щекотливый.* Аналогичные употребления возникли в русском языке и у слова *галантерейный.*

Возвращаясь к слову *деликатный,* замечу, что оно демонстрирует нам, сколь полезным может быть заимствование нового слова, даже если в языке уже есть слова с аналогичными значениями. Происходит семантическое развитие, специализация отдельных слов, и в результате язык обогащается. И как же обидно бывает, когда потом слово заимствуется вторично, но так грубо и бездумно, что все это сводится на нет. Все эти *деликатные стирки* и *деликатно-розовые лаки* уничтожают ту тонкую, с позволения сказать, *деликатную,* работу, которую язык проделывал десятилетиями. Просто потому, что человеку, который переводит рекламный текст, лень две секунды подумать над переводом и написать *бережная стирка, нежно-розовый лак,* оставив слово *деликатный* для более *деликатных* материй.

Шок и радость

Недавно я прочитала сообщение, которое было озаглавлено так: «Подарок Президента шокировал работников детской школы искусств». Я была заинтригована: что же такое шокирующее мог подарить Президент школе искусств? Стала читать дальше: «О новом рояле здесь мечтали 32 года. Преподаватели уже и не надеялись получить новый инструмент. Тем более от Владимира Путина». В чем же здесь подвох? Чем мог смутить рояль преподавателей музыки? Читаем дальше: «Работники школы называют этот подарок бесценным. Хотя цена у него все же есть — 310 тысяч рублей. Рояль отвечает всем современным требованиям. Поразил преподавателей отличный акустический звук» (кстати, а звук бывает не акустическим?).

Понятно, с роялем все в порядке, не в порядке что-то у журналиста со словом *шокировать.* Словари так толкуют это слово: «вызывать чувство неловкости, приводить кого-л. в смущение своим поведением, нарушением правил приличия, общепринятых норм поведения: *шокировать гостей своими речами, шокировать окружающих своим поведением. Вас не шокирует мой наряд?»*

Между тем в современном языке распространилось гораздо более широкое употребление слова *шокировать.* Очень часто оно значит просто «потрясти, произвести сильное впечатление».

Возможно, вы слышали рекламу новой туши для ресниц: «Шокирующий объем ваших ресниц!» Конечно, соблазнительно понять это в том смысле, что вам предлагается явиться утром на службу с таким макияжем, что сослуживцы будут в ужасе шарахаться. Но очевидно, что имелся в виду потрясающий объем ресниц.

Вот еще несколько примеров: «Шокирующая атака на интернет: российские хакеры используют сразу две неизвестные бреши»; «Национальный банк Украины (НБУ) в среду шокировал операторов межбанковского рынка, неожиданно выкупив появившийся избыток предложения долларов по курсу ниже рыночного»; «Засуха в Испании шокировала туристов»; «Транспортные новости: Новые штрафы шокируют нарушителей»; «Шокирующая идея: Интернет по электрическим проводам».

Такое расширение значения связано в первую очередь с повторным заимствованием иностранного слова и характерно особенно для переводных текстов: «Падение доверия потребителей шокировало рынок, — сказал Хью Джонсон (Hugh Johnson), директор по инвестициям банка First Albany, — и оказало немедленное негативное влияние на биржевые показатели». Сейчас слово *шокировать* часто употребляют по отношению к трагическим событиям, что звучит странно — как будто автор видит в смерти и страданиях что-то неприличное: «Королева Великобритании Елизавета II глубоко шокирована ужасными событиями и выражает сочувствие пострадавшим»; «Посольство США шокировано убийством Пола Хлебникова». Ну допустим, это неудачные переводы. Но сколько раз в российских СМИ прозвучала фраза о том, как людей шокировали события в Беслане! На мой слух, это звучит почти оскорбительно по отношению к жертвам теракта.

С другой стороны, слово *шокировать* теперь часто используют при описании положительных эмоций и впечатлений, как в примере с роялем: «Выставка EXPO 2005 шокирует высокими технологиями»; «В рамках фестиваля „МОТОР ПАРК 2005“ был представлен шокирующий шедевр автотюнинга — реинкарнация легендарной „Победы“». Особенно мне понравился такой заголовок: «Прямостоящий панда шокирует посетителей японского зоопарка». Страшно подумать. Но оказалось, что животное не делает ничего непристойного, просто по 10 секунд стоит на задних лапах, что очень нравится посетителям. А уж выражение *я в шоке* и просто стало в разговорном языке способом выразить любые эмоции: «Какие фотографии!!! Свадебные — я в шоке, слов нет, одни выражения восторга» (это из ЖЖ); «Мария Шарапова: Я в шоке от победы в Лос-Анджелесе» (а это уже из газет).

Действительно, первое значение английского слова *shock* — это просто удар, поэтому понятно, что оно может образно использоваться по отношению к самым разным сильным воздействиям. Но ведь на русской почве слово *шокировать* развило свое особое, более узкое значение, связанное в чувством приличия, с эстетической оценкой действительности.

Дело в том, что, как недавно заметили лингвисты, русскому языку вообще свойственна чрезвычайная щепетильность: существует огромное количество русских слов на эту тему, начиная с замечательного слова *неудобно (мне неудобно вас беспокоить, после 11 звонить неудобно),* которое на многие языки перевести практически невозможно. А есть еще *неловко, совестно, зазорно* и многое другое, вплоть до устаревшего *невместно* и

сленгового *западло*. Семантическое развитие русского слова *шокировать* шло именно в этом направлении. А для выражения более широкого значения было другое слово — *потрясти*.

Но вот сейчас происходит вторичное заимствование того же слова, и вся многолетняя работа русского языка по оттачиванию смысловых нюансов идет насмарку.

Шпрехен зи дойч?

Однажды я отдыхала на море в Турции. По вечерам в отеле устраивалась детская дискотека, где детей ставили в кружок, водили паровозиком и так далее. Для этого в отелях обыкновенно существуют специальные люди, которые называются новым словом *аниматоры* — то есть, если перевести буквально, одушевители, или воодушевители. В сущности, это то, что раньше называлось по-русски *массовик-затейник.* Забавно, однако, что даже людям, которые никак не могут выучить слово *аниматор — ну как это, как это… ама… амин…,* все равно никогда не приходит в голову сказать *массовик-затейник:* ассоциации совершено другие. Задача аниматора на международных курортах осложняется тем, что аудитория там обычно разноязычная. Ну, в нашем случае все было не так плохо: детки говорили всего на двух языках — по-русски и по-немецки. И все-таки задача оказалась для аниматора непосильной. Его познания в немецком языке, видимо, ограничивались фильмами о войне. И вот дети собрались в кружок, родители в умилении смотрят на своих чад из-за столиков. Аниматор вещает в микрофон: *Так, детки, все подняли ручки!* Но ему еще надо сориентировать немецких детей, и он не находит ничего лучшего, как завопить: *Hande hoch!* Немецкие родители поперхнулись пивом, зато русские дружно отозвались: *Гитлер капут!*

Коллега, которая отдыхала вместе с нами, тут же рассказала мне такую историю. Ее знакомый был на какой-то международной

выставке, где к нему подошел немец и, видимо, по наружности приняв его за своего, стал очень темпераментно что-то говорить по-немецки. Тот растерялся. Начатки полученных в школе знаний смыло временем, зато кино сыграло злую шутку. И бедняга залепетал: *Nicht schiessen! Nicht schiessen!* Он-то думал, что говорит: *Не понимаю,* а на самом деле говорил: *Не стреляйте! Не стреляйте!* Надо ли говорить, как ошарашен был немец.

В школе у меня была любимая учительница истории Людмила Филипповна, к сожалению, ныне покойная. Она преподавала также и предмет, который тогда назывался *обществоведение,* а теперь — *обществознание.* Видимо, *обществознание* так же относится к *обществоведению,* как *аниматор* к *массовику-затейнику.* Так вот, помню, Людмила Филипповна, когда мы «проходили» философию, усмехнулась: *Мы диалектику учили не по Гегелю — говорит Маяковский почему-то с гордостью.*

Впрочем, надо сказать, что некоторые иноязычные цитаты становятся самостоятельным фактом культуры. Вот недавно я услышала по телевизору, что было проведено какое-то там социологическое исследование, и оказалось, что наиболее часто цитируемая фраза — это фраза *Я вернусь.* Пару секунд я вообще ничего не могла понять, а потом сообразила, что имеется в виду фраза Терминатора: *I'll be back!* Конечно, ее всегда цитируют по-английски, даже люди, которые английского языка не знают. Русский перевод совершенно не обладает нужным набором ассоциаций.

Персона грата, или hominem quaero

Чего только нет в русском языке! То одного нет, то другого. Вот Рейган в свое время отчитал русский язык за отсутствие в нем слова *privacy*. Собирательный «славист» из стихотворения Льва Лосева высокомерно отмечал, что, мол, недаром у нас нет слова *sophistication*. В общем, чего ни хватишься… Великий и могучий называется.

Я тут обратила внимание, что у нас вообще-то нет хорошего эквивалента для европейского *person/Person,* то есть человека как единицы общества. И это при том, что этому самому *person/Person* соответствует целая куча русских слов: *человек, лицо, личность, особа* и, наконец, *персона*. Целых пять слов — но все плохо подходят для перевода нейтрального *person*.

М. Л. Гаспаров часто повторял слова Маркса, что человек — лишь точка пересечения социальных отношений. Однако для языка слово *человек* имеет гораздо более широкий смысл.

Оно подразумевает и физическое тело, со всеми его анатомическими и физиологическими свойствами. Говорить о *красивом, высоком, хромом человеке* столь же естественно, как о *человеке умном* или *добром*. Младенец — *человек,* безумный, больной в коме — *люди*. Хотя они еще до или уже вне социальных отношений. Второе неудобство слова *человек,* как и предыдущее, общее для разных языков, — это неполиткорректная ассоциация с мужским полом. Смешно ведь: *человек на высоких каблуках* или *беременный человек*. Наконец, слово *человек* в большой степени связывается с нравственными ценностями. Это, разумеется, вещь очень общая, вспомним еще крылатое латинское изречение: *Hominem quaero*.

По преданию, древнегреческий философ Диоген из Синопа (400–325 до н. э.) зажег днем фонарь и принялся ходить с ним по людным местам Афин. На все недоуменные вопросы он отвечал кратко: «Ищу человека».

То же и у Р. Киплинга:

Yours is the Earth and everything that's in it,
And — which is more — you'll be a Man, my son!!

Это слово легко приобретает патетическое звучание (ср. знаменитую фразу Горького о том, что *человек — это звучит гордо)*. И напротив, многие говорящие отказываются употреблять слово *человек* применительно к преступникам, предателям и т. п. *(этот, я даже не могу назвать его человеком…)*

Ущербность слова *лицо* как эквивалента *person* ощущается и самими носителями русского языка.

Так, правозащитник В. Абрамкин, рассуждая о том, может ли появиться в России культурное юридическое сообщество, отвечает на свой вопрос так: не может, пока не будет языка. Можно ли назвать языком нормы из Уголовного кодекса? В качестве примера Абрамкин обычно приводит в своих выступлениях, в частности, именно слово *лицо*. Например, название статьи: *половое сношение лица с лицом; лицом, достигшим восемнадцати лет, с лицом, не достигшим…* — и так далее. Или: *Производство аборта лицом.* Если принять, что слово *лицо* традиционно употребляется здесь неудачно, положение оказывается очень сложным, поскольку абсолютно непонятно, чем его заменить. Самый простой вариант — *человек* — не годится по причинам, указанным выше: оно плохо ассоциируется с преступными и аморальными деяниями.

Личность — это в первую очередь не человек в целом, а отдельный его аспект, его, так сказать, духовно-волевая ипостась. В этом отношении *личность* сходна с *душой* или *характером.* Поэтому *личность* — аналог скорее не для *person (Person),* а для *personality (Persönlichkeit)*. Как и переводные эквиваленты, *личность,* разумеется, может указывать и на человека в целом, однако только в определенных условиях. Можно сказать: *Он личность, Дети должны стать личностями.* При этом фразы *Он увидел какую-то личность, Я знаком с одной личностью* будут пониматься в смысле «темная, подозрительная личность» и тем самым не будут эквивалентами для *person/Person.*

Слово *персона* либо указывает на очень важного человека, либо используется чисто технически *(сервиз на 6 персон),* либо в разного рода неодобрительных или иронических контекстах (ср. выражение *собственной персоной)*.

Очень характерно самоуничижительное-паче-гордости *моя персона,* которое представляет собою фигуру скромности. Здесь очень ясно видна общая тенденция осуждения эгоизма и индивидуализма, характерная для русского языка вообще и языка

советского времени в частности. *Смирение* в самом широком смысле воспринимается в русской культуре как большая ценность.

Однако сейчас слово *персона* очень активизировалось, а его употребления стали гораздо более разнообразными. Пожалуй, самое интересное — это явная тенденция к постепенному выветриванию из слова *персона* негативных коннотаций: журнал «Персона», рубрика «Персона номера» в «Политическом журнале», премия «Персона года». Такое уже случилось со словами *карьера, амбиция,* и всем понятно, с чем это связано.

Здесь мы видим типичное для современной ситуации повторное заимствование. Слово, которое было когда-то заимствовано и приобрело в русском языке свои особенности, теперь заимствуется вторично, но уже без тех культурно-специфических смыслов, которые на новом этапе оказались лишними.

All correct

В чеховской «Чайке» (1896) Аркадина говорит: «Я корректна, как англичанин. Я, милая, держу себя в струне, как говорится, и всегда одета и причесана comme il faut. Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефёлой, не распускала себя, как некоторые». А вот у Толстого: «Опять, как в сенате, он нашел в великолепном помещении великолепных чиновников, чистых, учтивых, корректных от одежды до разговоров, отчетливых и строгих» (Воскресение, 1899). Собственно, так и пишут в словарях: «о манерах, поведении, одежде человека — соответствующий правилам, нормам хорошего вкуса». В английских словарях. Об английском слове *correct.* Однако в словаре Ушакова (а у Даля слова *корректный* или, как бы он написал, *коректный,* вовсе нет) уже читаем:

«КОРРЕКТНЫЙ [от латин. correctus — исправный] (книжн.). 1. Тактичный в обращении с людьми, вежливый. *Он человек вполне к. Не совсем к. поступок. Он корректен с подчиненными. Корректно (нареч.) поступать.* 2. В шахматах — правильный, правильно рассчитанный. *К. ход. Корректная комбинация».*

А вот как Ушаков здорово поясняет слово *щепетильный:* «Педантичный и строго принципиальный, чрезвычайно корректный в отношениях с кем-н. или по отношению к чему-н.».

Ну как всегда. Русский язык выбрал то, что ему особенно интересно — человеческие отношения. Этот вечный страх задеть, обидеть. Действительно, ведь что такое *корректный?* Это не просто вежливый.

Это холодно-вежливый, без лишних эмоций, с обязательным

сохранением дистанции. Фраза *Он корректен со своей тещей* звучит несколько угрожающе. И слово *тактичный* тоже не совсем точно передает смысл слова *корректный.* Ребенка можно *тактично* расспросить о его страхах. С ребенком вообще нужно быть *тактичным.* Но хорошо ли быть с ним *корректным?*

Я думаю, что вся идея *политкорректности* была так быстро понята (вполне ли правильно — другой вопрос) на русской почве именно из-за того, что *correctness* было, понятное дело, переведено русским словом *корректность,* которое, собственно, и значило, что не надо задевать (дискриминировать) других людей.

А ведь в самом английском языке выражение *political correctness* имело довольно сложную историю и первоначально значило совсем другое.

И про шахматы у Ушакова забавно. С тех пор интеллектуальное значение слова *корректный* очень распространилось, и более поздние словари, разумеется, не закрепляют его за шахматами. Но тут опять значение это не так уж просто. Не любой неправильный ответ можно назвать *некорректным.* Если школьник пишет, то дважды два — пять, а Лондон — столица Франции, кому придет в голову сказать, что его ответы *некорректны?* Скорее так. *Некорректный вывод* — с нарушением логики, *некорректная классификация* — сразу по нескольким основаниям, *некорректное сравнение* — с отсутствующей базой.

Вообще, *некорректными* мы называем достаточно сложные мыслительные операции, если ошибка кроется где-то в глубине или в самом построении умственной конструкции.

Впрочем, здесь *я,* как всегда, пытаюсь зафиксировать «уходящую натуру». Речь, собственно, о том, что сейчас слово *корректный* стало использоваться гораздо шире, по образцу английского слова *correct: Корректный контур крыши после редактирования; Или выходить из моего профайла надо корректно каким-либо другим образом? Корректный метод создания качественных ссылок на сайт; Единственный корректный метод удаления моллюска — механический в условиях клиники.*

Эта история очень типична. Вспомним слово *деликатный:* сначала оно было заимствовано в том широком значении, которое есть у соответствующего слова в европейских языках, потом развило на русской почве своеобразное значение, связанное с человеческими отношениями, а в последнее время заимствуется повторно и мы слышим о *деликатной стирке* и *деликатном вкусе кофе.*

И последнее. Возвращаясь к слову *correct,* не могу не упомянуть историю сокращения *ОК.* В соответствии с наиболее

распространенной версией, оно появилось как пародийная неграмотная аббревиатура сочетания *all correct (oll korrect),* то есть *все правильно*. Байка, абсолютно, впрочем, недостоверная, приписывает авторство президенту Джексону.

Публичность

Когда говорят о современном «новоязе», почти всегда в первую очередь вспоминают слово *пиар*. Оно распространилось в русском языке с рекордной скоростью и дало выразительные, но малосимпатичные производные — *пиарщик, пиариться, пропиарить, отпиарить* и т. д. Всегда отмечается, что большая часть людей, употребляющих это слово, не понимают его внутренней формы и неточно знают его значение. И что на русской почве слово *пиар* стало ассоциироваться с чем-то негативным. Стандартное определение *пиара* — *черный*. А *пиарщика* люди обычно представляют себе как циничного пройдоху, готового впарить, втюхать, всучить кому угодно и что угодно. Говорят: «Да ну, это просто пиар» или «Честное слово, это не пиар, это правда».

Источник русского слова *пиар* — это английское *PR,* то есть *Public Relations*. Это словосочетание традиционно переводилось как «связи с общественностью». А классическое определение *пиара* звучит так: планируемые продолжительные усилия, направленные на поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и обществом. Конечно, в том, что стоит за русским словом *пиар,* нет ни идеи продолжительных усилий, ни идеи доброжелательных отношений. Дикий российский капитализм подкорректировал концепцию.

Но будем справедливы: триумфальное шествие слова *пиар* имеет и внутриязыковые причины. Я не знаю, кто первый перевел *Public Relations* как «связи с общественностью», но перевод этот возник давно, еще в глубоко советское время, и закрепился. Между тем, перевод очень неудачный. Хуже мог бы быть только вариант «общественные отношения», но тут уж всякому было ясно, что он не годится: термин был занят. И вот появилось это дурацкое «связи с общественностью». Ну, пока мы слышали это сочетание только в западных фильмах, нам не так уж важно было,

чем занимается менеджер по связям с общественностью и с какой общественностью он, собственно, связывается. Но в новую эпоху эти самые менеджеры появились и у нас. Тут-то и оказалось, что сочетание *связь с общественностью* вызывает совершенно ложные ассоциации. Кто, собственно, такая эта самая общественность? Ну, *общественность… общественная работа… активный общественник, политически грамотен, морально устойчив…* Да нет, связь с общественностью вообще ни при чем. Между прочим, если заглянуть в Интернет, можно заметить, что слово *общественность* в современном языке употребляется очень мало, и львиная доля вхождений приходится как раз на термин *связи с общественностью.*

Мне, кстати, вспоминается, как либеральный экономист Герман Греф делал доклад, в котором он упомянул Руссо (в связи с тем, что был юбилей Руссо). При этом прозвучало сочетание *социальный контракт.* Я не сразу сообразила, что речь идет о всем известном со школьной скамьи *общественном договоре.*

Я думаю, что за таким переводом стоит определенный смысл. *Договор* и *контракт* — конечно, почти одно и то же. Почти… но не совсем. Точно так же как *общественный* и *социальный. Общественный договор* — звучит похоже на *общественную работу.* И еще некстати вспоминается окрик: «Общественное выше личного!» А *социальный* навевает утешительные мысли о социальных гарантиях и о бывшем вице-премьере Матвиенко.

Безусловно, несколько более правильный перевод для *Public Relations* был бы «связь с обществом». Но и слово *общество* в языке советской эпохи приобрело слишком уж суровый оттенок. Ну там, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» и все такое. Но *Public Relations* невозможно перевести и как «связи с публикой». Ведь слово *публика* имеет слишком узкое значение, а *Public Relations* — это не про театр и не про цирк.

Вот так и получилось, что есть официальный термин — *связи с общественностью,* но он неудачен и неуклюж. Вполне естественно поэтому, что находится разговорное слово, которое и вбирает в себя все смыслы, связанные с этим явлением в современной ситуации.

Сейчас со страниц газет и с экранов телевизоров нам все время объясняют, что на самом деле *пиар* — это вовсе не то, что мы думаем. Что настоящий *пиар* — это когда ты любишь клиентов своей фирмы, как родных, и искренне мечтаешь им угодить, а вовсе не думаешь о том, как бы их половчее объегорить. Удастся ли слову *пиар* со временем очиститься от негативных ассоциаций? Или за этим словом закрепится значение «черный пиар», а для «белого» и пушистого *пиара* начнет использоваться другое

название? Это сказать трудно.

Табличка на газоне

Либеральный экономист Виталий Найшуль постоянно пропагандирует любезную моему сердцу лингвиста идею: самое главное — это найти нужные слова. Ничего у нас не получится, пока общество не выработает понятный ему язык, на котором оно может с собой о себе говорить. Вот выражение *private property* — это вещь. Оно одинаково успешно и в одном и том же смысле может фигурировать в судебном решении или красоваться на табличке, воткнутой посреди газончика. А у нас что? *Частная собственность* — никто точно не знает, что это, а для охраны своих владений человек лучше воспользуется испытанным «Осторожно, злая собака».

Или, скажем, перевод ключевого термина Адама Смита — *невидимая рука (рынка)*. Не годится. Совсем другой набор ассоциаций, чем *invisible hand.* В русской *невидимой руке* нет ничего божественного и провиденциального. В этом месте аудитория Найшуля обычно начинает волноваться и выкрикивать: «А как надо? Надо-то как?» И тогда он предъявляет почерпнутое где-то в недрах Даля выражение *Бог цену строит,* которое имеет в точности нужный смысл. Иными словами, купцам из пьес Островского и впоследствии прирезанным большевиками буржуям была вполне внятна либеральная идея.

Правда, я не стала бы преувеличивать власть языка. Какое бы правильное слово ни найти, но если народ не готов принять заключенную в нем мысль, он это слово поймет по-своему.

Мой любимый пример на эту тему — история слова *лояльный,* которое непостижимом образом стало употребляться в значении «терпимый» *(лояльность к чужим недостаткам)*.

Но есть у меня история, которая тезис Найшуля, кажется, подтверждает.

Не так давно в одной телевизионной передаче выступал режиссер Марк Розовский. Он, в частности сказал: «Плохо, если государство приватизирует театры». Вообще-то *приватизация* — это как раз передача государственной собственности в частные руки (от латинского *privatus* — частный, личный). А обратный процесс называется *национализация.* После Октябрьской революции 1917 года частная собственность на средства производства была отменена, заводы, газеты и пароходы

национализированы. Поэтому *государство приватизирует* — это оксюморон. В 90-е годы прошлого века слово *приватизация* часто мелькало на страницах газет и постоянно звучало с экранов телевизоров, а само это явление было в центре всеобщего внимания и вызывало огромное количество разнообразных эмоций. Тогда даже появился вариант *прихватизация*. Слово *приватизация* вошло и в обиходную речь. Люди стали шутливо говорить, например, во время застолья: *Я эту рюмку приватизирую*. Здесь, конечно, речь уже не идет об отношениях собственности. Человек имеет в виду, что он проявил решительность в борьбе за собственные интересы и захватил предмет в свое пользование прежде, чем это сделал кто-то другой.

Собственно, Марк Розовский тоже не имел в виду отношения собственности. Он говорил вовсе не о национализации театров, а о попытках цензуры, о стремлении государства контролировать репертуар театров, идейную направленность спектаклей, как это было в советское время. Именно в этом смысле он и сказал: «Плохо, если государство приватизирует театры». Такое употребление слова *приватизировать* очень показательно.

В российском обществе представление о собственности еще совсем не укоренилось. Мы не видим разницы между хозяином, который владеет чем-то, и чиновником, который это что-то контролирует. Главное, кто может распоряжаться, заказывать музыку. А уж кому что принадлежит — это дело десятое. Да похоже, и сам чиновник не всегда эту разницу видит. Найшуль вообще считает, что слово *собственность* русскому человеку непонятно. Есть, говорит, понятное слово: моё. Это как в истории про Чуковского, который, увидев, как его молодые голодные гости поедают предложенные хозяйкой дома бутерброды с сыром, закричал им из окна: «Моё едите?!»

Кстати, еще о приватизации. Раньше был такой вопрос на засыпку. Вот есть *укрупнение* (колхозов, например). А как называется противоположный процесс? Правильно, *разукрупнение*. Ух ты, написала, а ворд даже не подчеркнул красным! Я вспомнила это, поскольку есть такое дивное слово — *расприватизировать*. А вот его ворд подчеркнул.

Типа упс

Недавно у меня произошел смешной разговор с одной знакомой, давно живущей в Америке. Было лето, и мы гуляли по Парижу. И вот, созерцая уличную толпу, моя знакомая высказала недовольство по поводу современных вольностей в одежде (не помню, то ли бретельки торчат, то ли чулки не достают). Нет, говорит, ну раньше такое, конечно, тоже случалось, но это было типа «упс». А теперь — подхватила я — это типа «вау».

Надо сказать, что эта парочка заимствованных из английского междометий, *упс (oops)* и *вау (wow),* в последнее время невероятно популярна, особенно в языке молодежи. Они страшно раздражают пуристов, которые готовы еще понять, зачем заимствуется слово *инаугурация,* но решительно не могут взять в толк, к чему заимствовать междометия. Ведь в них вроде и смысла-то собственного нет, все дело в тоне и мимике. Разве имеющиеся междометия, произносимые с определенной интонацией, не способны выразить весь спектр эмоций и оценок?

На самом деле каждое междометие отвечает за некоторую свою часть эмоционального спектра. Лингвисты обычно приводят по этому поводу потрясающе точную формулировку Цветаевой: «Ох, когда трудно, и ах, когда чудно, / А не дается — эх!».

Я еще очень люблю цитировать стихотворение Бенедиктова:

Перед нею умиленьем
Свято теплилась душа,
И, проникнут упоеньем,
Я шептал с благоговеньем:

«Боже мой! Как хороша!»

Но чрез миг, пред милым ликом
Страстным пламенем дыша,
<…>
«Черт возьми! Как хороша!»

Действительно, *боже мой* и *черт возьми* — междометия очень широкого спектра, и, разумеется *Боже мой!* можно произнести страстно, а если очень постараться, то и *Черт возьми!* можно сказать умильно, а вот поди ж ты — весь смысл стихотворения строится на их противопоставлении. И никак невозможно поменять здесь *Боже мой!* и *Черт возьми!* местами.

А есть междометия, которые вообще закреплены за достаточно конкретными жизненными ситуациями.

Скажем, французское заимствование *ба* выражает удивление (обычно скорее приятное) от встречи знакомого, а *увы* — сожаление.

Вообще междометия дают нам готовые мини-сценарии наших чувств и реакций для разных ситуаций, которые, конечно, варьируются и уточняются при помощи интонации. И некоторые из междометий обладают отчетливым культурным колоритом. Нельзя не заметить, что *эхма* отражает представление о «широкой русской душе», русской бесшабашности и отчаянности, а в *о-ла-ла* до сих пор сохраняется что-то французское — точнее говоря, наше представление о французской галантности и игривости. Поэтому я совсем не удивилась, когда несколько лет назад увидела по телевизору лингвистку Елену Борисову (Широкову), известную, в частности, своими работами о междометиях и довольно охранительными взглядами, которая страстно обличала междометие *упс,* видя в нем чуть ли не американскую диверсию против русского народа. Как поет Бритни Спирс, «Oops!.. I did it again».

Упс — междометие с очень определенной семантикой (особенно в русском: английское *oops,* пожалуй, чуть шире русского *упс).* Оно употребляется, когда кто-то — чаще всего сам говорящий — «дал маху»: что-то уронил или сболтнул лишнее, забыл застегнуться и т. д. Для него характерна своя мимика: либо вытянутые в трубочку губы и поднятые брови, либо растянутая до напряжения горловых мышц нижняя губа и в муке сведенные брови. Все эти гримаски так хорошо известны нам по американским фильмам! Вот убегающей с позором невесте — отрицательной героине — несостоявшаяся падчерица как бы

нечаянно наступает на шлейф, и та бежит по церкви в трусах, а счастливая соперница — положительная героиня — с невинным видом произносит *Oops!* А вот выясняется, что девочка написала свое письмо на обороте драгоценного исторического документа и уже отправила его, и малышка делает трогательную рожицу: *Oops!*..

Смысл у междометия *упс* примерно такой: «Да, это случилось. Очень стыдно. Ну что ж, с кем не бывает, забудем об этом и будем жить дальше. Может быть, это даже забавно».

Неповторимая комбинация мгновенного острого переживания промаха, чаще всего своего, и представления, что в это же мгновение тема исчерпана и не стоит дальше переживать, — это та специфическая установка, которая делает *упс* столь соблазнительным для заимствования.

А как же мы раньше-то жили? Да и до сих пор есть люди, не овладевшие междометием *упс.* Если уж совсем честно, таких большинство. Они, разбив чашку, говорят, например, *Ой!* Правда, само это междометие выражает только идею неожиданной потери контроля над ситуацией, остальное нужно показать интонацией. А то можно в такой ситуации сказать *Черт!* или что-нибудь покрепче. Но все подобные междометия выражают досаду и даже агрессию: то ли кто-то виноват в том, что человек чашку уронил, то ли человек на себя злится, что такой косорукий. Это совсем другая установка, чем в *упс,* которое не ищет виноватых и примиряет с тем, что уже случилось и не может быть отменено. Кстати, я, признаться, в такой мирной установке ничего особенно плохого не вижу.

Wow (вау) тоже довольно колоритное словцо, но о нем как-нибудь в другой раз. А вообще новые междометия постоянно появляются в языке, и это не всегда связано с заимствованием. Сейчас, например, в моде *о как* — по-моему, с легкой руки одного из телевизионных «ментов». А есть еще *опа* и *опаньки,* а также *обана,* и еще другие слова и выражения, и каждое несет с собой определенный жест, набор эмоций, образ, установку. Человек волен выбрать то, что ему подходит. Мне, например, не нравится туповато-высокомерное удивление, которое звучит в *О как!* А *Обана!* — ничего, задорненько.

Отторжение или присвоение

Недавно произошла забавная история. Власти Чувашии предложили отказаться от слова *о'кей,* поскольку англицизмы коверкают и обедняют русскую речь. «Мы решили заменить английское слово *„окей“* на „добро“. Будем бороться за чистоту и красоту русского языка», — заявила министр культуры Чувашии Наталья Володина. Слово *о'кей* действительно очень распространилось в последнее время, хотя словарями пока плохо фиксируется, даже всякими там словарями языковых изменений. Да и с написанием полный разнобой. В практике сейчас распространено слитное написание, однако словари дают написание через апостроф, а Русский орфографический словарь РАН разрешает два написания — через апостроф и через дефис. Ну, апостроф ладно, это традиционное написание, но не спрашивайте меня, почему надо писать *о-кей,* через дефис, если слово *диджей* тот же словарь требует писать слитно. Ведь слова эти построены совершенно одинаково — состоят из двух английских названий букв. Ну, это я так, кстати.

В сообщениях о чувашской акции внедрение зловредного *окея* в русский язык связывается с *sms*-сообщениями: для краткости, мол. Журналисты ссылаются при этом на каких-то безымянных лингвистов.

Наверно, это очень молодые журналисты и лингвисты. Вот, например: — *Окей!* — *весело сказал Михайлыч* (В. Шукшин. Калина красная, 1973). Конечно, попадалось это слово и раньше, но долгое время оно сохраняло в русском языке американский колорит: *Потом он сказал «окей», похлопал растерявшегося Колумба по бархатной, расшитой галунами спине, потряс его руку и ушел* (И. Ильф, Е. Петров. Колумб причаливает к берегу, 1936).

Сейчас слово *о'кей,* конечно, русским языком вполне освоено, даже и ласкательное появилось от него — *океюшки* — особенно популярное у русских американцев.

Вообще-то совершенно нормально, что новые заимствования встречают сопротивление какой-то части общества: это создает некий фильтр, препятствующий проникновению в язык совсем уж пустых и ненужных слов. Но если слово приживается, — значит, не такое уж оно пустое и ненужное.

Но интереснее тут другое. Довольно часто встречаются и попытки сознательно внедрить или реанимировать какое-нибудь слово — в духе Солженицына или Эпштейна. Нечасто, но они бывают успешными. Да чего там, известен случай реанимации целого языка, а не то что одного слова.

В начале перестройки было много разговоров о том, что хорошо бы восстановить обращения *сударь* и *сударыня.* В принципе, в этом не было ничего невозможного.

Ведь в русском языке в тот момент имелась, да и сейчас остается лакуна: к незнакомому человеку обратиться невозможно никак. Если, конечно, вы не готовы говорить: *Мужчина, вы выходите на следующей?* или *Женщина, вы перчатку уронили,* или *Дама, передайте, пожалуйста, за билетик.* И если вы не привязаны к ретрообращению *товарищ.* Не в смысле, *Товарищ, верь,* а в смысле *Товарищ, позвольте пройти.* В общем, как это ни грустно, мы вынуждены вместо обращения говорить *Извините* или как-то еще изворачиваться. Не оказалось тогда политической воли. Чистый Грибоедов:

> «…Ужли сударыня!!» — забормотал мне кто-то…
> Вообразите, тут у всех
> На мой же счет поднялся смех.
> «Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
> Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!»

Так вот, что касается предложения использовать слово *добро* для выражения согласия, тут все не так просто.

С одной стороны, действительно, пушкинская золотая рыбка сказала старику: *Не печалься, ступай себе с богом! Добро! Будет старуха царицей!* Но в устах более поздних ораторов это… нет-нет, это возможно, я так и слышу воображаемый разговор двух партийных или советских начальников среднего звена: — *Ты, Петр Ивыныч… — Ты, Николай Палыч… — Ну, добро.* Но не могу представить себе никого из моих знакомых, произносящих это. Немного по-другому, но тоже социально окрашено и слово *лады. Добро* звучит солидно, веско, а *лады* — по-комсомольски

бодренько. А то еще есть задушевное *ладушки.* Помните, как у Галича в «Красном треугольнике» *с улыбкой говорит товарищ Грошева:*

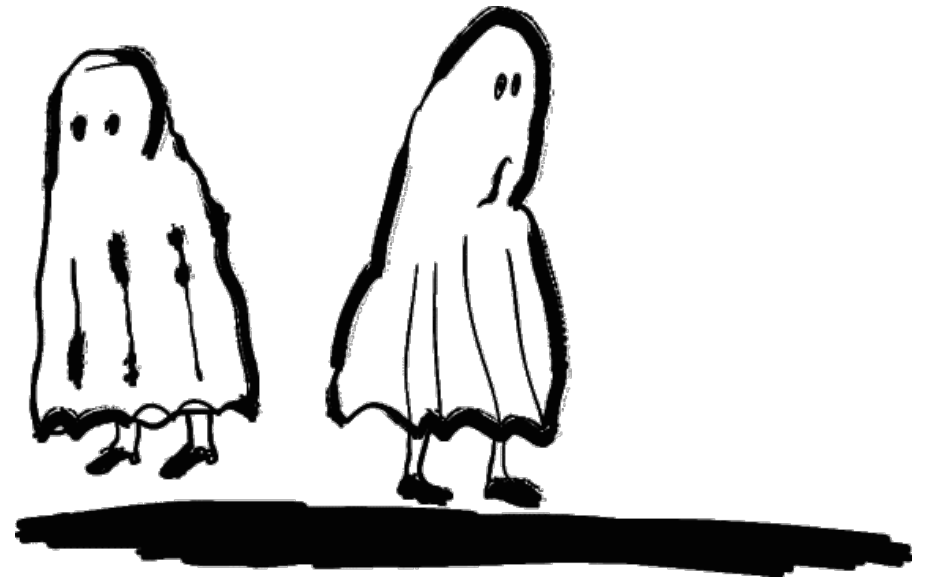
— Схлопотал он строгача — ну и ладушки,
Помиритесь вы теперь по-хорошему!

По-моему, Галич тут, по своему обыкновению, очень стилистически точен. Можно вспоминать и дальше: есть и другие близкие по смыслу выражения.

Где-то в позднесоветской литературе упоминаются женщины, которые вместо *Да* задорно отвечали *Есть такое дело.* Это был, конечно, особый социально-поколенческий тип. А кто-то из блоггеров предложил чувашским языкотворцам заменить *о'кей* не словом *добро,* а словом *хао.*

Так что пусть уж золотая рыбка останется при своем *добре,* товарищ Грошева при своих *ладушках,* а новый русский носитель позитивного мышления — при своем *окее.* Лады?

Марксизм и вопросы перевода



У Галича есть «Баллада о прибавочной стоимости», а в ней эпиграф:

> …Призрак бродит по Европе,
> призрак коммунизма…

Эта фраза — единственное, что у большинства людей, изучавших марксизм в школе, в институте, на политучебе и т. п., осталось в голове от «Коммунистического манифеста». Этот самый призрак постепенно стал элементом фольклора, фигурировал в разнообразных шутках и частушках — далеко не всегда приличных. «Баллада» Галича начинается так:

> Я научность марксистскую пестовал,
> Даже точками в строчке не брезговал.
> Запятым по пятам, а не дуриком,
> Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом».
> Не стесняясь мужским своим признаком,
> Наряжался на праздники «Призраком».

Наряжался призраком — это значит, конечно, заворачивался в простыню и изображал привидение. Вряд ли можно понять это как-то иначе. Да, собственно, я сама видела во время какой-то манифестации привидение с табличкой «Призрак коммунизма».

Правда, дело было уже при Перестройке.

Я это вот к чему. По-русски сочетание *призрак бродит* вызывает представление о медленном, бесконечном и бесцельном движении, о чем-то унылом и вялом. По-русски говорят *бродит, как неприкаянный.* Ни в употребленном в немецком оригинале глаголе *umgehen,* ни, скажем, во французском *hanter* этих смысловых оттенков нет. О чем вообще там идет речь? Что коммунистическая идея циркулирует по Европе, пугая самых разных политиков, священников и т. п., хотя никто точно не знает, в чем эта идея состоит. Коммунизм мерещится им повсюду, и они открыли на него охоту. Поэтому и возникла у коммунистов необходимость выступить с манифестом. Объясниться, так сказать.

Из-за присутствующей в глаголе *бродить* идеи отрешенности и его романтических коннотаций в русском переводе начало коммунистического манифеста зазвучало своеобразно. Вместо бодрого полтергейста, который выныривает то тут, то там, дразня тугодумов и толстосумов, возникло что-то вроде не находящей успокоения тени отца Гамлета.

Думаю, что это сыграло определенную роль в формировании облика русского марксизма. Разумеется, глупо было бы объяснять события 1917 г. трудностями перевода, но в Россию марксизм пришел — *забрел* — в виде несколько трансцендентном.

Пожалуй, еще фатальнее оказался другой переводческий казус, связанный с Марксом. Это как раз хорошо известная историкам марксизма проблема перевода центрального для Маркса понятия *Wert.* Как знают те, кто учился в советское время, товар, по Марксу, имеет *потребительную стоимость* и *меновую стоимость.* Я помню, что понять это было очень трудно. Ну, что такое *меновая стоимость,* ясно. Но вот сочетание *потребительная (потребительская) стоимость* казалось, наоборот, полной бессмыслицей. Ну да, при производстве вещи есть затраты, можно говорить о *стоимости.* Но при потреблении — кого интересуют затраты на производство? Да и если потребляешь сам, то не меняешь ни на что, ну так и опять стоимости никакой нет. Помню, я тогда, не зная даже немецкого языка, думала, что небось перевод неудачный, небось там какое-то слово, которое надо переводить не как *стоимость,* а как *ценность.* Много позже я узнала, что точно такого же мнения был и П. Б. Струве. В первом русском издании «Капитала» (в 1872 г.) термин *Wert* был переведен как *стоимость.* В 1899 г. П. Струве в новом переводе «Капитала» заменил *стоимость ценностью,* причем он многократно обосновывал свой вариант, настаивал на нем. Говорил о том, что русское слово *ценность* как раз очень хорошо

передает идею Маркса и соответствует немецкому *Wert*, а для идеи стоимости в германских языках есть другой корень: ср. английское *cost* или немецкое *Kosten*.

Кого-то Струве тогда убедил. Скажем, Н. И. Бухарин предпочитал вариант *ценность*. И Бенедикт Лившиц писал в стихотворении 1922 года:

> Не Марксова ль прибавочная ценность
> Простерлась, как madame de Рекамье.

В. И. Ленин, однако, употреблял термин *стоимость*, возможно, отчасти из личной неприязни к Струве. Ну и вскоре этот вариант остался единственным.

В дальнейшем употребление термина *ценность* было вообще заклеймено как протаскивание чуждой Марксу теории предельной полезности, где термин *Wert* также был ключевым. Ну, это уже спор славян между собою.

В одной современной экономической статье я прочитала замечание, показавшееся мне остроумным. Неудачный перевод ключевого слова учения Маркса словом *стоимость* привел к некоторому перекосу в русском марксизме — выпячиванию идеи затрат труда в определении ценности вещи. Затратность стала доминантой экономического мышления, что и послужило базой для апологии затратной советской экономики.

Для меня, впрочем, существенно другое. Из слова *Wert* действительно вырастает вся концепция Маркса. Как мы помним, Ленин назвал учение о прибавочной стоимости «краеугольным камнем экономической теории Маркса». Оно и понятно. *Mehrwert* забирает себе эксплуататор-капиталист, ну и дальше бьет час, с экспроприаторами поступают в соответствии с указаниями, соединившиеся пролетарии теряют цепи и приобретают весь мир. Как в той же песне Галича, где герою из-за социалистической революции не удается получить наследство тети Калерии:

> Негодяи, кричу, лоботрясы вы!
> Это все, я кричу, штучки марксовы!
> Ох, нет на свете печальнее повести,
> Чем об этой прибавочной стоимости!

И вот теперь представим себе, что ключевое слово *Wert* переведено так, что понять ничего невозможно. Сочетание *потребительная стоимость* можно только вызубрить. Чистая схоластика. И вспомним, как изучали — вернее, снова по Галичу,

«пестовали» «научность марксистскую», не брезгуя «даже точками в строчках»:

А я ж ее от сих до сих, от сих до сих!

Смешно представить себе, чтобы на занятиях по «политэку» кто-нибудь раздумчиво сказал, например: «Пожалуй, точнее будет не *прибавочная стоимость,* а *дополнительная ценность».* Кто-нибудь другой, наверное, отреагировал бы еще одной цитатой из баллады Галича: *А вы не псих?*

Прости — знаю, как перевести

А знаете ли вы, что получится, если перевести название популярной песни «Хава Нагила» на латынь? Получится «Gaudeamus». Тоже песня. Кстати, по-моему, неплохая идея для хора Турецкого.

Правда-правда. Оба названия значат «Давайте радоваться». Так что проблема переводимости возникает не только в том случае, когда в другом языке нет вполне подходящих слов и выражений — как со словами типа *удаль* или *авось*. Иной раз они, может, и подходящие, но заняты чем-то совершенно другим, как в случае с латинским «Gaudeamus», которое надежно ассоциируется со студенческим гимном.

А вот что, к примеру, будет делать итальянский журналист, если ему доведется писать о российском молодёжном монархическом движении «Наше дело»? Честное слово, такое есть. Интересно, это бодрая монархическая молодежь так пошутила?

Впрочем, в Интернете без труда находятся и рекламное агентство, и мебельная фабрика, и какая-то чаеразвесочная фирма «Cosa nostra». Ну, я имею в виду, «Наше дело». Мне еще понравилась носящая то же гордое имя контора по продаже автомобилей в Минске. Безумству храбрых… Это я про покупателей.

В 1998 году финская компания «Nokia» в рекламной кампании новых мобильных телефонов с разноцветными сменными панельками использовала в Германии слоган *Jedem das Seine*. Фраза эта переводится на русский как *Каждому своё* и восходит к Цицерону: «Justitia suum cuique distribuit» (De legibus (I,19)) — «Справедливость каждому своё распределяет». Собственно, *Jedem das Seine* — точный перевод на немецкий латинского сочетания *suum cuique*. Авторы рекламной кампании простодушно подразумевали: каждый выберет панельку того цвета, который соответствует его индивидуальности. Только вот беда: по-латыни и по-русски сочетание звучит невинно, но по-немецки оно безнадежно скомпрометировано тем, что в свое время красовалось на воротах в концентрационном лагере Бухенвальд.

Чувствительная к таким вещам немецкая общественность возмутилась, и кампания была быстро свернута. Впрочем, емкая формулировка *Jedem das Seine* использовалась и в рекламе фирм McDonald's, Microsoft и т. д. Особенно макабрически звучит эта фраза в рекламе набора специй для гриля, в которой тоже однажды фигурировала. Я нашла в Интернете сфотографированную кем-то страницу из немецкой версии каталога «ИКЕА», где слоган *Jedem das Seine* жизнерадостно указывает на широту ассортимента, с возмущенным комментарием: безобразие, мол, такого быть не должно. И тут же чей-то отклик: да уж…

Но обратимся к другому сюжету — пусть менее эффектному, зато более приятному. Шоколад «Dove» теперь производится и в России. Название его при этом, естественно, не переводится. Я подумала, что по-русски это и звучало бы гораздо хуже: шоколад «Голубь» («Голубок», «Голубь сизокрылый»). У Михаила Безродного в книжке приводится — конечно, не вполне всерьез — дивное рассуждение о влиянии стандартных рифм на национальное мировосприятие. В частности, он упоминает, что если по-английски стандартная рифма *love — dove,* то по-русски дежурной рифмой к слову *любовь* будет понятно что. Я имею в виду не *морковь*. Отсюда, мол, не вполне одинаковое представление о любви. Но ассоциация ведь работает и в обратную сторону.

Хотя русское слово *голубь* и его производные вполне себе годятся для любовных номинаций, хотя о влюбленных говорят, что они *воркуют, как голубки,* слово это в русском языке не тянет за собой слово *любовь* так автоматически, как в английском, где *читатель ждет уж* этой рифмы. Любовь, спору нет, сладостна (про молоко и мед-то когда еще сказано!), ну и тут до шоколада

остается один шаг. Русский перевод все только запутал бы.

А вот противоположный случай: русская телевизионная реклама духов «Trésor». Чарующий голос сначала произносит русский перевод — *сокровище,* а уж потом французское название. Это нетипично: я никогда не слышала, чтобы говорили о духах «Я решилась», «Обожаю», «Снова влюблена», даже «Черная магия». А вот еще популярные духи «Яд». То есть, название духов «Poison» лучше переводить не словами *яд* или *отрава,* а словом *зелье.* Но по традиции вообще не переводят, так и говорят — *пуазон.* Есть, впрочем, исключение — «Шанель номер пять». Там вся соль в этом интригующем «номер пять», не переводить было бы глупо. Однако в случае с *сокровищем* все понятно: в написанном виде, латинскими буквами, еще ладно, но в устном. Духи «Трезор» по-русски звучит как духи «Барбос» или «Полкан». Хотя «Полкан» — нормальное название для мужского одеколона. В смысле, *настоящий полковник.*

Но женские духи «Трезор» — это уж точно для русского уха смешно. Вот и предварили название духов переводом, чтобы предупредить так некстати возникающую ассоциацию с собачьей кличкой — *хотя отчасти.*

Невпопад

Вселенная в алфавитном порядке

Есть такой американский фильм 1999 г. — «Музыка сердца» («Music Of The Heart»). Там Мэрил Стрип играет скрипачку, которая после развода с мужем устраивается на работу в простую школу в Гарлеме. У нее есть 50 собственных скрипок, и она начинает учить черных детишек играть на этих скрипках. Дело кажется безнадежным, учительницу-энтузиастку подстерегает множество трудностей, но в финале ее школьный оркестр играет в Карнеги-холле. Конечно, такому ответственному выступлению предшествуют серьезные репетиции, а родители школьников должны подписать специальные контракты. И вот трогательная сцена: бедное, совсем простое семейство. Глава семьи сидит за столом и, шевеля губами, читает контракт. Дело идет с трудом, и он поминутно заглядывает в толстенный словарь, который лежит на столе рядом с контрактом. Ну, смысл такой: вот, отец контракта без словаря прочесть не может, а сын играет в Карнеги-холле. Но я сразу задумалась о другом. Да, вот такой простой человек, читает, шевеля губами, а в доме есть большой словарь, и, главное, у человека есть идея, что непонятное слово надо посмотреть в словаре.

Другой американский фильм, 1984 г., комедия с Голди Хоун «Протокол». Суть там в том, что официантка случайно спасает от террористов президента Штатов и его гостя — арабского шейха. Ее берут на службу в администрацию президента, ну и начинаются всякие приключения. В этом фильме тоже есть занятная сцена. К героине, после ее подвига, приходят порученцы и приглашают принять участие в каких-то официальных мероприятиях, упомянув (не без издевки) о необходимости следования протоколу. Героиня кивает с каменным лицом, а закрыв за гостями дверь, пулей несется… куда? Конечно, к книжным полкам. Она достает засаленный фолиант и, бормоча

«протокол, протокол», начинает его листать. При этом английское слово *protocol,* как и соответствующее русское слово, многозначно. И вот героиня читает одно толкование за другим, прикидывая, какое из значений имелось в виду.

Нет-нет, я понимаю разницу между киноискусством и жизнью.

Я не настаиваю на том, что в каждом американском доме на полках стоят словари и американские обыватели поминутно к ним прикладываются. Но ясно, что в американской культуре есть такой стереотип, а это уже немало.

Между прочим, из российского кино мне приходит в голову разве что фильм Ивана Дыховичного «Прорва» (1992 г.), где один из героев весь фильм ходит и спрашивает у всех: «У тебя есть словарь синонимов?» (ему нужен синоним к слову *прорва)*. Такой странной вещи, конечно, ни у кого не оказывается. Дело, впрочем, происходит в 1938 г., так что задача была на самом деле не столь тривиальной — ну ладно, это я уже о своем.

Как получилось, что мы, крича повсюду, что мы самая читающая страна, не завели обыкновения держать в каждом доме словари и заглядывать в них по мере необходимости?

Может, стоило бы государству, например, каждому выпускнику школы подарить в 2007 году по приличному словарю? Хоть по случаю Года русского языка, который у нас тогда был объявлен. Конечно, многим выпускникам дареные словари не понадобятся. Но как-то же они рассосутся, и общее количество словарей на руках у населения увеличится. Глядишь, кто-то кое-где порой и заглянет.

А ведь словарь — чудесная вещь, вещь, которую так приятно иметь дома. Словарь дает ощущение стабильности, связи с остальным человечеством. И ощущение своего могущества: вот ты чего-то не знал — раз — и через 30 секунд уже знаешь. Бродский в одном из интервью рассказывал, как, прожив уже сколько-то лет на Западе, вдруг поймал себя на том, что привычным движением потянулся за словарем, как сделал бы это и в Питере, и в Норенской, — и понял, что все, прижился. Существует любимое лексикографами изречение: «Словарь — это вся вселенная в алфавитном порядке! Словарь — это книга книг. Он включает в себя все другие книги, нужно лишь извлечь их из него».

Сейчас, в компьютерно-интернетную эпоху все больше бумажных словарей можно заменить компьютером, что для многих людей могло бы облегчить задачу. Однако оказывается, что обращение к словарю — в большой степени не вопрос доступности, а вопрос установки.

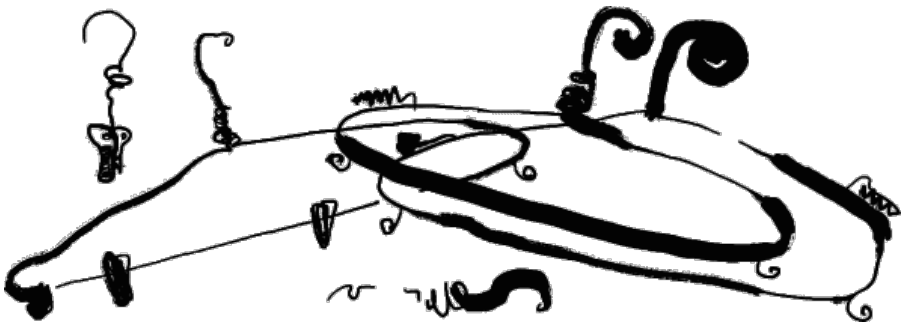
В Интернете постоянно встречаются глубокомысленные

диалоги примерно такого вида: — Люди, что значит такое-то слово? — По-моему, это то-то. — Нет, это совсем другое, а ты идиот.

Ну и так далее: каждый следующий высказывает свое мнение по поводу значения слова, а заодно по поводу интеллекта предыдущих ораторов. Наконец, кто-то приводит цитату из словаря, что, впрочем, не мешает дискуссии продолжаться.

Разумеется, в словарях есть не всё, конечно, в словарях бывают ошибки. Но попробовать-то стоит.

Импортного производства



Любопытные вещи попадаются иногда в объявлениях. Недавно я просматривала страницу объявлений в одной из газет. Там, видимо, авторы должны оплачивать каждое слово, поэтому они стараются быть как можно лаконичнее. Из-за этого многие объявления звучат ужасно смешно, хотя обычно можно догадаться, что автор хотел сказать. Особенно мне понравились два объявления: «Тараканы без выходных» и «Запои на дому».

Так и видишь насупленных тараканов, которые методично и без выходных делают свое черное дело. Или человека, который деловито достает из принесенного с собой чемодана батарею бутылок водки и пакеты с закуской, чтобы обеспечить клиенту комфортабельный запой на дому. Много лет назад меня поразило увиденное на столбе объявление: «Меняю квартиру, две комнаты изолированные, одна смежная».

Но поговорить я хочу о формулировке, которая фигурирует в объявлениях о покупке-продаже постоянно. Это выражение *импортного производства.* Например, «продается шуба (детская коляска, пылесос) импортного производства». Между тем *импорт* — это ввоз из-за границы товаров для их продажи в данной стране (я цитирую «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина).

Латинское слово *importare* означает «ввозить». Поэтому могут быть *импортные товары, импортные сигареты,* но что значит *импортное производство?* Ввезенный из-за границы завод?

В связи с этим мне вспоминается интересная подробность из языка позднесоветского времени. Тогда кроме слова *импортный* было еще и слово *привозной.* Причем означали они разные вещи, хотя, казалось бы, при-возить — почти то же самое, что importare. *Импортными* назывались товары, которые закупало государство. Естественно, эти товары закупались огромными партиями, чаще всего в странах «народной демократии». Продавались они в магазинах типа «Лейпциг», куда под конец

советской власти уже можно было попасть только по «приглашению». «Приглашения» распределялись на предприятиях. Естественно, на следующий день после посещения магазина все женщины приходили на работу в одинаковых, хотя и дефицитных кофточках.

Но существовали еще и *привозные* товары. Дело в том, что иногда советским гражданам удавалось выехать за рубеж. Питались они там привезенным с собой гороховым супом из пакета, сваренным прямо в гостиничном номере на привезенной с собой же электроплитке, всячески экономили, чтобы хоть что-то привезти домой. Но привезти домой деньги было невозможно: «валютные операции» жесточайше карались.

Поэтому человек вез с собой вещи, купленные как бы для себя, а дома сдавал их в «комок» — то есть комиссионный магазин. Вот такие вещи и назывались *привозными.* Они были куплены конкретным человеком в настоящем заграничном магазине. Тут можно было надеяться, что такую же кофточку не увидишь на сослуживице. Да и сама кофточка, если повезет, могла оказаться не гэдээровской, а даже итальянской. Модницы рыскали по «комкам», а продавщицы на вопрос «Импортная?» обиженно отвечали: «Привозная!»

А недавно я снова встретила слово *привозной* в одном объявлении. И сразу поняла, что хотел сказать автор: мол, для себя покупал, выбирал, в магазине, а не скупил по дешевке всю партию на вес на складе неликвидных товаров.

Неравный брак

Случается, что прочитаешь какое-нибудь название и недоумеваешь: о чем, собственно, думал человек, который его изобрел? Что он себе представлял? Некоторое время назад я увидела на Ленинградском проспекте в Москве кафе с удивительным названием «Мезальянс». Вообще-то, *мезальянс* — это неравный брак; брак с лицом низкого социального положения, происхождения. Не знаю уж, висела ли в этом кафе репродукция картины Пукирева «Неравный брак», но там ей самое место. Помните, это очень известная картина, на ней изображено венчание. Жених старый, отвратительный, видимо богатый, а невеста молоденькая, жутко несчастная, явно бесприданница.

Так какой же смысл вкладывали владельцы кафе в название «Мезальянс»? Может быть, такой: если вы стесняетесь своего спутника или спутницы, смело приходите к нам, вас тут никто не увидит, потому что кто ж к нам придет. Или, скажем, так: если вы хотите заарканить человека, которому совершенно не подходите, приходите к нам — крепкие напитки, тусклое освещение…

В общем, вариантов масса, но все какие-то неутешительные. Между прочим, кафе это среди прочих услуг предлагало организацию свадебных торжеств. Нужно иметь очень своеобразное чувство юмора, чтобы решиться отпраздновать свадьбу в кафе с таким названием! Потом кафе «Мезальянс» закрылось, уж не знаю почему.

Честно говоря, я думаю, что человеку, придумавшему название, просто понравилось, как звучит слово *мезальянс,* и он не озаботился справиться, что оно значит. И все же странно это как-то… Правда, когда я рассказала эту историю друзьям, они

ответили, что это, мол, еще что, а вот им как-то встретился продуктовый ларек под поэтическим названием «Анус». Оказалось, что секрет прост: ларек принадлежал двум хозяевам, из которых одного звали Андрей, а другого Усман.

А вот еще я тут увидела на улице щит социальной рекламы. Нарисованы ступеньки, силуэт человечка, который по ним спускается. Подпись: «Подземный переход жизни». Как я поняла, эта социальная реклама призывает пользоваться подземными переходами, что, конечно, очень разумно. А сама конструкция *подземный переход жизни* построена по аналогии с выражением *дорога жизни*. Однако эта интерпретация приходит в голову в последнюю очередь. Напрашиваются совсем другие истолкования.

Во-первых, как-то сразу вспоминается, что жизнь прожить — не поле перейти. И если проживание жизни сопоставляется с переходом поля, то получается, что подземный переход жизни — это переход огромного поля по прорытому под ним бесконечному тоннелю. Довольно унылая картина. Может, пересекать поле жизни под землей и безопасно, но тогда не увидишь ни облаков на небе, ни цветущих васильков.

Во-вторых, приходит в голову, что подземный переход, или труба, для современного города — это средоточие определенной субкультуры. Панки, бездомные, уличные музыканты — да мало ли кто еще спасается в подземных переходах от дождя и холода. Он кончит жизнь в подземном переходе — так говорят об опустившемся человеке. Да и вообще подземный переход — чем не метафора самой жизни? Конечно, при несколько специфическом и довольно мрачном взгляде на эту самую жизнь. Кстати, в Интернете мне встретилось сочетание «подземный переход жизни» именно в этом смысле: *наши души отлетают, как кафель в подземном переходе жизни.*

В общем, по-моему, формулировка на этом щите не очень удачна. Несложный призыв к соблюдению правил дорожного движения выражен такой фразой, что, задумавшись о том, что бы она могла значить, как раз эти правила и нарушишь.

БлагоWест

В моем любимом городе Иркутске есть большой торговый центр, который называется «Благовест», причем *w* написано латиницей, так что коммерсанты как бы несут благую весть, одновременно кивая на запад. Идея, как раньше любили говорить, богатая: о комбинации смыслов, которая получается в результате, вполне можно порассуждать, и не без удовольствия.

По этому поводу не могу не вспомнить, как однажды я увидела в газете рекламу абортария. Крупными буквами черным по белому было написано: «АБОРТЫ» — и над этим чуть более мелко и белым по черному название фирмы. Да-да, правильно догадались, фирма несколько макабрически называлась «Благовест».

Все-таки ужасно интересно, что было у людей в голове. Хотя к чему лукавить, на самом деле понятно. Небось, сначала хотели оказывать разнообразную гинекологическую помощь, такое и название поэтому зарегистрировали, но вскоре как-то сосредоточились в основном на одном направлении. А название осталось. Вот и получилось, что они несут благую весть, что нежелательную беременность можно легко прервать.

В Иркутске есть удивительные аптеки — впрочем, как я потом узнала, такие аптеки есть и в некоторых других городах. Эта аптечная сеть называется «Медея». Логика человека, который это придумал, в общем, даже понятна.

Медея — красивое женское имя, и притом оно начинается с

мед — как бы что-то, связанное с медициной. Однако стоит вспомнить, кого именно так звали.

Медея — волшебница, героиня древнегреческого мифа, которая помогла Язону добыть «золотое руно» и бежала с ним в Грецию. Язон, уже имея от нее двух детей, изменил ей, намереваясь жениться на Креузе, дочери коринфского царя, Медея жестоко отомстила мужу: она послала невесте Язона пропитанный ядами дорогой наряд, от которого та погибла в страшных мучениях. Затем Медея убила двух своих детей — только для того, чтобы отомстить мужу, поскольку это и его дети тоже. Неистовой мстительнице Медее посвящены трагедии Еврипида и Сенеки, а позже — Корнеля. Пожалуй, Медея — самый устрашающий женский образ в мировой литературе. Но кроме того, Медея — это и одна из самых известных отравительниц в мировой культуре. Она не только отравила соперницу, но еще и задолго до этого был такой эпизод: решив отравить героя Тесея, Медея на пиру послала ему кубок, отравленный ядом.

Так что я вообще всегда удивляюсь, когда женщин зовут Медеями — вот наградили родители имечком! Но особенно сильное впечатление это имя производит в названии аптеки: аптека «Медея» — если захочешь там купить лекарство для детей, ведь рука дрогнет! И вообще сразу начинаешь думать: может быть, там торгуют зельем, с помощью которого можно извести разлучницу, а заодно и неверного мужа?

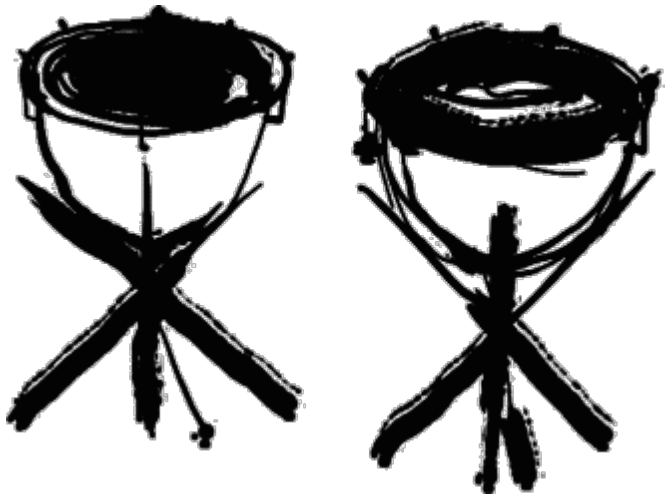
Еще в Иркутске есть — или, по крайней мере, до недавнего времени было — страховое общество «Атлантида». Это тоже совершенно замечательное название. Мифический континент, или остров Атлантида, впервые был описан Платоном; Атлантида названа в честь Атланта, брата одного из титанов греческой мифологии — Прометея. По версии Платона, загадочный континент населяли атланты — бесстрашный и могучий народ, достигший высочайшего уровня цивилизации. Атлантида располагалась в Атлантическом океане за Гибралтаром и погибла примерно 12 тыс. лет назад, погрузившись в пучину океана «в один день и бедственную ночь» в результате грандиозной природной катастрофы. Между прочим, Аристотель, ученик Платона, именно в споре об Атлантиде изрек знаменитую фразу: «Платон мне друг, но истина дороже».

Какие ассоциации должны возникнуть у человека, если страховая компания называется «Атлантида»? Что она может исчезнуть «в одну бедственную ночь»? Кажется, Атлантида может быть образом чего угодно, только не надежности.

Впрочем, это в других языках слово страхование

производится от слова *уверенный, надежный* — как английское *insurance* или немецкое *Versicherung,* а в русском-то страхование — от слова *страх*. Поэтому, может быть, как раз «Атлантида» — подходящее название. Можно еще предложить «Китеж» или «Титаник».

Медный барабан



Эту историю я знаю от молодого талантливого лингвиста Бори Иомдина, который работает вместе со мной в Институте русского языка. У Бори есть младший брат Лева — замечательный скрипач, студент консерватории. Однажды речь в разговоре братьев каким-то образом зашла о *литаврах.* Боря думал, что этот музыкальный инструмент похож на тарелки, а музыкант Лева сказал, что это не так, и страшно удивился, что брат не знает таких простых вещей. Тут пришла очередь Бори удивляться, он, как лингвист, кинулся к словарям. Действительно, литавры — это ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух полушарий, обтянутых кожей. То есть что-то типа барабанов. Боря стал спрашивать знакомых, что такое *литавры,* и все ошибались.

Оказалось, что это массовое заблуждение, прямо-таки некий культурный миф. Действительно, вот и Маяковский пишет: *Сердце, бей бой! Грудь наша — медь литавр* (Наш марш). А помните, как пела Новелла Матвеева: *И в теплом ветре ловить опять / То скрипок плач, то литавров медь, / А что я с этого буду иметь, / Того тебе не понять?* А вот Александр Грин: *Бухнуло глухое серебро литавр.* Правда, у Лескова читаем: *Литавра издает отчаянный треск, кожа лопается, все хохочут, шум становится невообразимый, и Ивана Степановича облегчают за прорванные литавры штрафом в пятьсот рублей в пользу музыкантов.* Значит, не все пребывают в заблуждении.

Мне кажется, я понимаю, откуда взялось ложное представление о том, что *литавры* — это тарелки. Во-первых, обычный человек не сталкивается в жизни с литаврами или фанфарами, в отличие от скрипок или роялей, которые каждый

много раз видел. Например, фанфара — это духовой медный музыкальный инструмент в виде удлинённой трубы. Но все ли знают о фанфарах что-то кроме того, что они применяются обычно в торжественной обстановке? Ну а про литавры все знают, что в них бьют, — хотя бы потому что есть образное выражение *бить в литавры,* то есть торжествовать. С другой стороны, у всех на слуху и сочетание *звон литавр:* например, у Пушкина в «Полтаве» — *Она любила конный строй / И звон литавр.* Однако здесь есть одна хитрость. В пушкинские времена слово *звон* имело более широкий смысл и могло обозначать просто звук. Так, в повести Титова «Уединенный домик на Васильевском», сюжет которой, кстати, принадлежит Пушкину, герой заподозрил, что столкнулся с нечистой силой и «со всего размаху ударил своей палкою по спине извозчика. Но каков был его ужас, когда этот удар произвел **звон костей о кости,** когда мнимый извозчик, оборотив голову, показал ему лицо мертвого остова». Конечно, сейчас не говорят *звон костей,* но тогда так говорили. Итак, если человек составляет представление о слове *литавры* по контекстам его употребления, он узнает, что *в литавры бьют* и что они издают при этом *звон.* Современный человек, естественно, делает вывод, что они металлические. Есть и еще кое-что. Слово *литавры* созвучно словам *литой, литье,* что тоже наводит на мысль о металле. Это созвучие возникло случайно: слово *литавры* происходит от греческого *poly* (много) и *taur'ea* (барабаны). Но *по* было переосмыслено как предлог, и *политавры* превратились в *литавры.*

Здесь стоит вспомнить еще слово *гонг.* Гонг — это ударный музыкальный инструмент в виде металлического диска, употребляемый также для подачи сигналов. Меня всегда ужасно забавляли названия журналистских премий — *золотой гонг, серебряный гонг.* Звучат эти названия, конечно, красиво, но если подумать — в каких ситуациях в европейской культуре фигурирует гонг? Чаще всего гонг созывает к обеду, да еще используется на боксерском ринге. Интересно, на какую из этих ситуаций намекают названия премий?

Кенгуру и верблюды

Хочется жить, что называется, *все время схватывая нить.* А терять нить неприятно. Даже когда слышишь полную чушь, все-таки спокойнее, если понимаешь, на чем нас кидают.

Один деятель искусства, рассказывая о своей тяжелой жизни, с подобающим смирением произнес: *Ну что ж, такая моя харизма.*

Ну вот что может быть несуразнее? Греческое слово *харизма,* означавшее «милость, божественный дар», чрезвычайно модное в русском языке, все время расширяет свои возможности: от значения «исключительная одарённость» (о святых) к значению «высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле» и затем просто «привлекательность, способность внушать доверие». А часто и вовсе можно услышать высказывания вроде: *Новая обивка придаст стулу харизму* (т. е. привлекательность, неповторимость). Но все это никак не помогает понять, что хотел сказать деятель искусства. Ведь что-то же он имел в виду! А очень просто: он спутал слово *харизма* и слово *планида* (судьба, участь) — по происхождению то же слово, что *планета.*

Вот как-то был один занятный случай. В погожий весенний денек мы ездили на пикник. На бережку неподалеку от нашей живописной группы расположились другие не менее живописные группы отдыхающих граждан. Последние с интересом наблюдали, как взрослая часть нашей группы пытается освоить розовый пластмассовый бумеранг, привезенный для обеспечения ее детской части подвижными играми на свежем воздухе. Бумеранг если и летел, то возвращаться точно никак не хотел. В конце

концов представитель соседней группы предложил нам мастер-класс.

Оговорившись, что он может показать, как надо запускать, но только, конечно, если это правильный бумеранг. Потому что, мол, вот у него бумеранг настоящий, цитирую, *сделанный в Австралии бедуинами.*

Клянусь, так и сказал: *в Австралии бедуинами.* Сразу представляешь себе картину: плывет, восседая на верблюде, бедуин в длинном белом одеянии, а вокруг вместо Аравийской пустыни совсем другой пейзаж. Мимо то страус эму пробежит, то кенгуру проскачет. Не говоря уже о коалах, ехиднах и утконосах. Бедуин достает из складок своего одеяния томагавк, то есть, пардон, бумеранг, размахивается и как запустит в кенгуру. В общем, какая-то фантасмагория. Почему же тот молодой человек так сказал, что заставило его соединить в одной картине бедуина и Австралию? Не сразу, но довольно скоро я догадалась, что задача, видимо, имеет одно решение: под *бедуинами* он имел в виду *аборигенов.* Скорее всего, ему подарили бумеранг, сказав, что он сделан *австралийскими аборигенами.* Ну а он плохо запомнил, вот и спутал два слова.

Тут нельзя не упомянуть историю советских времен, которую часто цитирует математик и лингвист В. А. Успенский — историю о даме, которая важно сообщает, что ее муж летит в *Швецию через Австралию* — на самом деле, естественно, *в Швейцарию через Австрию.*

Грех по месту жительства

Наверное, многие помнят стихотворение Пастернака «Август», где есть такие строки:

> Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
> Шестое августа по старому,
> Преображение Господне.

Кстати, я каждый год задумываюсь над климатической загадкой этого стихотворения. Там говорится:

> И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
> Нагой, трепещущий ольшаник
> В имбирно-красный лес кладбищенский,
> Горевший, как печатный пряник.

И далее:

> Прощай, лазурь преображенская
> И золото второго Спаса…

19 августа в Подмосковье — а ведь описывается кладбище в Переделкине — это слишком рано для золотой осени и облетевшего ольшаника. Вряд ли климат так изменился за полвека. А может, поэт силой воображения приблизил Переделкино к месту событий — горе Фавор? Видимо, литературоведы что-нибудь об этом знают. Но суть не в этом.

В 2005 году 19 августа про Преображение вспомнил не кто-

нибудь, а РИА «Новости». На сайте «Рамблера» в этот день появилось такое сообщение: «Сегодня православные христиане отмечают великий двунадесятый (один из двенадцати) праздник Преображения Господня, называемый также в народе Яблочным Спасом».

Далее излагается евангельский сюжет: Иисус возвел трех апостолов — Петра, Иакова и брата его Иоанна — на гору Фавор и преобразился перед ними. «Просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет», — говорится в Евангелии от Матфея… Два ветхозаветных пророка — Моисей и Илия — явились преображенному Христу и беседовали с Ним. А из светлого облака, осенившего их, раздался голос Бога-Отца, свидетельствующий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте».

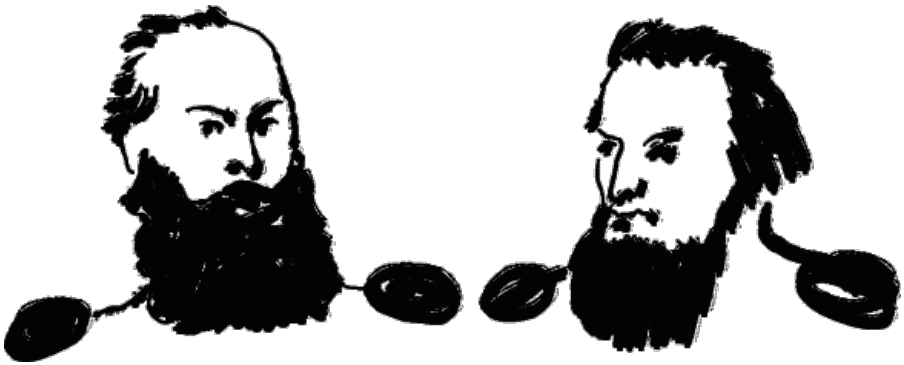
А теперь внимание — финал: «Услышавшие это апостолы испугались и пали ниц, сообщает РИА „Новости“».

Макароническое сочетание «пали ниц» и «РИА „Новости“» в последней фразе да и сама не вполне уместная в данном случае формулировка ссылки на новостное агентство дают потрясающий эффект.

Вообще макаронизмы — это иноязычные вкрапления в тексте, как, например, в «Дубровском»: «Я не могу дормир в потемках» или у Тэффи: «Кё фэр? Фэр-то кё?» Комический эффект может возникать — в соответствии с намерениями авторов или помимо их воли — и за счет смешения стилистически разнородных элементов.

Вспомнился и совсем другой случай. В том же году, причем тоже в августе, мы плыли на теплоходе по Волге. Посетили много интересных мест и в частности — необыкновенной красоты Макарьевский женский монастырь. Экскурсоводом у нас была пожилая монахиня, которая, впрочем, выступала в роли скорее проповедника, чем экскурсовода. Изъяснялась она так: «Грех чадоубийства в утробе можно снять и по месту жительства». Призывая стирать губную помаду перед целованием чудотворной иконы — чтобы эту икону не запачкать, — она пояснила: «А то с нас священник требует!» А когда ее спросили, долго ли нужно быть послушницей, перед тем как стать монахиней, ответила: «Все от человека зависит! Некоторые сразу вливаются в коллектив…» В общем, по языку этой монахини можно было догадаться, что когда-то она жила принципиально другой жизнью. Оказалось, что в монастыре она 13 лет. И на вопрос, кем работала в миру, она ответила явно заготовленной для таких случаев фразой: «А об этом история умалчивает».

Мещанин Фет



Как-то раз в телевизионной передаче об ученом Лобачевском я услышала, что карьера Лобачевского складывалась более чем удачно, так что в таком-то году он получил звание ЭКСТРАОРДИНАРНОГО профессора. При этом слово *экстраординарный* было произнесено с эдакой ликующей интонацией. Было очевидно, что человек, произносивший этот текст, считает, что экстраординарный профессор — это какой-то особый, особо важный профессор.

Действительно, в современном языке слово *экстраординарный* употребляется прежде всего в значении «необыкновенный», «чрезвычайный», тогда как *ординарный* — напротив, «обыкновенный», «заурядный». Но *экстраординарный профессор* в дореволюционной номенклатуре — это внештатный профессор, а *ординарный* — штатный, постоянный.

Так что при стандартной успешной карьере человек получал сначала должность экстраординарного профессора университета, а спустя какое-то время — должность ординарного профессора.

Если посмотреть таблицу чинов и должностей в России XIX в., то видно, что должность ординарного профессора до 1863 года соответствовала 7 классу по Табели о рангах, а после 1863 г. — 5 классу, то есть чину статского советника. В то же время должность экстраординарного профессора соответствовала до 1863 г. 8 классу, то есть чину коллежского асессора, что, конечно, не то. Хотя, в общем, уже неплохо.

Похожая история часто происходит с понятием *личного дворянства.*

Многие сейчас считают, что *личное дворянство* — это какое-то особое, самое ценное дворянство, что-то вроде персональной пенсии. Поэтому и произносят с уважением: *личное дворянство!* Между тем, в России *личное* дворянство противопоставлялось *потомственному,* которое передавалось по наследству. И то и

другое можно было выслужить, но потомственное дворянство получить было гораздо труднее.

Правила много раз на протяжении XVIII–XIX веков менялись, причем планка все время повышалась. Показательна драматическая история поэта Афанасия Фета, чуть ли не вся жизнь которого прошла в погоне за потомственным дворянством. Дело в том, что он был сыном потомственного дворянина, но незаконным — и тем самым оказывался безродным мещанином. Он считал, что потомственное дворянство было у него несправедливо отнято, и стремился любой ценой вернуть его себе. Для этого Фет после университета пошел на военную службу, где чины шли быстрее, много лет мучился, но за время его службы правила дважды ужесточались, и он так и не получил желанного потомственного дворянства. Детей у него, впрочем, все равно не было. А его товарищ Аполлон Григорьев, тоже незаконный сын дворянина, после университета поступил на гражданскую службу и в 1857 году дослужился до коллежского асессора. До 1856 года этот чин давал право на потомственное дворянство, но после него — только на личное. Однако Аполлон Григорьев удовлетворился этим и преспокойно ушел в отставку.

Возвращаясь к интонации, можно заметить, что часто по тому, как люди произносят те или иные слова, можно понять, что они то ли сами не знают, о чем говорят, то ли нарочно дурачат слушателей.

Я очень люблю одну рекламу. Там о каком-то товаре, в числе прочих его достоинств, сообщается его цена (предполагается, что низкая). И тут торжествующий голос прибавляет: «БЕЗ ндс!»

Звучит это очень смешно: ведь если названа цена без налога на добавленную стоимость, значит, реально, с этим налогом, она выше — так что же тут хорошего? То ли человек, озвучивающий рекламу, вообще не знает, что НДС — это такой налог, то ли нарочно говорит с такой интонацией, чтобы ввести невнимательного слушателя в заблуждение: мол, цена без чего-то там — это же хорошо.

Эра милосердия и индукции

В 2004 году был юбилей знаменитого фильма «Место встречи изменить нельзя». По этому поводу о фильме, естественно, много говорили. И вот в одной телепередаче я услышала такой текст: *Если метод Шерлока Холмса — дедукция, то Глеб Жеглов не брезгует индукцией — то есть общим принципом.* Все знают, что Шерлок Холмс называл свой метод *дедуктивным,* ясно также, что противоположность *дедукции* — это *индукция,* но говорить, что именно склонность к индукции отличает Жеглова от Холмса, по меньшей мере странно.

Дедукция — это логическое умозаключение от общего к частному, а *индукция* — от частного к общему, от конкретных фактов к обобщениям. Приведу забавный, но точный пример из одной книжки, где понятия индукции и дедукции поясняются на примере ухода за мотоциклом:

> Индуктивные умозаключения начинаются с наблюдений за машиной и приходят к общим заключениям.
>
> Например, если мотоцикл подскакивает на ухабе, и двигатель пропускает зажигание, потом мотоцикл подскакивает еще на одном ухабе, и двигатель пропускает зажигание, потом опять подскакивает на ухабе, и двигатель опять пропускает зажигание, потом мотоцикл едет по длинному гладкому отрезку пути, и пропуска зажигания нет, а потом подскакивает еще на одном ухабе, и двигатель пропускает зажигание снова, то можно логически заключить, что причиной пропуска зажигания служат ухабы.
>
> Это — индукция: рассуждение от конкретного опыта

к общей истине. Дедуктивные умозаключения производят прямо противоположное. Они начинают с общих знаний и предсказывают частное наблюдение.

Например, если <…> механик знает, что клаксон мотоцикла питается исключительно электричеством от аккумулятора, то может логически заключить, что если аккумулятор сел, клаксон работать не будет. Это дедукция.

(Цитата из книги Р. М. Персиг. «Дзэн и Искусство Ухода за Мотоциклом». Пер. М. Немцова.)

Вообще говоря, Шерлок Холмс назвал свой метод *дедуктивным* достаточно произвольно. Он имел в виду вот что. Если антипод Холмса — Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, вечно ползающий по месту преступления с лупой, — собирает огромное количество фактов, не умея их по-настоящему осмыслить, то Холмс, в распоряжении которого только Ватсон, да еще несколько лондонских мальчишек-посыльных, умеет так проанализировать и соотнести между собой, казалось бы, незначительные подробности, что по ним полностью восстанавливается картина преступления. Так же поступают и герои множества других детективов — особенно частные сыщики и сыщики-любители: и Ниро Вульф, и мисс Марпл, и Перри Мейсон. Вспомним, как при первой встрече Холмс огорошил доктора Ватсона вопросом о том, давно ли тот из Афганистана (кстати, в советском фильме слово *Афганистан* было подвергнуто цензуре). Он обратил внимание на характерный загар Ватсона, сопоставил это с информацией о профессии Ватсона и о том, где Англия вела в тот момент войну, и на этом основании сделал свой вывод. Разве это имеет отношение к дедукции как умозаключению от общего к частному? Между прочим, наблюдательности и сообразительности Жеглову тоже не занимать. А что Холмс не подбрасывал улики и не назначал преступников по классовому признаку, так логика тут вообще ни при чем.

Последний парад наступает

Недавно к нам в институт пришло письмо с вопросом: что за странные сочетания замелькали в последнее время в прессе: *крайний полет, крайний ремонт (самолета),* мол, разве так правильно говорить? Конечно, вообще-то неправильно. В русском языке прилагательное *крайний* в норме не используется применительно к характеристике места какого-либо события в ряду других событий. В этом случае употребляется прилагательное *последний.* Говорят *крайний* дом, но *последняя* встреча.

Но тут есть одна проблема. Да, с точки зрения норм современного русского литературного языка, правильны сочетания *последний полет, последний ремонт* и т. п., а сочетания *крайний полет, крайний ремонт* и т. п. неправильны. Однако вот беда — многие сочетания со словом *последний* связаны со смертью *(последняя воля, последний вздох, последний путь)*. И в славянской мифологии понятие «последний» играло важную роль, в частности, в похоронном обряде. Поэтому получается, что и само слово *последний* стало несколько рискованным.

Как известно, многим профессиям, особенно связанным с риском для жизни, свойственны определенные суеверия. Нет ничего удивительного, что в профессиональном жаргоне летчиков слово *последний* табуируется и заменяется эвфемизмом — *крайний.* Если только речь не идет о совсем-совсем *последнем…* — смертельном. Назвать полет *последним* считается плохой приметой: из-за этого полет может закончиться гибелью пилота. В объявлениях о продаже самолетов и вертолетов только так и пишут: *количество ремонтов, дата крайнего ремонта.* Да на автомобильном сайте читаем: *Водительскую дверь дважды уже чинили. После крайнего ремонта не прошло и недели — опять та же история.* Забавно, что возникшая пара *последний — крайний* соответствует английской паре *last — latest.* Изучающих английский специально натаскивают эти два слова не путать, именно потому, что в русском им обоим соответствует одно прилагательное — *последний.* Ну, пока летчицкое употребление слова *крайний* не стало общепринятым.

Конечно, профессиональный жаргон летчиков существовал давно, а появление эвфемизмов типа *крайний полет* в печати связано с тем, что в последние время размылись границы между разными функциональными стилями речи. Раньше можно было прожить жизнь и не услышать сочетания *крайний ремонт,* а теперь другое дело.

Вообще надо заметить, что в наше просвещенное время влияние суеверий на язык не такая уж редкость. В последние годы очень бывает забавно слышать, как изысканные ведущие разных ток-шоу радушно обращаются к гостям: *Присаживайтесь.* Этот уголовно-правоохранительный эвфемизм существовал давно. Он связан с нежеланием произносить *Садитесь* — а то накаркаешь еще. Только раньше это было приметой речи определенного круга людей, а сейчас входит — да чего там, вошло уже — в литературный язык.

Возможно, тот или иной ведущий и чувствует, как вульгарно звучит это *присаживайтесь,* но боится травмировать кого-нибудь из гостей предложением *сесть.*

Долгое время меня жутко раздражала принятая у вахтеров формула: *Вы далеко?* На мой слух она звучала чудовищно по-хамски, пока я не поняла, что это такая особая просторечная вежливость. Есть примета: *не кудакай — пути не будет.* Вот вахтер дружелюбно и говорит мне: *Вы далеко?* вместо *Вы куда?* чтобы меня не сглазить, а то дело, по которому я иду, сорвется. И теперь я не раздражаюсь, а только удовлетворенно отмечаю про себя разницу культурных кодов.

Мученики Аляски

Бывают смешные обмолвки: вот как-то по телевизору — *Бригады мучеников Аляски.* А слово *волеизъявление* почему-то регулярно произносят как *волеизлияние*. Так и видишь нервного гражданина, который отправляется на выборы, чтобы излить, наконец, все, что накипело, написав на избирательном бюллетене слово из трех букв.

Поразительно часто в результате оговорок рождаются вполне осмысленные фразы, только смысл вылезает не тот, который планировался. Так сказать, фрейдистские обмолвки. Классика этого жанра — изречения вроде *Хотели как лучше, а получилось как всегда.*

А один военный или милицейский чин выразился так: *В этом здании дистанцировался ОМОН.* Ну конечно, все понятно: он перепутал слова *дислоцироваться,* то есть находиться, располагаться, и *дистанцироваться,* то есть держаться на расстоянии. Однако образ, который возник в результате, просто замечателен: ОМОН, который затаился и всячески старается держаться в стороне от конфликтной ситуации.

Мою любимую оговорку сделала одна телеведущая: *Правительство должно создать мелкому бизнесу режим наибольшего благопрепятствования.* Вот уж воистину подарок старику Фрейду. Ведь какое емкое получилось слово — *благопрепятствование.* То есть, всячески демонстрируя дружелюбие и готовность посодействовать, в то же время создавать непреодолимые препятствия.

Однажды по телевизору корреспондент сказал: *Правительство будет гарантировать срыв поставок.* Конечно, источник ошибки понятен: человек не смог согласовать между собой всевозможные встроенные в слова отрицания и в результате

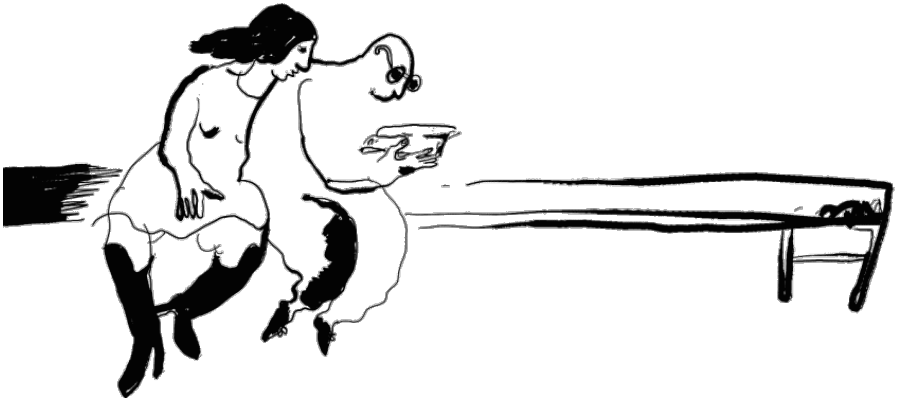
сказал нечто противоположное тому, что собирался. По этой причине постоянно можно услышать: *нарушился дисбаланс* вместо *нарушился баланс* или *возник дисбаланс*. Со *срывом поставок* смешно получилось — если вы почему-то ваши поставки самостоятельно не сорвали, то правительство вам гарантирует: уж оно обязательно расстарается и придумает что-нибудь такое, что ваши поставки будут сорваны все равно.

Михаил Касьянов, в бытность свою премьер-министром, выдал замечательную формулировку, которая обошла все газеты: *Чтобы не было сомнений в зыбкости принятых решений.* Действительно, какие тут могут быть сомнения? Мы, в общем, и так были уверены в зыбкости этих решений.

В книге математика и лингвиста В. А. Успенского «Труды по НЕ математике» также обращается внимание на массовые случаи вставления лишнего отрицания. Приведу в сокращении одну из цитат на эту тему: *Священноначалие Русской Православной Церкви — стремилось ИЗБЕЖАТЬ того, чтобы канонизация новомучеников российских, и в частности царской семьи, НЕ послужила аргументом в политической борьбе*… Иными словами, Церковь добивалась того, чтобы канонизация царской семьи послужила аргументом в политической борьбе. Оно может и так, но едва ли автор текста, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, хотел это сказать.

Один журналист с большим пафосом рассуждал о языке, утверждая как раз, что даже случайные обмолвки, по Фрейду, не случайны. Непосредственно после этого он стал цитировать известный пассаж Тургенева о русском языке, причем в таком виде: *Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан не великому народу.* Разумеется, у Тургенева сказано: «Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу», то есть «Такой язык может быть дан только великому народу». Но во фразе Тургенева два отрицания — *нельзя* и *не был дан.* Журналист в порыве страсти вставил еще и третье — *не великому.* В результате получилось, что Тургенев якобы считал, что такой язык может быть дан только ничтожному народу. Уж не знаю, что бы сказал Фрейд, но я вообще-то думаю, что бедняга журналист ничего такого непатриотического не имел в виду, а просто запутался в отрицаниях.

Младограмматика



Ветру и орлу

Споры о языке и глобальное потепление

Как-то раз я участвовала в телевизионной дискуссии о русском языке. По одну сторону баррикады со мной были поэт и эссеист Лев Рубинштейн и Алексей Шмелев, мой коллега.

Мы пели свою либеральную песню, что язык, мол, живой организм, что он правдив и свободен, что государство не должно особенно руководить языком.

Мол, лучше бы побольше словарей издавать и передач про русский язык делать, а не требовать санкций за использование заимствованных или просторечных слов. Язык, мол, стихия, океан, и не так-то просто нам, грешным, что-то ему навязать. И все будет хорошо.

Оппоненты же наши пели, естественно, свою державную песню: язык портится, мировой заговор, кругом враги, покушаются на духовность русского народа путем лингвистической диверсии, а вы вообще Пушкина не любите.

Но неожиданно к атаке на нас присоединился находившийся в зале Александр Моисеевич Городницкий: как это — язык не гибнет, ведь ужас что творится, надо спасать, надо остановить порчу языка, а про океан вы мне вообще не говорите, это я тут океанолог. Ну что ж, океанолог так океанолог.

А через пару дней включаю я телевизор, а там сидит тот же самый Александр Моисеевич и отвечает на вопрос о глобальном потеплении. Ему говорят: ужас, ужас, надо что-то делать, ведь это мы устроили глобальное потепление, надо срочно его остановить! А он отвечает: да нет, тут стихия, существует естественное колебание температур. Сейчас средняя температура

действительно повысились. Через какое-то время понизится, и человеку просто не под силу тут особенно напортить.

Людям, говорит, нравится, когда их пугают, но я пугать не буду — никакой климатической катастрофы нет. И все будет хорошо.

Я была поражена сходством его аргументации и общей тональности рассуждений о климате, об океане с тем, что мы говорили про язык и против чего сам Городницкий тогда так активно возражал. Я подумала, что эта разница во взгляде, в оптике, в общем-то, понятна. Когда всю жизнь занимаешься какой-то наукой, постепенно начинаешь ощущать мощь изучаемой стихии, ее дыхание, энергию ее саморазвития, на фоне которой так ничтожны *все наши глупости и мелкие злодейства.* И думаю, что вопрос о том, почему пали редуцированные, по своему экзистенциальному накалу не уступает вопросу о том, почему происходит потепление.

То есть, может быть, кто-то и умеет это объяснять. Или думает, что умеет… Вот взяли редуцированные гласные и пали. Да так аккуратненько, в соответствии с определенными закономерностями. И попробовал бы кто-нибудь запретить это падение декретом, спасти язык от этой страшной порчи!

Вообще-то я как раз люблю объяснять: ну там, почему такое-то слово прижилось, а такое-то изменило свое значение. Но иногда заметишь в языке какое-нибудь пустяковое новое явление — и стоишь, прямо *как Эдип пред сфинксом с древнею загадкой.* Вот, например.

В последние годы я наблюдаю, что все чаще вместо союза *что* стали говорить *то что.* Сначала замелькали фразы типа *Я думаю то, что…* или *Я считаю то, что…* — вместо *Я думаю, что, Я считаю, что.* Это еще ладно. Да тут даже и закономерность можно увидеть. Во многих типах русских сложноподчиненных предложений возможно или даже обязательно наличие такого указательного слова в главной части. И пожалуй, есть некоторая тенденции к активизации таких слов. Пушкин писал: *Блажен, кто смолоду был молод* — сейчас скорее сказали бы *Блажен тот, кто смолоду был молод.* Как, например, у Окуджавы: *Счастлив тот, чей путь недолог…*

Но дальше — больше. Стали говорить: *Я сомневаюсь в том, то что…, Я возмущена тем, то что…, Мы поссорились из-за того, то что…* Возможно, вы мне даже и не верите. Честное слово, вы просто внимания не обращали, а я это слышу постоянно. С чего вдруг стал плох старый добрый союз *что,* зачем понадобилось это наращение? Поди пойми. А вы говорите, глобальное потепление.

Современный шибболет

Раньше говорили «суши», но «Мицубиси». Теперь же модные люди говорят «суси», но «Мицубиши». Почему? Чистый *шибболет* — знак принадлежности к определенному кругу. По произношению слова *шибболет* жители галаадские, во время войны с ефремлянами, узнавали ефремлян при переправе их через Иордан и убивали их. Ефремляне произносили это слово как «сибболет» — это была особенность их диалекта (Суд., XII, 6).

А вот недавно я прочитала в книжке Оксаны Робски:

> — Танцевать он тоже в галстуке ходил? — поинтересовалась я, бросая Терминатору поджаренный хлеб.
>
> — На галстуке, — поправила Рита, делая ударение на предлог «на». — На костюме, на галстуке. Это так все продвинутые говорят.
>
> — На галстуке? — Я как будто попробовала выражение на вкус. — Прикольно.

Я тоже попробовала выражение на язык и почувствовала, что оно мне совершенно неведомо. Знакомые тоже пожимали плечами и говорили, что это, наверно, что-то одесское.

Но мой сын подтвердил — конечно, говорят: *на моде, гонять на пальто* и даже *на моднявом пальто «Lacoste», весь на кажуале.* Говорит, слышал даже *на лысом черепе.*

Вообще-то предлог *на,* как, например, приставка *про-* (всякие там *пролечить, проплатить),* в последнее время замелькал довольно активно: *на тюрьме* (как *на зоне), на вагоне (Кипяток попросите на соседнем вагоне* — недавно в поезде услышала), *на районе* (даже в какой-то рекламе было: *У нас на районе никто не зажигает).* А мое любимое выражение с предлогом *на* — *на позитиве: Я пришел такой весь на позитиве.* Раньше говорили *на нервах, на голубом глазу,* а теперь еще и *на лавэ* (то есть, *при*

деньгах). Так что насчет *на пальто* — в отличие от Станиславского, верю, верю.

Я стала искать в Интернете. И правда, говорят так. Вот в каком-то блоге обсуждают фотографию приятеля: смотри, мол, *какой нарядный, на костюме* (далее непечатно). Или вот по поводу дресс-кода: обязательно ли в этой фирме ходить *на костюме, на галстуке?* Попутно выяснила, что выражение *на галстуке* есть еще в жаргоне автомобилистов: в смысле машина заглохла, пришлось ехать на галстуке. Ладно, будем знать.

Но в самый большой восторг меня привел пост, в котором человек ужасно раздраженно говорит о тетке-соседке, которая *гоняет на пальто в барбариску*. А ведь сколько кепок получилось бы!

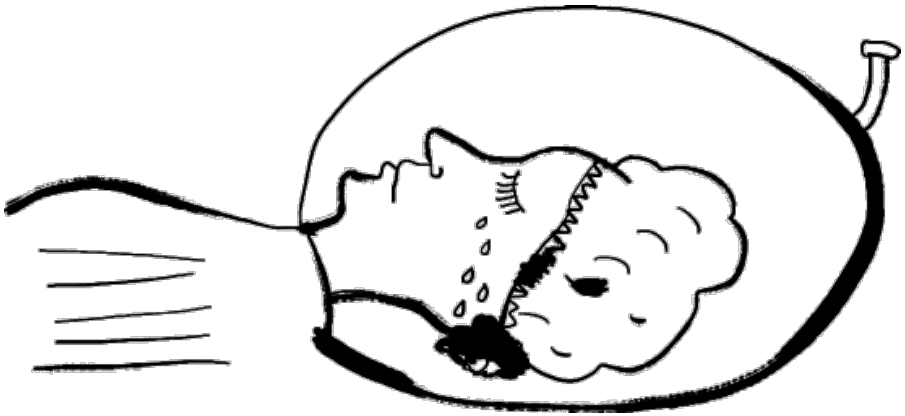
Очень трогательно: *сколько бы вышло портянок для ребят*. Я-то, к собственной гордости, сразу догадалась, что значит *гоняет на пальто в барбариску* и чем это плохо. Ну, *гоняет на пальто* это, как мы понимаем, *ходит в пальто,* а *барбариска* — это характерная бежево-красно-черная клетка бренда «Burberry». Этот бренд, наряду с такими, как Stone Island, Henry LLoyd, Lacoste, Fred Perry и др., является культовым для футбольных фанатов, теперь уже и в России. Забавно, что английские футбольные хулиганы в свое время взяли на вооружение кажуальный стиль одежды для того, чтобы можно было быстро смешаться с толпой. А в современной России любой милиционер в день матча обратит особое внимание на клетчатую кепку, в особенности в сочетании с голубыми джинсами и белыми кроссовками. Все это я уже знала от сына — большого знатока футбольного хулиганизма и обладателя белых кроссовок и куртки Stone Island. Но фраза *гоняет на пальто в барбариску* мне понравилась своей загадочностью.

Я вспомнила, как в свое время в диалектологической экспедиции слышала от жителей одной деревни в архангельской области загадку: что такое *Лонские исподки розные*. Специально собрали в одной фразе свои, специфические слова.

Значила фраза: *Прошлогодние рукавицы рваные*. И вот я стала спрашивать знакомых: что значит *гоняет на пальто в барбариску*. Все, естественно, недоумевали. Своими успехами в изучении русского языка я похвасталась перед сыном. Да, говорит, сейчас есть такая тенденция: пальто из ткани расцветки Burberry носят совсем не по делу. Ну да, говорю, вместо того, чтобы нашить кепок для пацанов. Сын с презрением посмотрел на меня: Каких *пацанов?* — А кого же? — *Парней,* конечно!

Да, поняла я. Век живи — век учись. Трудный русский язык.

Надуманный предлог



Время от времени кажется, что сюжеты кончаются. А потом в окно выглянешь… Вот, к примеру, косметический салон под красивым названием «Лакрима». В общем, даже понятно: слово благозвучное и похоже на *крем,* да еще с французским артиклем. Только ведь значит оно по-латыни — слеза. Ну типа такой косметический салон: посетите его, и потом на вас без слез не взглянешь.

Именно в этой «Лакриме» предлагают те самые *пакеты красоты,* которые мне так понравились. Конечно, у слова *пакет* сейчас появилось такое значение, но все-таки ужасно смешно.

Почему-то, будто в пику Чехову с его максимой про то, что в человеке должно быть, мол, все прекрасно, как раз индустрия красоты часто обслуживается языком нарочито безобразным. Или в пику Пушкину — насчет совместимости красы ногтей и интеллектуальной полноценности.

Да что там *пакеты красоты!* В той же самой «Лакриме» предлагают (как раз в составе этих пакетов): *программу по телу в капсуле «ALFISTA»; уход по телу в капсуле «ALFISTA»; уход по лицу «LACRIMA».* Сначала я просто глазам своим не поверила. *Уход по лицу* звучит как *поленом по лицу* у Галича. Я поспрашивала людей: как они понимают выражения *уход по телу* и *уход по лицу*. Никак.

А я еще слышала: *Ну ты прям по дизайну!* Или вот такой диалог: *— А я по кефирчику! — Что, по ЗОЖу прибивает?* (кто не знает, ЗОЖ — это здоровый образ жизни).

В книжке «Русский язык конца XX столетия» приводится много примеров этого нового *по: Концентрация вредных веществ, в частности, по угарному газу значительно превышает норму; долги России по газу; шаги по недопущению эскалации*

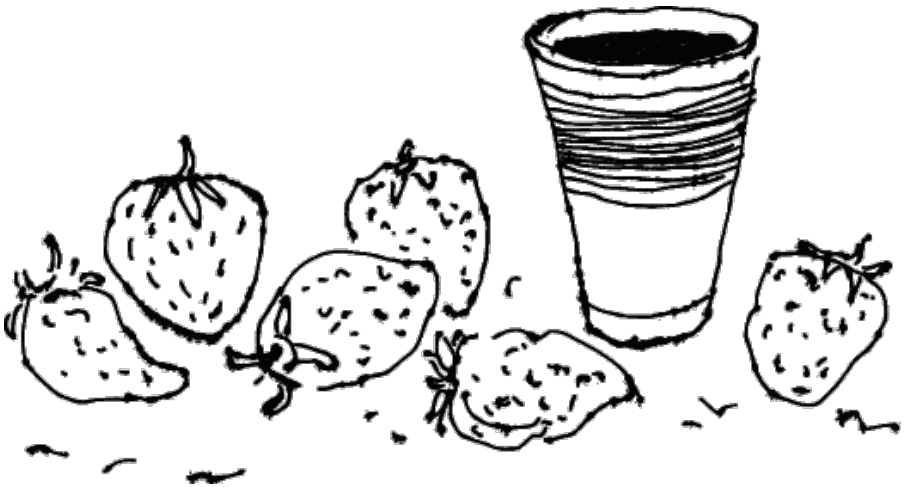
кровопролития; Брак по картинке связан с помехами на линии; договоренность по Карабаху; решение по Африке; заявление по боснийским сербам; инициатива по Чечне и т. д. Мне понравилась энергичная фраза Лужкова: *Теперь по моркови* и деловитая — из записей разговорной речи: *Теперь давай по твоему пальто.*

Собственно, еще в 1966 г. лингвист Н. Ю. Шведова (которая словарь Ожегова-Шведовой), отмечая наплыв конструкций с *по,* приписала им «общее значение касательства, направленности, позволяющее использовать их в самых разнообразных случаях выражения определительности, без каких-либо внутренних, идущих от самой конструкции ограничений».

Думаю что *с уходом по лицу* дело было так. Недавно еще говорили *программа чего* и *уход за чем* (было бы программа *ухода за лицом)*. Потом стало программа *по чему (по уходу)*. Так теперь часто говорят. Но продвинутые косметологи пошли дальше, сократив все это *до программы по лицу* или даже *ухода по лицу*.

Понятно-то понятно. И все же — сами-то читали, что написали? Ведь что представляет себе человек, читая: *уход по телу в капсуле, уход по лицу?* Кто-то садится в капсулу и стремительно уходит — прямо по телу. Или еще лучше: кто-то куда-то уходит, топая ножищами прямо по лицу. Жуть. Одно слово, lacrimae.

Непорядок слов



Лет десять назад я на одной конференции слушала доклад славистки из Австрии. Она говорила о том, что в последнее время в разных славянских языках стала распространяться необычная синтаксическая конструкция, в которой наименование фирмы или марки товара стоит перед названием самого товара. Она приводила такие примеры: *Дурасел подарочные наборы, Астрид очищающее молочко.* При этом специально отмечалось, что подобные сочетания найдены в разных славянских языках, но не в русском.

И вот прошло несколько лет, и в русский язык тоже пришли обозначения *Комет гель, Прил бальзам, Ариэль гель, Экселланс крем* и им подобные. В каталоге любимого мною магазина Икеа принят такой порядок слов: *Ивар стеллаж, Бранэс корзина, Кристер стол для компьютера, Тэкка покрывало на диван.* Можно встретить там даже такую фразу: *«Шиар потолочный абажур* подвешивается на *Хемма шнур».* Конечно, это звучит абсолютно не по-русски. По-русски марка товара ставится после его наименования. Нужно сказать «Мы пили чай с тортом „Птичье молоко“», а никак не «Мы пили чай с „Птичье молоко“ тортом». В каталоге магазина подобные сочетания встречаются сотни раз, а читают его десятки, если не сотни тысяч человек. Так что все эти *Ларри складные стулья,* возможно, постепенно станут привычными.

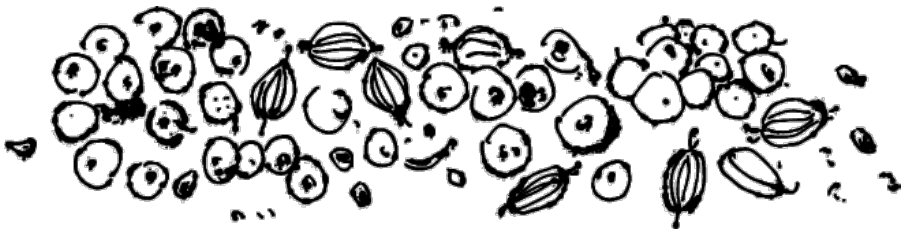
Впрочем, было бы слишком просто сказать, что такой-то порядок слов правилен или неправилен. Дело в том, что появление подобных конструкций отвечает тенденции, которая уже довольно давно действует в русском языке.

Еще в 1971 году была опубликована классическая статья замечательного лингвиста Михаила Викторовича Панова, которая называлась «Об аналитических прилагательных». В ней речь шла о том, что за последние полвека в русском литературном языке сложилась особая часть речи, причем сложилась она из единиц, совершенно разных по происхождению. Все эти единицы ведут себя как прилагательные. Тут и неизменяемые слова типа *беж, люкс, коми* (например, *коми писатель),* и первые части сложных слов типа *суперприз, экс-президент, киносценарий, электроприборы* и образований типа *чудо-печка,* и другие типы единиц. Вот сейчас в русском языке очень активно используется слово *Интернет,* причем не только как самостоятельное существительное. Мы говорим *интернет-кафе, интернет-казино* и так далее.

Такие сочетания представляют собой сложные слова и пишутся через дефис. Слово *Интернет* очень свободно присоединяется к другим словам, выступая в качестве такого несклоняемого прилагательного. Кстати сказать, я неоднократно обращала внимание, например, на сочетание *Интернет образование,* написанное в два слова, без дефиса. В других европейских языках, в особенности в английском, достаточно поставить существительное перед другим существительным, и оно превращается в прилагательное. Например, *strawberry* значит клубника, а *strawberry juice* — клубничный сок, если переводить буквально — «клубника сок».

Конечно, *клубника сок* по-русски не говорят. Пока еще не говорят. Влияние этой синтаксической конструкции на русский язык очень велико. Особенно оно заметно в рекламных текстах.

Тексты эти часто грешат буквальным переводом, не учитывающим особенностей русской грамматики. Может быть, вам уже случалось видеть телевизионную рекламу продуктов, обозначаемых как *блеск шампунь* и *блеск ополаскиватель.* Возможно, мы скоро услышим о *цвет шампуне* и *объем ополаскивателе*. А там и до *клубника сока* недалеко.



У Льва Лосева есть такие стихи:

> Я складывал слова, как бы дрова:
> пить, затопить, купить, камин, собака.
> Вот так слова и поперек слова.
> Но почему ж так холодно, однако?

Перечисленные здесь слова отсылают к строкам другого поэта — Бунина: «Я камин затоплю, буду пить. / Хорошо бы собаку купить».

Это я вот к чему. Некоторое время назад в магазинах появилась серия продуктов с удивительными названиями: зефир и пастила «со вкусом йогурт», «с ароматом ваниль», «с ароматом клубника со сливками».

Да, именно так — не «с ароматом клубники», а «с ароматом клубника». Когда я в первый раз это увидела, то вспомнила сначала не стихи Лосева, а старый фильм: «Ты туда не ходи, сюда ходи. Снег башка попадет, совсем мертвый будешь».

Я понимаю, что, скажем, в рекламных текстах авторы зачастую жертвуют грамматикой, поскольку грамматически правильная фраза не влезает в формат. Но здесь-то ничто, кажется, не мешало написать «со вкусом йогурта», «с ароматом клубники» или, там, «с ванильным ароматом». Своим недоумением я поделилась со знакомыми рекламщиками, но они покачали головами: «Нет, это специально. Брендинг!» Что ж, как говорится, это многое объясняет.

Да я, в общем, и сама догадывалась, что так исковеркать русский язык можно только нарочно. Если оставить в стороне пуристические установки, логика авторов вполне понятна. Во-первых, выражения «со вкусом йогурта» и «со вкусом йогурт» не вполне тождественны по смыслу. «Со вкусом йогурта» — это, так сказать, импрессионистическое описание. А «со вкусом йогурт» — скорее номенклатурное: ну, то есть, у данной пастилы особый, определенный и всегда одинаковый вкус, который мы условно

обозначили как «йогурт». Между прочим, про машины еще в глубоко советское время говорили «цвет баклажан», «цвет мокрый асфальт». Это снимало вопрос о том, какие бывают баклажаны и похожего ли они цвета. Название такое. А вот теперь эта конструкция стремительно распространяется. Живи Чичиков в наши дни, он говорил бы приказчику: «Любезный, а подай-ка мне сукнецо брусника с искрой».

Во-вторых, авторы не рассчитывают на то, что покупатель в магазине будет читать этикетку внимательно. Его глаз, скользя по полкам с товарами, выхватывает отдельные слова. И тут лучше, чтобы ключевые слова были в начальной форме.

Мелкий шрифт, творительный падеж, предлог — это все годится только для проходного «со вкусом». А вот ключевое «йогурт» — крупно и в словарном виде. Русский язык с его богатой морфологией — чистое наказание для писателя этикеток.

При социализме был анекдот о названии магазина в родительном падеже — «КолбасЫ». Сейчас же волчьи законы капитализма требуют безжалостно обрывать все связи, во всяком случае, синтаксические: никакого «йогурта» (кого/чего), только «йогурт» (кто/что). Брендинг, что поделаешь! Недавно я поймала себя на том, что в магазине спрашиваю у дочки: «Тебе взять Актимель малина клюква?» А ведь еще пару лет назад сказала бы «малиново-клюквенный Актимель».

Я уже писала об экспансии другой синтаксической инновации: «Комет чистящий порошок», «Интернет образование», «уход шампунь» и т. п. Или вот совсем свежий пример: «Кто не попал в Коммерсантъ рейтинг, тот не туда попал». При всех различиях между приведенными примерами есть нечто общее: синтаксически зависимое существительное в именительном падеже стоит перед другим, определяемым существительным. Заметим, если второе просклонять, первое не изменится: *Коммерсантъ* (не *Коммерсанта!) рейтинга, Коммерсантъ рейтингом* и т. д. Это не как *красавица дочь, красавицей дочерью*… Такая конструкция раньше для русского языка была нехарактерна и встречалась разве что в цельных наименованиях типа *Царь-девица, полынь-трава* и т. п. Теперь же редкая реклама без нее обходится.

Сочетание двух агрессивных конструкций дает эффект ошеломляющий: появляются монстры типа «Пемолюкс крем сода эффект».

Тут бывают разные варианты, например такой: «Гель моющий Пемолюкс Лимон Сода Эффект 500 г». В этом случае все- таки сначала «гель», а потом «Пемолюкс». Но зато сразу и лимон (лимонный по-русски), и сода эффект. Поэтому старомодный

вариант «Пемолюкс аква. Средство для мытья посуды, с эффектом соды, 500 г» — читаешь уже с почти ностальгическим чувством.

Древние говаривали: «И Цезарь не выше грамматиков» (Nec Caesar supra grammaticos). Цезарь не выше. А брендинг?..

Номиналисты

На телеканале «Россия» прошел масштабный проект «Имя Россия». Авторы объясняли: «Кто ценнее нам сегодня? Поэт Пушкин, создатель современного русского языка? Царь Петр, прорубивший окно в Европу? Маршал Жуков — Победоносец? В конце декабря читатели, зрители, слушатели и интернет-юзеры выберут одного, единственного — главное ИМЯ РОССИЯ». Выбирать надо из списка в 500 имен на сайте. По телевизору говорят: Россия, мол, уже выбрала свое будущее. Теперь давайте выберем прошлое. А что, Россия ведь, как известно, страна с непредсказуемым прошлым. Проект этот восхитителен во многих отношениях. Мне лично особенно понравился рекламный слоган: «Все на выборы! Голосуй, сколько хочешь». Да, да, понимаю: они хотят сказать, что один человек может голосовать много раз и за разных «кандидатов»: с утра за Василия Блаженного, в обед за Зинаиду Гиппиус, а на сон грядущий за генералиссимуса Сталина, не к ночи будь помянут. Но звучит это так: «Ах, ты горюешь, что выборы превратились в фарс? Не плачь, электоратушка, не плачь, детка, на тебе кнопочку — и хоть обвыбирайся».

Но я перехожу к своему непосредственному делу — починке примуса.

Меня интересует синтаксис названия проекта — «Имя Россия». С точки зрения русской грамматики, это сочетание

можно понять лишь в том смысле, что слово Россия — это и есть имя. Но авторы явно имеют в виду не это.

Правда, что — не вполне ясно. Путаются в показаниях. Вот несколько цитат с сайта.

КТО ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, ЧЬЕ ИМЯ — РОССИЯ? Значит, Петру I или, скажем, Льву Яшину будет по итогам голосования присвоено имя «Россия?»

ВЫБИРАЙ СЕБЕ ИМЯ, РОССИЯ. Значит, наоборот, это Россия теперь будет называться именем Кагановича или Бориса и Глеба?

ВЫБЕРИ ГЛАВНОЕ ИМЯ РОССИИ. Ага, вот в родительном падеже более понятно. Да кстати, название сайта — nameofrussia.ru, где есть предлог *of,* соответствует как раз русской конструкции с родительным. *Имя розы,* пардон, *имя России* — это как *персона года, лицо месяца, новость часа, суп дня…* Нет, *суп дня* — это не лучший суп за день, а дежурное блюдо. Хотя такой выбранный «именем России» персонаж и будет чем-то вроде дежурного блюда. *А кто свет будет гасить? Пушкин?*

Кстати, среди характеристик персонажей-претендентов есть сочетание «голос России» — это о Шаляпине. Главный российский голос, то есть. Здесь родительный падеж «России» имеет как раз нужное значение. Но я понимаю, почему проект не назвали «Имя России». Такое сочетание понималось бы неправильно — как указание на название самой страны. Вот в том же списке поэтесса Ольга Берггольц названа «голосом» блокадного Ленинграда. И совсем не в том смысле, в каком Шаляпин — голос России. Блокадный Ленинград говорил голосом Берггольц.

Откуда же этот синтаксический монстр? У меня есть научная гипотеза. Думаю, что «Имя Россия» как название конкурса возникло по аналогии с сочетанием «Мисс Россия». Между прочим, это довольно необычная конструкция. *Мисс Россия* — значит, что эта самая мисс как бы воплощает собой российскую красоту, она некоторым образом и есть Россия. *Мисс Россия* — как *мисс Совершенство.* А с другой стороны, это одновременно и некое уточнение — *мисс* бывают разные: *мисс Нижний Тагил, мисс Рязань* или *мисс Москва. Мисс Москва* тогда — как *Спартак Москва.* Этот смысл можно передать прилагательным: *московский Спартак, московская мисс.* Но вот в чем проблема: должна ли вторая часть наименования согласоваться с первой? Из-за неопределенности смысла конструкции это непонятно. И правда — народ то склоняет вторую часть титула, то не склоняет. Вот примеры из Интернета: *В Москве была ограблена квартира Мисс Россия-2003 Виктории Лопыревой. У наших студенток появился шанс стать «Мисс Россия». На закрытом совещании в правительстве Москвы на роль первой Снегурочки выбрали 20-*

летнюю блондинку, «Мисс Россия» Светлану Королеву. 10000 $ присуждается «Мисс Музыкальная Россия», занявшей 1 место по результатам голосования. А с другой стороны: *Мисс Россия 93 — Анна Байчик — короновала Эльмиру Туюшеву, которая стала «Мисс Россией 95». В прошлом году «Мисс Россию» выбирали с помпой. Авербух упал к ногам Мисс России.* Да к тому же говорят *Мисс Вселенная* и *Мисс Нижний Тагил,* но *Мисс Мира,* а не *Мисс Мир.*

С этим самым проектом «Имя Россия» (смешно, кстати, ошибся один из блоггеров, обозвав проект «Лицо Россия») дело, конечно, не только в простой аналогии с «Мисс Россия». Это проявление общей тенденции. Вообще экспансия именительного падежа — явление не новое. Но в последнее время в языке рекламы оно нарастает лавинообразно, так что происходит полный распад грамматических связей и вспухают целые цепочки существительных в словарной форме, облегчающей попадание в мозг потенциального потребителя: *Новая хуба-буба воздушная лента мега-черешня; А теперь новый Колгейт максимальная защита от кариеса вишня; Пемолюкс гель сода эффект.* И вот прямо на наших глазах процесс распространяется и на язык пропаганды. А кстати, знаете, как на сайте проекта «Имя Россия» называется список претендентов? «Имена 500». А ведь еще недавно написали бы «500 имён»…

P.S. Победителем проекта стал Эйзенштейн. Ну, в смысле, святой благоверный князь Александр Невский. Именно он теперь должен гасить свет и платить за квартиру. Разумеется, ни моральная сомнительность его сделки с Батыем, ни фактическая сомнительность обстоятельств Ледового побоища не обсуждались. Как не упоминалась и моя любимая — никак, кстати, не умаляющая славы русского оружия — история про то, что *псы-рыцари* — это своего рода «подпоручики Киже». При переводе Марксова конспекта по русской истории для нужд сталинской патриотической пропаганды некто старательный прочел *Bund* как *Hund,* так что вместо *рыцарских союзов* появились некие *рыцарские собаки,* то есть те самые *псы-рыцари,* которые существуют только в российском изводе европейской истории. С точки зрения немецкого синтаксиса это, конечно, нонсенс, но не больший, чем «имя Россия» — с точки зрения синтаксиса русского.

Что же до некоторой призрачности фигуры «Невского», как его теперь деловито и вместе с тем по-свойски именуют, так это для эффективности национальной мифологии, наверно, только плюс.

Оба хуже

Недавно по телевизору показывали последний фильм режиссера Леонида Марягина «Здравствуй, столица!» — историю о провинциале, который, мечтая стать известным писателем, приехал покорять Москву во времена хрущевской оттепели. Музыку к кинофильму Леонид Марягин написал сам. Но кроме того, в фильме звучит песня, которая и дала название фильму — «Здравствуй, столица». Вот об этой песне, собственно, и речь. Она из другого фильма — «Счастливый рейс» (второе название «Машина 22–12»), снятого режиссером Владимиром Немоляевым в 1947 (1949) г. Это лирическая музыкальная комедия о соперничестве двух шоферов грузовиков — ударника Синичкина (Николай Крючков) и очковтирателя Зачесова (Михаил Жаров). Песни к фильму написал композитор Сигизмунд Кац на стихи Анатолия Софронова (того самого, который потом много лет был главным редактором «Огонька»). Из этого же фильма — другая известная песенка:

Еду, еду, еду я по свету
У прохожих на виду,
Коль я на машине не доеду,
Значит, я пешком дойду!

Вообще Софронов и Кац в свое время написали множество известных песен, например «Шумел сурово брянский лес». С ней, кстати, недавно произошел курьезный случай: брянские депутаты решили назначить эту песню гимном области, но в своем решении написали, что это песня Анатолия Софронова, хотя вообще-то у песен обычно в первую очередь указывается композитор. Словосочетание «Сигизмунд Кац» депутаты, видимо, случайно пропустили.

Итак, в фильме «Здравствуй, столица» прозвучала песня из фильма «Счастливый рейс», причем исполнена она была тоже в ретростилистике. Авторы фильма во всем старались воспроизвести дух и букву изображаемого времени. Впрочем, как раз с буквой-то вышла загвоздка. Вот в современном фильме

звучит припев песни:

Здравствуй, столица,
Здравствуй, Москва,
Здравствуй, московское небо!
Каждому дороги эти слова,

И далее — следующая строчка:

Как далеко бы он ни́ был!

Таким образом, происходит странный и абсолютно неестественный для стиля песни сбой рифмы: *небо — ни был.* Разумеется, поэт Анатолий Сафронов имел в виду более точную рифму *небо — не был.* Так это и звучало в старом исполнении, во всех трех куплетах громкое и отчетливое *не́ был.* Нет, не то чтобы раньше никто не замечал, что здесь спутана отрицательная частица *не* и усилительная частица *ни:* в песенниках писали правильно — *ни́ был,* но исполняли всегда в рифму — *не́ был.*

И вот как быть человеку, который столкнулся с дилеммой: исполняя произведение (причем старое, так что с покойным автором уже не договоришься, и классическое, так что и сам не подправишь), он вынужден спеть либо не в рифму, либо с ошибкой?

Выбор непростой. Наверно, в душе режиссера Марягина эстет долго боролся с пуристом, прежде чем он принял решение в пользу лингвистической корректности и против благозвучия. Причем эта ошибка — *не был* вместо *ни был* сейчас настолько типична, что громогласное *ни* не в рифму звучит почти как вопль отчаяния.

Пожалуй, тут дело не только в личных вкусах режиссера, но и в веяниях времени. Сейчас художник чувствует себя в своем праве, коль скоро дело касается рифм и прочих средств художественной выразительности. А вот погрешить против грамматики для интеллигентного человека пока еще невыносимо.

Лингвистика против

Недавно мне на глаза попалась новая книга, посвященная судебной лингвистической экспертизе. Называлась она так: «Лингвистика VS экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам».

Латинское сокращение «VS» в данном случае указывает на слово *versus* — «против». Это слово и его сокращение, иногда с точкой, иногда без, большими или маленькими буквами, широко используется в разных языках — издавна в научных текстах, в юриспруденции, а теперь и в спорте и компьютерных играх. Интересный вопрос — в какой форме стоит в русском языке второе слово? В латыни тоже есть падежи, и там должен быть Accusativus — винительный. Но в русском всегда оба слова ставились в начальной форме: *искусство vs наука, матч Россия vs Испания, фундаментальный vs прикладной* и т. п. *Vs* использовалось именно для того, чтобы соединить и противопоставить два обозначения, не подчиняя синтаксически одно другому, чтобы они были равноправны.

Я всегда думала, что в русском языке существует единственный способ употребления существительного после *версус* — начальная форма. И очень удивилась, увидев это «VS экстремизма».

Понятно, что родительный падеж возник здесь по аналогии с русским предлогом «против»: *против чего-то,* ну и *версус чего-то,* однако это абсолютно противоречит русской традиции. Я знаю, что некоторые коллеги даже вообще не поняли, что имеется в виду, предположив, что почему-то слово *экстремизм* употреблено в женском роде — такая *экстремизма.*

Я стала выяснять, и оказалось, что на форумах в Интернете все-таки можно найти родительный после *версус* — обычно в спортивных контекстах:

«Нашу команду разгромили вчистую в пяти поединках на товарищеском матче Китайское кунфу VS профессионалов карате со всего мира»;

«В субботу в „Хороших шутках“ команда „Камеди клаб“ vs. команды „Не родись красивой“»;

«Команда девушек VS команды юношей»;

Некто даже поясняет, что такое *vs:* «А по поводу vs. В русский язык (да-да, уже пишут в спортивных новостях „команда такая-то vs такой-то“) оно пришло с английского (Sic!), в который, в свою очередь, действительно, пришло с латинского».

Я нашла еще и случай употребления творительного падежа после *версус* — по аналогии с русскими предлогами «с» и «между»: «Завершились первые 2 матча 22-го тура Чемпионата Украины, что касается игры Металлист vs Черноморцем, нужно сказать, что игра получилась очень интересной». Обнаружилось даже такое: «одна команда vs против другой».

Вообще выбор падежа после иностранных предложных оборотов — вопрос непростой. Еще один пример на эту тему — это французское *à propos* — «кстати» (от латинского выражения *ad propositum* «к цели»).

Обычно *апропо* используется в русском языке как вводное слово: «Апропо — а как вы считаете…» Но иногда оно выступает как предложный оборот со значением «кстати о, по поводу». По-французски здесь *à propos de,* и раньше всегда по-русски использовался соответственно родительный падеж. Вот пример из «Старой записной книжки» Вяземского: «À propos в анекдотах вещь важная; à propos одного анекдота, вспомнишь другой, и часто целый вечер сыплются анекдоты, будто с неба. Вот еще один à propos». А вот пример из статьи Троцкого: «Эта парадоксальная гипотеза, казавшаяся мне очень заманчивой с самого начала, получила в моих глазах высокую степень вероятности по сопоставлении ее с одним поучительным анекдотом, рассказанным г-ном Струве à propos Азефа». Не утрачена эта модель управления и сейчас, в Интернете без труда находятся примеры типа: *Апропо остального: потеп est отеп, Апропо натурщицы, апропо замены* и т. п.

Но в последнее время встречаются и другие варианты, в первую очередь именительный падеж: *апропо жара* — а не *апропо жары; апропо нелюбимое море; Апропо танки, я читал как-то год назад, что в Ираке произошёл неординарный случай с одним из американских танков; апропо наш разговор месяца полтора назад* и т. п.

Другая возможность — дательный падеж, как в реплике политика Осовцова в одном интервью: *À propos тому, что Илья*

говорил, я, кстати, абсолютно не утверждал, что это достаточное или даже одно из основных необходимых условий.

Конечно, проблема здесь более общая. При вхождении в ткань речи иноязычного компонента могут возникать трения. Так бывает, скажем, с числовыми формами заимствованных слов — вспомним варианты *битлз, битлы* или *битлзы.* Но это, пожалуй, отдельная тема.

А книжку все же лучше было назвать «Лингвистика vs экстремизм» или «Лингвистика против экстремизма». Лингвистика как-никак.

Апропейство

Вот я тут упомянула слово *апропо* (франц. *à propos).* Собственно, там это и было апропо — кстати, по поводу. Речь шла о том, в каком падеже стоит русское существительное после латинского *vs* и попутно обсуждался вопрос о падеже существительного после *апропо.*

И вот, рыская по Интернету в поисках вариантов модели управления этого самого *апропо,* я наткнулась на разные интересные истории, связанные с этим словом.

Во-первых, забавно комментирует *апропо* Даль:

> АПРОПО нареч. франц. кстати, к делу; да бишь, чтоб не забыть.
>
> *Я не апропо, а я 35 лет своему государю служу,* сказал выслужившийся из рядовых капитан, услышавший слово это впервые и принявший его за бранное.

Вполне понятно, что некто обратился к капитану, например: «Апропо, а не знаете ли…» Слово стояло в начале фразы и, как и положено вводному слову, было произнесено с интонацией обособления. Вот капитан и принял незнакомое слово за обращение. Да к тому же, вероятно, собеседник капитана произнес слово *апропо* с соответствующим его смыслу небрежным тоном, и капитану показалось, что обращение это еще и неуважительное.

Эта история напоминает известный случай, описанный в письме Татищева Тредиаковскому. Генерал Лука Чириков, который очень любил иностранные слова, во время Прутского похода 1711 года написал приказ: в 5 утра собраться фуражирам,

первым марширует полковник с бедекен *(Bedecken* — по-немецки конвой, прикрытие). Но в полку непонятное слово восприняли как имя собственное — и стали ждать полковника Себедекина. Не дождавшись, послали справиться о полковнике в штаб и стали ждать ответа. В общем, день был потерян, лошади остались голодными, ну и как водится — *конница разбита, армия бежит…,* потому что в полку не было словаря.

Другая история со словом *апропо,* которая мне понравилась, обнаружилась в Записках Ф. Ф. Вигеля (1786–1856). Речь идет о драматурге В. А. Озерове, который, по Пушкину, «невольны дани / Народных слез, рукоплесканий / С младой Семеновой делил», и об одной из его трагедий.

> «Дмитрий Донской» был представлен в самую ту минуту, когда загорелась у нас предпоследняя война с Наполеоном. Ничего не могло быть *апропее,* как говаривал один старинный забавник. Аристократия наполняла все ложи первого яруса с видом живейшего участия; при последнем слове последнего стиха: *велик российский Бог* рыдания раздались в партере, восторг был неописанный. Озеров был поднят до облаков, как говорят французы.

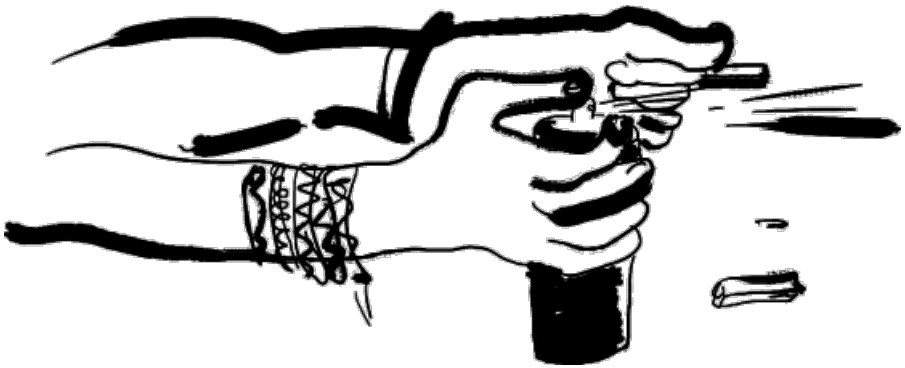
И наконец, еще история, уже современная. В одном интервью, которое дала известная телеведущая, стоявшая, можно сказать, у истоков советского телевидения, я прочитала: «И отдав сорок лет своей профессии, я совершенно убеждена в том, что на телевидении есть только одна чисто „человеческая“ профессия, представители которой общаются напрямую только со зрителями, — дикторы. Все ведущие à propos с аудиторией, они — ведут. А от дикторов напрямую к зрителю идет желание смотреть телевидение. Причем сам диктор должен быть заинтересован материалом настолько, что если зритель протянул руку, чтобы выключить телевизор, и услышал что-то интересное, он уже никуда от экрана не денется».

Я глубоко задумалась: во-первых, что значит «à propos с аудиторией», а во-вторых — откуда взялось такое странное словоупотребление. И, как мне кажется, нашла ответ на оба вопроса сразу. Имеется в виду «Ведущие заодно с аудиторией» (в отличие от диктора, который парит и царит). Ну вот, а слово *заодно,* кроме значения «вместе», имеет и значение «кстати». А слово *кстати* и, соответственно, *заодно* в синонимичном ему значении, имеет еще и синоним *апропо.* Действительно, можно сказать: «Отметим заодно и то, что…» или «Отметим апропо и то, что…» Отсюда и возникает заблуждение, что *апропо* — вообще то

же, что *заодно,* и фраза «ведущие апропо с аудиторией». Вот такая лингвистическая задача, взятая, как нас учит Зощенко, «с источника жизни».

Словарный диктант

Настенная фотография



Я ехала в метро, и мое внимание привлек один из многочисленных рекламных плакатов, расклеенных по вагону. Некий торговый центр рекламировал себя при помощи следующего слогана: «Одеваем одетых, искушаем искушенных». Но привлек этот плакат мое внимание потому, что во фразе «Искушаем искушенных» какой-то шутник выцарапал в первом слове две первые буквы, а во втором — первую и третью, так что получилось «кушаем сушенных». Конечно, нехорошо выцарапывать на плакатах буквы, подрисовывать усы и так далее, но вышло смешно. Только вот беда: слово *сушеный* пишется с одним «н», в отличие от слова *искушенный,* в котором их два. Ведь у *сушеного* нет ни приставки, ни зависимого слова — в общем, вы помните. А вот остроумный выцарапыватель то ли не знал правила, то ли поленился сцарапать второе «н», решив, что это неважно, и так смешно. Надо сказать, что всю дорогу это лишнее «н» очень меня мучило. Ну в самом деле, не подходить же и не сцарапывать его на глазах изумленной публики…

Вообще, как должен поступить интеллигентный человек, если, например, в лифте неприличное слово написано с орфографической ошибкой?

Конечно, в том слове, которое чаще всего пишут на стенах, ошибиться практически невозможно, но во многих других можно — и ошибаются. Один коллега рассказывал: в лифте красовалась надпись, сообщающая о легком поведении некоторой неизвестной особы женского пола. При этом на конце соответствующего слова было написано «-ть». «Хоть бы в интервокальную позицию поставили!» — раздраженно заметил другой коллега, тоже ехавший в этом лифте. Действительно, ведь в первом классе проходят про «сомнительные» согласные, которые надо проверять, поставив перед гласной.

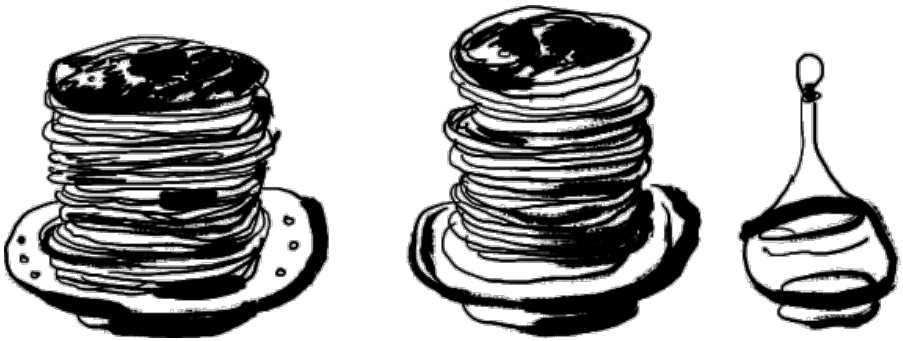
А в последние годы подростки повадились писать неприличности по-английски, и уж в английском-то непристойном глаголе ошибается не меньше половины авторов надписей. Так что должен сделать интеллигентный человек?

Если он исправит ошибку, то получится, что он сам царапает в лифте неприличности. Приходится молча страдать. А ведь для многих грамотных людей сам вид безграмотного текста мучителен, как скрип пенопласта.

Я знаю людей, особенно преподавателей, которые, например, в ресторанном меню исправляют орфографические ошибки, да еще и красной ручкой, да еще и палочки ставят на полях, как в ученической тетради. А в воспоминаниях Ходасевича о Горьком рассказывается, что основоположник соцреализма имел обыкновение, читая газеты, исправлять в них опечатки, после чего немедленно выбрасывать.

Мне вспоминается одна история о моем научном руководителе. Однажды я на работе оставила на столе какую-то записку. Она была написана на так называемой *оборотке*. На другой стороне листа был текст старого, ненужного, давно уже куда-то там отправленного английского письма. Придя в следующий раз на работу, я обнаружила, что в этом письме почерком моего научного руководителя исправлена ошибка. Видимо, он сделал это автоматически: просто не мог видеть неправильно употребленное слово.

Ликбез



На масленицу многие кафе быстрого обслуживания и прочие предприятия общепита радуют своих клиентов специальным блинным меню. И вот в одной из сетей таких предприятий появился рекламный плакат. На нем были, естественно, изображены блины, а сверху красовалось: *масленница* — с двумя *н.* А как вы помните, правило здесь такое, что в существительных на -ник/-ница пишется столько же *н,* сколько в прилагательных, а в прилагательном *масленый* пишется одно *н* по правилу насчет приставки и зависимого слова.

Причем плакат был напечатан типографским способом, наверное, не маленьким тиражом! Замечательно здесь не то, что кто-то сделал ошибку в слове *масленица,* — сама по себе ошибка не такая уж вопиющая. Интереснее другое: никто из многочисленных людей, принимавших участие в утверждении, согласовании, наборе, печатании текста, его развешивании, наконец, — никто ошибку не заметил или не счел нужным исправить. Думаю, что эта история никого не удивит: такое сейчас происходит на каждом шагу.

Вот недавно у меня был такой случай. Когда мы были в Калининграде, нам помогал в организации нашего пребывания некий молодой человек — очень милый и вполне интеллигентный. И вот он предложил нам посетить мемориальный корабль и записал на бумажке его название — «Витязь». Причем написал он «Витизь» — с *и* вместо *я* во втором слоге. 20 лет назад подобное было просто невозможно. Такую ошибку не мог сделать служащий с университетским образованием, даже бывший троечник и оболтус. Только какой-нибудь совсем уж полуграмотный, средней школы не закончивший человек.

Я думаю, что дело здесь не просто в общем падении уровня владения нормами орфографии и пунктуации. Мы сталкиваемся с

важным культурным феноменом: прямо на наших глазах происходит понижение статуса грамотности. Умение грамотно писать перестает быть атрибутом культурного человека, непременным условием принадлежности к образованному слою.

Я знаю, что сейчас в РГГУ у филологов на первом курсе есть практикум по орфографии и пунктуации, где студенты изучают *н* и *нн,* обособление причастных оборотов и тому подобные материи. Когда я училась на филфаке МГУ, такая мысль даже в голову никому не могла прийти: ведь если человек поступил на филфак, то нормы орфографии и пунктуации он наверняка давно освоил. Для современных же студентов такой курс обычно небесполезен, а зачастую и весьма труден. Сейчас среди молодежи встречается новый тип человека: с прекрасной грамотной устной речью, богатым словарным запасом, широким кругозором, но при этом совершенно безграмотно пишущего.

Такое уже бывало. Например, в пушкинскую эпоху представления об орфографической корректности были гораздо более либеральными, чем в наши дни.

Причины того, что сейчас происходит с грамотностью, разнообразны. Это и общая культурная ситуация, и изменение практики школьного преподавания русского языка, а кроме того — развитие техники. Впрочем, техника не только приводит к падению навыков грамотного письма — она же и помогает писать грамотно.

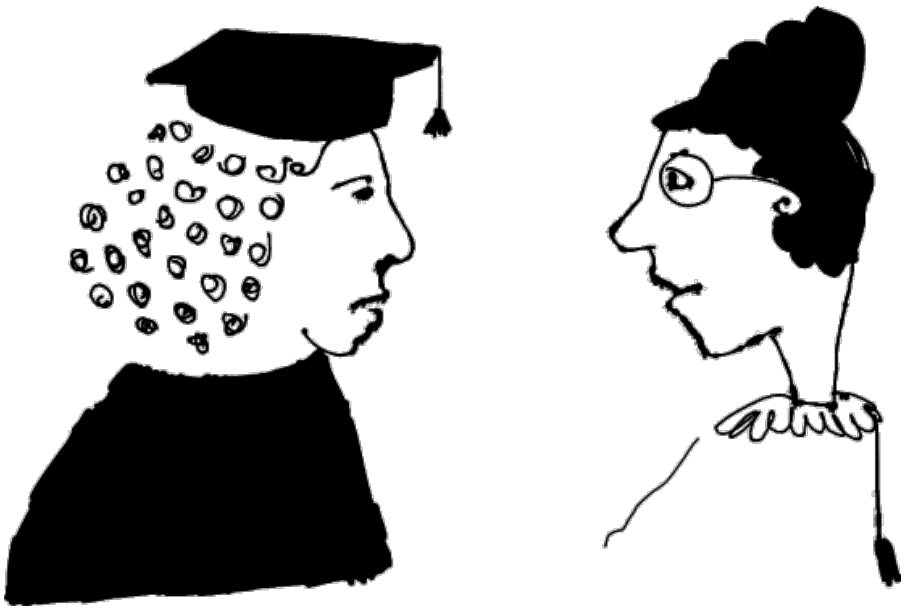
Те, кто пользуется компьютером, знают, что в ворде, самом популярном редакторе, есть функция проверки правописания. Если слово написано с ошибкой, ворд его подчеркнет и предложит варианты. Конечно, это работает не всегда: например, выбрать между *не* и *ни* компьютер не поможет, потому что оба слова существуют. Но вот в случае с *масленицей,* если бы человек набрал это слово так, как было написано на том плакате, компьютер бы сразу его подчеркнул и указал, что следует писать его с одной буквой *н.* Конечно, техника всегда работает механически, поэтому иногда получаются забавные штуки, но в новых версиях программ они быстро устраняются.

Так, до недавнего времени компьютер не знал слова *Интернет* — просто потому, что его не было в словаре Ожегова, — и предлагал исправить на *интернат.* Слово *мобильник* он и сейчас не узнает и предлагает писать *могильник.* Про слово *заморочки* он робко интересуется: может быть, *закорочки* или *заморозки*? А лучшая и еще недавно работавшая шутка ворда — это слово *стриптизерша,* вместо которого предлагалось писать *стриптиз ерша.*

С этой программой у меня недавно был такой случай. Звонит

мне знакомый и спрашивает, как пишется *на скаку* (ну в смысле «коня на скаку остановит»). Я говорю, отдельно, конечно, ты бы набрал в ворде, если лень в словаре посмотреть. Он отвечает: так в том-то и дело, что я набираю, а он мне вместе не подчеркивает. Я напечатала слово — ничего подобного, все нормально. Ну как же, говорит, вот, я пишу: *на скоку*… Так что, если ошибок слишком много, любой компьютер запутается.

Минускул



Перед выборами Медведева много писали о «50 событиях эпохи Путина». Я тоже написала — про одно. Не такое уж важное, наверное, в мировом масштабе. Но для меня как раз такое, которое эту самую эпоху характеризует. Главная героиня этой истории — Лариса Тесленко. Ах, вы не знаете, кто это? Щас спою. В смысле, сейчас расскажу. А это моя коллега, лингвист и судебный эксперт. Дело было так. Весной 2004 года главный редактор нижегородской «Правозащиты» Станислав Дмитриевский опубликовал в своей газете обращения Ахмеда Закаева к российскому народу и Аслана Масхадова к Европейскому парламенту. Он был подвергнут уголовному преследованию за разжигание межнациональной вражды. На суде главным доказательством стало лингвистическое заключение, составленное экспертом Тесленко. Особенно примечателен такой фрагмент.

В обращении Масхадова есть слова: «…войну, навязанную Чечне путинским режимом». Эксперт по этому поводу пишет: «В данном примере обращает на себя внимание написание слова „путинский“ со строчной буквы, а не прописной — „Путинский“. Это стилистический прием, с помощью которого передается презрительная экспрессия».

Я даже не задаюсь вопросом о том, каким образом «презрительная экспрессия» по отношению к режиму разжигает межнациональную рознь. Мне случалось читать в других

подобных лингвистических заключениях простодушные объяснения: автор, мол, ругает власть, а власть русская по преимуществу, а значит, автор разжигает ненависть к русским. Тут мне все понятно. Я только примус починяю, мне про строчную букву интересно.

Между тем, «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г., которые пока никто не отменял, гласят:

> § 99. Пишутся с прописной буквы прилагательные, образованные от индивидуальных названий людей, мифологических существ и т. п. (см. §§ 95–98):
>
> а) если они являются в полном смысле слова притяжательными (т. е. выражают принадлежность чего-либо данному человеку, мифологическому существу) и содержат в своём составе суффикс *-ов (-ев)* или *-ин* (без последующего суффикса *-ск-),* например: *Марксов «Капитал», Далев словарь, Зевсов гнев, Лизина работа;*

Это то есть, если бы, например, надо было написать *Вовин режим,* то тут только, только с большой буквы!

> б) если они входят в состав названий, равных по смыслу «имени», «памяти» такого-то, например: *Ломоносовские чтения.*

Режим памяти Путина? Гм. Не-а, не годится. *Режим имени Путина?* Это потом.

> Примечание 1. Прилагательные, образованные от индивидуальных названий людей, пишутся со строчной буквы: <…>
>
> б) если они являются в полном смысле притяжательными, но содержат в своём составе суффикс *-овск- (-евск-)* или *-инск-,* например: *толстовская усадьба, тургеневские «Записки охотника», пушкинская квартира.*

В новом, подготовленном в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации», правда, либерально ДОПУСКАЕТСЯ «написание с прописной буквы прилагательных на *-ский* в тех случаях, когда они имеют значение индивидуальной принадлежности». И приводится пример из Пастернака насчет того, что *Живаговский дом* был ближе *Микулицынского.* Ну вот, так же можно написать, например, что *Путинский режим мягче Лукашенковского.* В смысле индивидуальной принадлежности. Это

допускается, а значит, можно и судить за то, что это не выполняется. Как выразился в свое время сам герой, *могу, а значит, считаю, обязан.*

Да вообще зря коллега растерялась, когда на суде адвокат стал допытываться у нее про правила. Судя по опубликованной в Интернете стенограмме, три раза заставила вопрос повторить, потом сказала, что *пушкинский стиль* не имеет отношения к *путинскому режиму.* А могла ведь сослаться, например, на § 102 старых Правил: «В названиях исторических событий, эпох и явлений, а также исторических документов, произведений искусства и иных вещественных памятников с прописной буквы пишется первое слово, а также входящие в их состав имена собственные». Ну там, *Петровская реформа, Парижская коммуна, Ленский расстрел.* Ну и *Путинский режим.* А то вообще можно было указать на правила написания названий праздников.

Но меня заинтересовало совсем другое. Почему эксперта смутила строчная буква, но не смутило само слово *режим?* Дело в том, что у слова *режим* в политическом значении два, простите за каламбур, режима употребления, которые можно условно обозначить как терминологический и оценочный. В первом случае слово *режим* указывает на разные типы организации государства: *демократический режим, авторитарный режим* и т. д. — и не выражает никакой оценки. Во втором случае слово *режим* в сочетании с указанием на конкретного правителя выражает если не негативное, то во всяком случае отчужденное отношение говорящего к способу правления. Вы можете спросить, как меня часто спрашивают, когда я выступаю как эксперт в суде: а в каком словаре это написано? Да ни в каком, черт побери, что делать, если в словарях, увы, написано не всё? Но вы, скорее всего, согласитесь, что сочетание *сталинский режим* едва ли будет уместно в устах пламенного любителя этого самого режима. Поэтому требовать, чтобы в сочетании *путинский режим* первое слово уважительно писали исключительно с большой буквы, — это все равно, что требовать, чтобы с прописной писали *путинская клика* или, скажем, *путинская камарилья.*

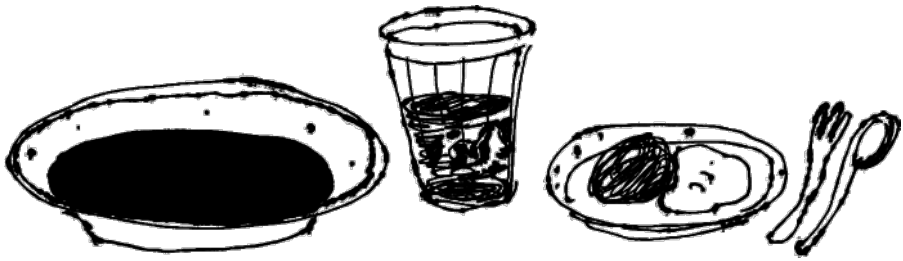
Я хотела закончить объяснением того, почему этот случай кажется мне столь характерным для эпохи in question. Но потом подумала, что это, в сущности, и так понятно. Скажу лучше другое, утешительное.

Как все-таки трудно обмануть язык! Хитрит человек, старается угодить, а язык раз — и выдает его с головой.

По этому поводу не могу не рассказать историю, услышанную от математика и лингвиста В. А. Успенского (разрешение на пересказ получено). Августовский путч застиг его далеко от

Москвы, на отдыхе. Он ничего о событиях не знал, как вдруг услышал крик: «Горбачева сняли!» Но не таков человек Владимир Андреевич, чтобы даже в этот критический момент не задуматься о смысле слов. И правда, не сказали ведь *свергли. Свергают* действительно снизу, а *снимают*-то сверху. И кто эти *они,* которые *сняли* первое лицо государства? Этот выбор глагола больше говорит о том, что у людей в головах, чем тома социологических исследований.

Смотри не перекотлеть!



Сейчас в Москве много разных ресторанчиков и закусочных, в том числе несколько сетей кафе быстрого обслуживания. Они, конечно, конкурируют между собой, и каждая стремится привлечь к себе внимание — разными способами. Например, при помощи забавной и запоминающейся рекламы. И вот одна такая сеть рекламирует предлагаемый ею комплексный обед следующим образом.

На специальной листовке сверху написано: *борщь,* причем с мягким знаком на конце, запятая, *котлеть* (да-да, не котлеты, на конце не *ы,* а все тот же мягкий знак), запятая, *гарнирь* (опять с мягким знаком на конце), запятая *и компоть* — с мягким знаком. И ниже: Готовь 99 рублей. Значит, получается: *Борщь, котлеть, гарнирь, и компоть. Готовь 99 рублей.*

Этот комплексный обед существует у них довольно давно, и каждый раз, как я прохожу мимо и мне вручают рекламную листовку, я долго вчитываюсь и пытаюсь понять, что, собственно, имеется в виду. Пыталась даже выяснить у сотрудников кафе, но они не смогли помочь.

Итак, перечислены четыре блюда, и почему-то все слова с мягким знаком на конце, хотя ни в одном его не должно быть. Причем в слове *борщ* мягкого знака нет не только в русском, но и в украинском написании, — а поскольку кафе с украинским «акцентом», украинское написание могло бы иметь значение. Оно, однако, разгадать загадку не помогает.

Стоп. Впрочем, может быть, авторы думали, что слово *борщ,* по-русски ли, по-украински ли, пишется с мягким знаком на конце? Эта гипотеза не кажется столь уж невероятной, если обратить внимание на то, что перед *и* в этой строчке стоит запятая: *Борщь, котлеть, гарнирь* — запятая — *и компоть.*

Почему запятая? Ведь это союз *и* между однородными членами предложения! Так если автор не знал этого простого правила, может, не знал и другого, про то, когда мягкий знак на конце слов после шипящих ставится, а когда нет? В существительных третьего склонения женского рода ставится, в

существительных второго склонения мужского рода не ставится и так далее. Ну а если он думал, что в слове *борщ* мягкий знак законный, может быть, в остальных трех словах поставил его по аналогии? Это версия, так сказать, орфографическая.

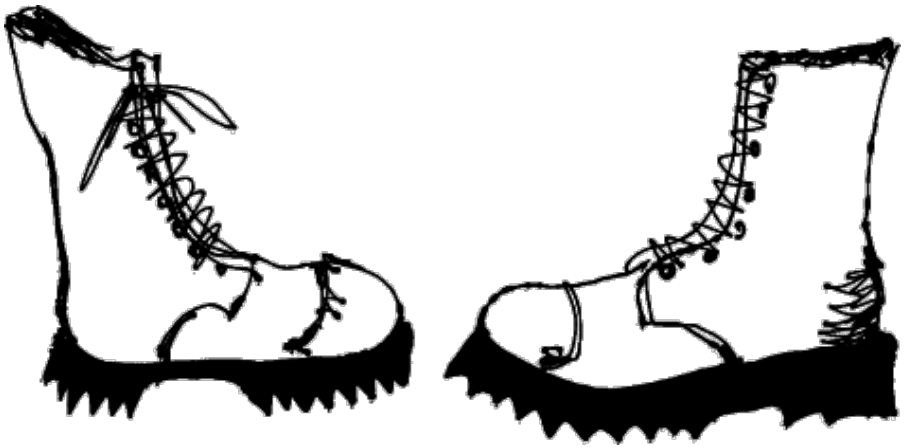
Есть еще версия грамматическая. Возможно, все дело в призыве готовить 99 рублей. Повелительное наклонение *готовь* как раз оканчивается на этот самый мягкий знак. Ну вот, может быть, по аналогии с *готовь* появилось и *котлеть* — как бы повелительное наклонение от несуществующего глагола *котлетить, гарнирь* — от столь же мнимого глагола *гарнирить,* ну и *компоть* — от *компотить.*

Правда, с борщом опять загвоздка выходит. Если представить себе глагол *борщить,* что, кстати, как раз нетрудно (ведь есть глагол *переборщить),* то в повелительном наклонении он должен быть не *борщь,* а *борщи* — как *переборщи.* Так что тоже не очень получается.

А вот версия культурно-историческая. Возможно, у автора были отдаленные воспоминания о том, что вроде по старой орфографии на конце слов писали что-то еще такое лишнее. Ну там, мягкий знак или твердый — это уже детали. Некоторые, между прочим, думают, что на конце слов писали «ять».

Но ведь что-то же они имели в виду! Так что же? Впрочем, если цель рекламы состоит в привлечении внимания, то в моем случае она достигнута. Мое внимание этому кафе было обеспечено. Правда, комплексный обед я так и не попробовала.

Корректность



Несколько лет назад под маркой одного из крупнейших издательств были напечатаны школьные тетради, на обложках которых были нарисованы бритые парни и девушки в кожаных куртках и тяжелых ботинках, а на обратной стороне обложки — напечатан словарик скинхеда. В него включены такие термины, как *упасть на очко* (испугаться), *просквозить стрелку* (не прийти на встречу), *снять слепок* (ударить по лицу), *старшаки* (наиболее активные скинхеды), *модники* (неагрессивная и наименее авторитетная часть скинов, носят скиновскую символику, но не участвуют в «подвигах»).

Тираж тетрадок составил 200 тысяч экземпляров. Последовали протесты общественности, разразился скандал. Издательство заявило, что не имеет к тетрадям отношения, что его маркой воспользовались мошенники, причем произошло это еще в 2002 году, а три года спустя националистические тетрадки откуда-то выплыли вновь. Разгневанные родители школьников завалили тетрадками прокуратуру: мол, какие-то влиятельные силы упорно занимаются насаждением нацистской идеологии среди российской молодежи. В издательстве все это назвали грязной пиар-акцией с целью опорочить его доброе имя.

Скорее всего, тетрадки не были задуманы ни как провокация против издательства, ни как националистическая вылазка. Просто люди, выпустившие тетрадки, решили, что, сделав их оформление максимально неформальным и непохожим на традиционное — с гимном или таблицей умножения на задней обложке, они увеличат их привлекательность для школьников, а значит возрастет и объем продаж, а остальное им было безразлично.

Но меня в этой истории заинтересовало другое. Скандал активно освещался в прессе, при этом разные издания напечатали изображение задней обложки тетради с пресловутым словариком скинхеда. И почему-то никто из журналистов не обратил внимания на интересную деталь. В словарике есть выражение *просквозить стрелку* «не прийти на встречу» (кстати, не знаю, что авторы нашли в нем уж такого специфически скиновского — это просто элемент молодежного сленга). Но я не об этом. В толковании написано: *не приДти на встречу*.

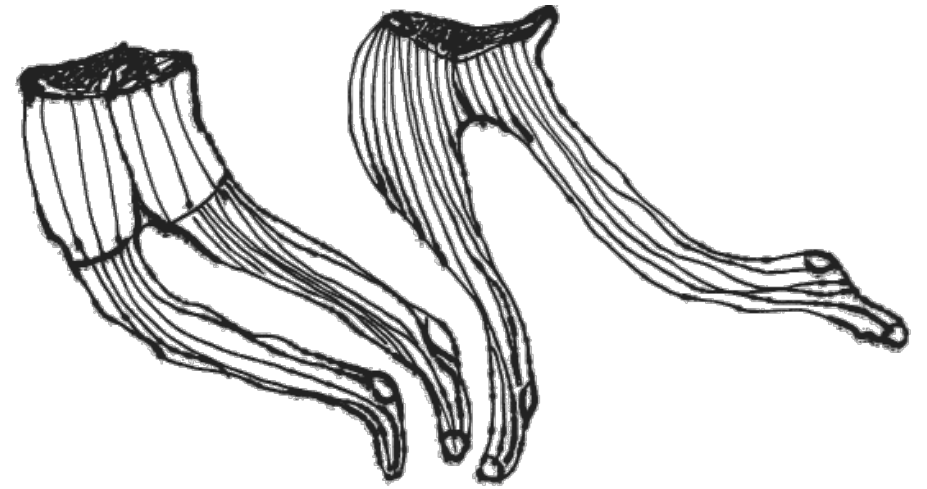
Действительно, написание *приДти,* наряду с *приЙти* до 1956 года считалось допустимым, но в «Правилах русской орфографии и пунктуации» в качестве единственно правильного варианта было утверждено написание *приЙти.*

Для этого решения имелись определенные основания. В написании *приДти* «д» появилось под действием аналогии *идти.* В самом же глаголе *идти* «д» принадлежит основе настоящего времени *(иду, идешь),* а в форме инфинитива *идти* тоже возникло по аналогии. И его нет в приставочных глаголах *зайти, дойти, перейти* и т. д. И вот в 1956 году *прийти* было решено писать по аналогии с ними, поскольку *прийти* — тоже приставочный глагол. В общем, так или иначе, но сейчас орфографические словари допускают только написание *прийти,* но не *придти* и не *притти.* Правда, по непонятным для меня причинам, система проверки орфографии в ворде вопреки всему разрешает написание *придти.* Но это дела не меняет. Забавно, между прочим, что при таком стремлении к ультрасовременности авторы злополучных тетрадок допустили столь архаическое написание.

В общем, наверно, плохо, когда школьные тетради идеологически не выдержанны. Но если они оформлены с орфографическими ошибками, то это уж точно никуда не годится.

Чему же тогда бедный школьник должен верить, если не собственным тетрадям? Эта история напомнила мне наше семейное предание. Мой папа, будучи первоклассником, принес из школы тетрадь, в которой под его каракулями красовалось указание учительницы: *Пиши чистее!* Но дело-то было в 30-е годы прошлого века. С тех пор можно было и подучиться.

Сверстницы в колготках



Зашла я тут недавно в супермаркет. Ну, покидала в корзинку какой-то еды и еще кое-что по мелочи, встала в очередь в кассу. Стою, думаю о своем. Очнулась, а очередь моя давно подошла, молоденькая кассирша все уже пересчитала, только на дне корзинки лежат детские колготки. Кассирша колотит в отчаянии по клавишам своего кассового компьютера, а на экране снова и снова загорается надпись: «Товар не найден». Очередь волнуется. Я пригляделась, а она, оказывается, написала: *кАлготки.* Вот компьютер и не находил товар.

Из этой истории можно, конечно, вывести субъективно мне приятную мораль: знание орфографии все еще кое-где у нас порой не совсем бесполезно. Но я бы не стала преувеличивать.

Когда моя подруга Лена Вигдорова, услышав мой рассказ, назидательно произнесла: «Вот! Нужен курс русского языка для продавцов», я пораженчески ответила, что, пожалуй, проще в кассовую программу ввести возможность поиска с опечаткой, как это сделано во многих искалках.

А потом я задумалась вот о чем: почему, собственно, слово *колготки* пишется через «о»? Происхождение его хорошо известно. Это слово, заимствованное из чешского (по-чешски *kalhoty* — штаны) и пришедшее в русский язык вместе с самим предметом на рубеже 50-х и 60-х годов XX века.

Замечательно при этом, что в русском языке есть старое, у Даля отмеченное слово *колготиться* (и его производные — *колгота, колготной).* Даже трудно поверить, что между этими словами нет связи.

Действительно, натягивание *колготок* утром спросонья на

сонного и мягкого со сна ребенка — это ли не яркий пример *колготы?*

Даже те, кто знает про чешское происхождение, часто думают, что это, мол, конечно, заимствование, но корень-то, наверно, общий, славянский. А вот и нет! В чешский это слово пришло из итальянского — от слова, обозначающего род обуви. Сам корень, между прочим, хорошо нам известен по слову *Калигула.* Этот римский император провел свое детство в военных лагерях, так как его мать постоянно сопровождала своего мужа Германика. Прозвище Калигула значит «Сапожок» — уменьшительное от *caliga* (название солдатской обуви). Такое имя дали ему солдаты, видимо, умиленные видом ребенка в военной одежде и обуви. А вот к французскому *culotte,* известному всем по слову *санкюлоты* (бесштанники) и связанному с латинским *culus* — «зад», колготки, вопреки моей первоначальной гипотезе, отношения не имеют.

Так вот. Те, кто пережил пришествие колготок, помнят это очень хорошо. Девочек чудное изобретение спасало от вечного страха сверкнуть из-под короткого форменного платья полоской голого тела над чулками или — того хуже — уродливыми теплыми штанами.

Сначала о колготках ходили слухи: «Ты представляешь, как удобно, штанишки прямо с чулочками».

Лена Вигдорова точно помнит, что в 61 году, когда она училась в первом классе, у одной девочки из их класса были колготки — предмет всеобщей зависти. Две пары. К концу первого класса они совсем истерлись, мама девочки их штопала, а потом и надставляла. Но уж ко второму классу, в 1962 г., пара колготок появилась и у самой Лены. И это было счастье.

Подобные воспоминания есть у многих женщин. В литературном проекте Екатерины Деготь «Память тела. Нижнее белье советской эпохи» есть рассказ одной из участниц о ярчайшем воспоминании детства — чешских колготках.

Она ежедневно любовалась упаковкой, на которой было написано «Детские чулковые рейтузы». И по-чешски *kalhoty.*

Тогдашний директор «Детского мира» в одном из интервью говорил о том, что закупки колготок и обуви в свое время изрядно поддержали экономику братской Чехословакии. Через какое-то время колготки стала производить и советская легкая промышленность. Ну и пошло-поехало. Окраска бежевых колготок Тушинской чулочной фабрики в экзотические цвета и борьба со стрелками при помощи лака для ногтей — это уже мои личные воспоминания. Кстати, А. Вознесенский в поэтическом сборнике, вышедшем в 1976 г., упоминает «нашу сверстницу в колготках» —

воспринимая колготки как самую яркую примету своей современницы.

Итак, вернемся к слову. Как мы видим, импортируя колготки, пуристически настроенная советская власть сначала не собиралась импортировать и слово.

Но *чулковые рейтузы* не имели шансов выжить. Это неуклюжее обозначение, видимо, было вытеснено неофициальным наименованием *колготки.*

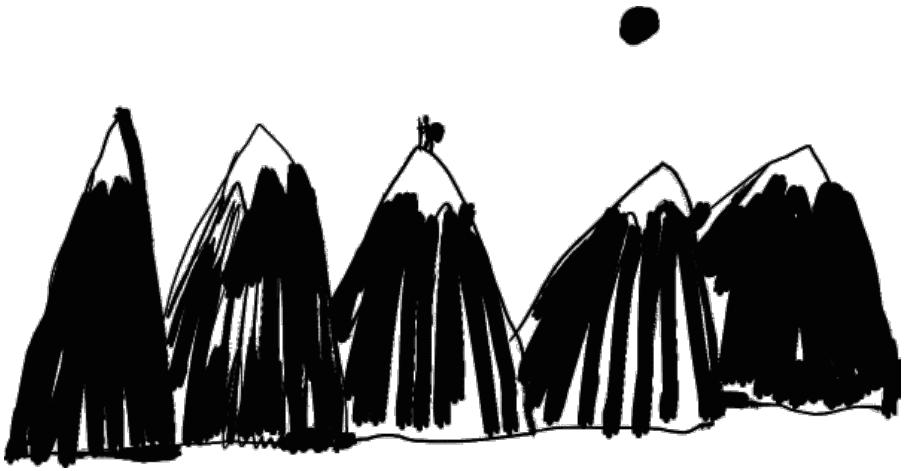
Отсюда и написание. Судя по всему, слово какое-то время бытовало как неформальное устное обозначение, а уж потом было зафиксировано на бумаге. «О» вместо «а» в нем появилось в соответствии с некоторыми внутриязыковыми тенденциями, а возможно, и под влиянием глагола *колготиться.* Все это произошло, по-видимому, еще до массового выброса колготок на советские прилавки. И вот почему я так думаю.

В том же разговоре Лена Вигдорова поделилась со мной еще одним детским воспоминанием. У них дома шел ожесточенный спор: где ставить ударение в слове *колготки.* Победила точка зрения, которой придерживались, в частности, писательницы Фрида Вигдорова и И. Грекова, — что надо говорить с ударением на последнем слоге, *колготкú.* Поскольку *коготкú,* а также *чулкú* и *носкú.* Лена помнит, как папа сказал, что уж если Фрида так считает, то и он будет говорить *колготкú.* Что до ударения, то я спросила об этом у А. А. Зализняка. Он сказал, что прав народ, а не интеллигенция.

Не буду сейчас воспроизводить все акцентологическое рассуждения, но суть в том, что именно вариант *колгóтки, колгóток,* а не вариант *колготкú, колготкóв* соответствует тенденциям оформления обозначений парных предметов в русском языке.

У меня нет сведений, распространилось ли произношение с ударением на последнем слоге сколько-нибудь широко или осталось в пределах нескольких московских семей, но во всяком случае оно не закрепилось и не оставило следов в словарях (даже с пометой «не рек.»). Однако сама возможность подобной дискуссии говорит о том, что многие люди узнавали слово *колготки* сначала написанным — скорее всего, на ценнике.

Орфографическая подстава



Мой отец родился в 1928 году, 5 декабря. Ну число — это так, а вот год важен для дальнейшего повествования. Читатель легко может прикинуть, в каком примерно году он закончил институт. Учился он в МАИ. Я тут случайно нашла интересный документ, который лежит на сайте Спортивного клуба МАИ: «Публикации газеты „Пропеллер“ на темы, связанные с туризмом». Вот что там, в частности, есть: № 41(809), 3 декабря. А. Иванов. «Отлично учиться — культурно отдыхать». «Лето 1948 года. Альпинистский лагерь встречает студентов МАИ. Много и новичков, которые попали в лагерь впервые. Среди них студент моторостроительного факультета Борис Левонтин. День зачетного восхождения на гору Софруджу. Окончив занятия в лагере, большинство спортсменов-студентов группы, в которой был Борис, через Клухорский перевал вышли к берегу Черного моря у Сухуми. Этим летом Левонтин снова поехал в горы. Осенью и зимой альпинисты занимаются близким по духу альпинизму горнолыжным спортом. Ходит на тренировки и Борис Левонтин. Комсомолец Левонтин отлично учится и руководит курсовым бюро ВЛКСМ».

Читатель, наверное, недоумевает, причем здесь орфография. Как сказано в анекдоте про экзамен по русскому языку в украинской школе, *далі буде.*

Ну вот.

Человек, знакомый немного с отечественной историей, в частности с тем, что знаменитое «дело врачей» было лишь наиболее яркой частью «плана Сталина», не очень удивится, узнав, как сложилась карьера этого энтуазиастического молодого специалиста по авиационным моторам, комсомольца, спортсмена

и просто красавца, отец которого, крупный инженер-строитель, был в качестве израильского шпиона своевременно арестован.

Не буду углубляться в эти страницы семейной истории, и так понятно, с какими распростертыми объятиями ждали юного авиамоторостроителя на соответствующих предприятиях.

Короче, в результате он сменил специальность и стал заниматься торговым машиностроением. И в этой области добился-таки успеха и даже защитил диссертацию. Ах, орфография? *Далі буде.* Теперь уже совсем скоро.

Итак, диссертация.

Защита диссертации явно была отчаянным вызовом судьбе, доказательством того, что несмотря ни на что… Мама говорила, что никогда не видела отца более счастливым, чем после защиты диссертации. Но до последнего момента было неясно, чем все закончится. Мама рассказывала, что она на защите не присутствовала, что даже не покупала заранее цветов, чтобы не сглазить, что потом уже было поздно и приличного букета было не достать и что шофер такси, в котором она ехала на банкет, подарил ей пышный георгин, украсивший ее убогий букетик.

Но это потом. А сначала папа пришел в институт в день своей защиты и увидел объявление, взглянув на которое, решил, что все кончено. И вот мы добрались до орфографии. Объявление гласило, что такого-то числа в такое-то время состоится защита диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук на такую-то тему тов. Левонтином Б. Н. Понимаете? Возможно, пока не понимаете. Окончание творительного падежа. Не *Левонтиным,* а *Левонтином.* Строго говоря, тут не орфографическая, а грамматическая проблема, ну да это сейчас не так важно.

Это действительно трудное место русской грамматики. Собственные имена на *-ов* и *-ин* при склонении по-разному выбирают окончания существительных и прилагательных. Например, города типа *Ростов* имеют окончания существительных *(живет под Ростовом, -ом,* как *домом),* а фамилии имеют набор окончаний притяжательных прилагательных (с *Николаем Ростовым, -ым,* как *отцовым (домом)* и как *красивым)*. Но то русские фамилии. А иностранные склоняются как существительные. *С Петей Цаплиным,* но *с Чарли Чаплином.* Поэтому многие фамилии звучат двусмысленно — орфография дает возможность признать человека за своего или нет. В общем, как у Ильфа и Петрова: «Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкинд».

Я еще вспоминаю, как в застойное время некий асоциальный художник, которому все же надо было на что-то жить и который

поэтому пробавлялся то ли бюстами основоположников, то ли чем-то еще в этом роде, угрюмо говорил, что он, мол, «Ленинов делал». За формой *Ленинов* вместо *Лениных* — как бы непонимание внутренней формы слова, незнание того, что это фамилия (ну, псевдоним, по легенде в честь Ленского расстрела демонстрации рабочих). Ленин при этом предстает как некий мифологический персонаж — и как арт-объект.

А вот еще яркий случай, который я знаю от коллеги, В. И. Беликова. Книга: Проф. Д. Н. Ушаков. Орфографический словарь, Учпедгиз, М., 1935. Вот примеры из раздела «Важнейшие сокращения, пишущиеся сплошь прописными буквами», стр. 160: «ВКП(б) (вэкапэбэ) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков); РСФСР (эрэсэфэсэр) — Российская социалистическая федеративная советская республика; СССР (эсэсэсэр) — Союз советских социалистических республик».

А что, есть ведь общее, до сих пор действующее правило, что в собственных именах, состоящих из нескольких слов, с прописной буквы пишется только первое слово, а остальные со строчной. Но только из этого правила на каждом историческом этапе делаются почтительнейшие исключения.

Сейчас, например, пишут *Государственная Дума* (по общему правилу, естественно, должно быть *Государственная дума,* а когда без определения, то *Дума).* Ну а раньше — понятное дело. И вот — поверить невозможно. Профессор Ушаков! Орфографический словарь! Учпедгиз! Москва! 1935 год! И — *коммунистическая* с маленькой буквы, *партия* с маленькой буквы. Потому что общее правило. Вот уж где действительно можно сказать: *твердость в каждом знаке.*

Сейчас моя история про диссертацию кажется странной. Ну написала какая-то тетенька как попало объявление. А если и не как попало, а точно по правилам? Да даже если и нарочно свредничала? Вообще, когда человека зовут Борис Натанович, то что уж смотреть на буквы в окончании! Но нет — просто мы забыли, как была устроена культура еще недавно. Это сейчас все кричат кто во что горазд и никто никого не слышит. А в то время умели читать между строк газеты «Правда» и определять перспективы по расположению вождей на трибуне. Намек на намек улавливался всеми и безошибочно считывался. И в шепоте громоподобно звучала каждая замененная буква.

Всюду жизнь

Иногда нервы не выдерживают.

Вообще-то обычно я отлавливаю и описываю всевозможные языковые казусы с плохо скрываемым удовольствием. С охотничьим, я бы сказала, азартом. В исследовательском любопытстве есть что-то людоедское. Я помню, много лет назад на меня произвела большое впечатление одна телевизионная передача. Там рассказывалось о двух чрезвычайно симпатичных биологах, супружеской паре, которые живут в лесу посреди Чернобыльской зоны и там занимаются своими исследованиями. Материал богатейший — всякие там мутации, возникшие под влиянием радиации. Они только что руки не потирали и с трудом сдерживались, чтоб не воскликнуть: какая, мол, удача! Я запомнила выражение: *прямо слюни капают.* В смысле, так интересно. При этом, будучи нормальными людьми, они, конечно, стесняются этих своих чувств, но противостоять им почти не могут.

Вот и у меня обычно слюни если не капают, то пузырятся.

Но иногда простые человеческие чувства захлестывают. Причем как-то внезапно и как раз по пустякам.

В передаче «Культурная революция» как-то говорили о русском языке. Тема была: *Грамотность — пережиток прошлого.* И вот за кадром женский голос демонстрировал эту самую грамотность, которая, мол, не пережиток. Для этого голос разбирал само предложение *Грамотность — пережиток прошлого:* что одной чертой подчеркивается, что двумя, ну и там «существительна-прилагательна». Такой аттракцион. В частности, нам сообщили, что *прошлое* — это существительное второго

склонения.

Тут во мне скоропостижно умер исследователь и ожил репетитор, и я начала шизофренически объяснять телевизору, что второе склонение — это значит, что склоняется, как *поле,* то есть *прошлое, прошлоя, прошлою, прошлоем* и т. д. На самом деле существительное *прошлое* — это бывшее прилагательное (ср. *прошлые заслуги),* и падежные окончания у него — как у прилагательных. Да нет, конечно, это заковыристое место. Я всегда на него обращала внимание учеников и подсовывала для разбора слова типа *мороженое, заведующий* или *кондитерская.* Ну просто — кто за язык-то тянул? Позвонили бы хоть кому-нибудь, проверили. Вот удивительно, ну почему так: стоит человеку начать с пафосом обличать всеобщую неграмотность, как он что-нибудь сам и ляпнет? Да пустяк, конечно, полно и похуже ошибок, чего я так раскипятилась, сама не знаю.

А на следующий день я отправилась на праздничный концерт по случаю юбилея детского досугового центра, где занималась моя дочь. Концерт вела специально приглашенная профессионалка — такая, с прической, с профессионально-приподнятой и профессионально-задушевной интонацией и профессиональными стихами.

Меня, кстати, всегда удивляет: ведь эти стихи пишут за деньги специально обученные люди, ну черт с ним, с художественным качеством, но стопность можно выдержать? И не рифмовать *моя* и *всегда?*

Так и сыпалось: *нравственность, духовность, призвание, вдохновение,* а среди них нет-нет да и проскакивало (для задушевности) словцо типа *симпатулистый.* В общем, надо быть Сорокиным, чтобы достоверно воспроизвести этот дискурс. Венцом всего явилась история о сыне преподавательницы балета, который тоже почувствовал в себе Призвание, его сейчас с нами нет, он танцует в Америке. И дальше фраза, произнесенная с этой интонацией… В классификации интонационных конструкций (ИК) Е. А. Брызгуновой это называется ИК-6: подъем тона, который (тон) потом не падает, а так и держится «на высоте» некоторое время. Получается так… взволнованно. Фраза следующая (после сообщения, что его нет с нами): *Но пусть ему по-доброму икнётся!*

Вот только не надо мне говорить, что это я такая эстетка, придираюсь, а человек дарит людям радость. Я сама слышала, как сидящие рядом мамашки, забыв даже на время волноваться за своих чад, которым предстояло выступать, оживленно обсуждали, что будет, если икнется *по-злому.*

А впрочем, все не так плохо.

Одна из моих любимых реклам (тут, признаюсь, исследовательский восторг безоговорочно побеждает) — это реклама жвачки про *долгий вкус с жидким центром.* И вот недавно я краем уха уловила в рекламе что-то вроде с *мягким наполнителем.*

Мягкий наполнитель — конечно, не бог весть какая замена *жидкому центру,* но это значит, что там, в сферах, которые, в отличие от Академии наук, могут реально повлиять на язык, кому-то что-то когда-то режет ухо. Ура!

Да и мои любимые *пастила со вкусом йогурт* и *зефир с ароматом клубника* фабрики «Ударница» тоже, видимо, в результате происков зануд вроде меня, были переименованы в *пастилу со вкусом йогурта* и *зефир с ароматом клубники.*

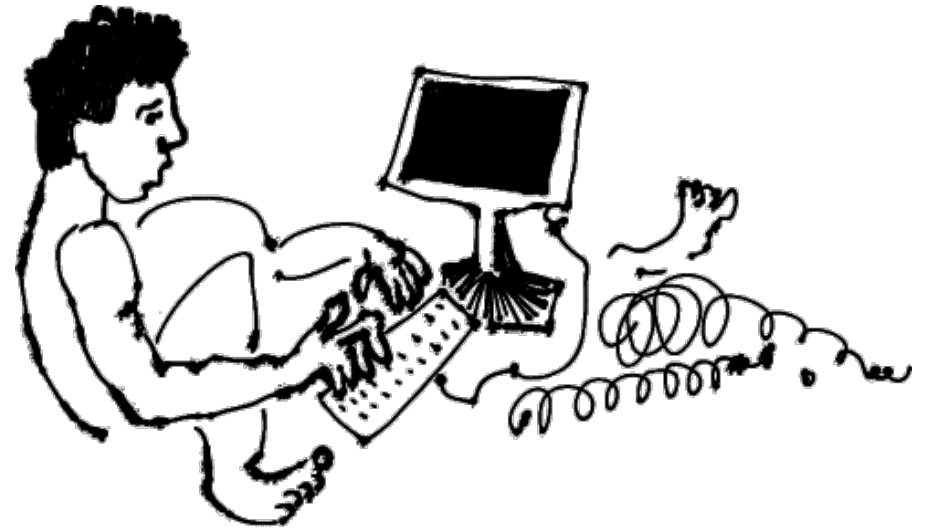
Или вот еще: торговый центр «Мега» проводит предновогоднюю рекламную кампанию. Ну, помимо чудной формулировки *шопинг подарков (шопинг* здесь управляет родительным падежом по аналогии со словом *покупка),* замечательно вот что. В прошлых рекламных кампаниях «Мега» писала ключевое слово *шоппинг* через два «п» *(Отдайся шоппингу, Шоппинг от всей души),* а теперь последовательно пишет через одно «п», как рекомендуют авторитетные словари.

Вообще орфографисты выбрали написание без удвоения согласной скорее на том основании, что в произношении никакого долгого согласного тут нет, а многие заимствованные слова в русском языке не сохраняют написание с двойной согласной (например, слова *офис* или *адрес).* Но, по-моему, тут важно еще вот что. При написании *шоппинг* слово *shopping* заимствуется в готовом виде, а написание *шопинг* наводит на мысль о том, что оно прямо в русском языке имеет свою внутреннюю форму: что *-инг* — это почти уже русский суффикс, при помощи которого от почти уже русского слова *шоп* и образуется почти совсем уже русское слово *шопинг* (и удвоению согласной тут взяться неоткуда, правило же действует в английском языке, а не в русском).

Но авторы новой рекламной кампании едва ли руководствовались этими соображениями. Они ПРОСТО ПРОВЕРИЛИ ПО СЛОВАРЮ. А проверив, пересмотрели всю свою рекламную продукцию и всё исправили. Ура! Ну, почти всё. Трогательный след этой титанической борьбы виден на рекламном буклете: «Ваш путеводитель в мир Мега», где крупно написано *Шопинг подарков,* а повыше более мелко — *шоппинг, досуг, комфорт*. Проглядели. Ну да ничего, прощаем, старались же.

Роскошь человеческой коммуникации

Снова о словах



В телепередаче А. Архангельского «Тем временем» говорили как-то о феномене Живого Журнала. И вот в какой-то момент состоялась короткая пикировка между журналисткой Анной Наринской, весьма критически отзывавшейся о ЖЖ, и Антоном Носиком — создателем Lenta.ru и одним из отцов-основателей русского ЖЖ. В ответ на какую-то реплику Наринской Носик, слегка даже раздраженно, сказал: «Ну зачем употреблять слово *общение,* когда есть слово *коммуникация?»* Все развеселились, так что ответ журналистки «Мы же по-русски говорим!» потонул в общем смехе. Такая реакция понятна: реплика Носика прозвучала как парадокс, поскольку в ней вывернута наизнанку стандартная формула блюстителей чистоты языка — мол, зачем новое заимствованное слово, когда уже есть старое (хотя зачастую старое — тоже заимствование или, как в случае с *общением,* калька). Ну там, зачем нам слово *брокер,* когда есть хорошее русское слово *маклер.* Или тем более — зачем слово *имидж,* когда есть *образ.*

Услышав слова Носика, я чуть не подпрыгнула от восторга.

Приятно все-таки, когда жизнь подтверждает науку. Дело в том, что лингвисты уже обратили внимание на специфику русских слов *общаться* и *общение.*

Анна Вежбицка отметила эти слова в числе «культурных» русских слов, не имеющих английских эквивалентов. По ее мнению, в русском языке существует «культурный скрипт»: «Хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает/чувствует», что и проявляется в таких выражениях, как

излить душу, душа нараспашку, а также и в слове *общение.*

О специфике русского *общаться* написала Анна Зализняк. Это слово обычно подразумевает, что люди разговаривают в течение некоторого времени, преимущественно с целью поддержания душевного контакта, ощущения «общности». *Общение* в русской языковой картине мира — это большая ценность и источник радости.

В последнее время появились смешные употребления глагола *общаться* и его производных применительно к конкретным ситуациям: *Маша там общается по телефону с Петей, дообщается и придет; Пообщались три часа; Надо общнуться.* Театральный критик Майя Туровская связывает такое распространение глагола *общаться* в обиходном языке с театральным жаргоном (в системе Станиславского *общение* — одно из центральных понятий).

В русском языке и раньше существовала идея разговора, который ведется не столько ради предмета разговора, сколько ради самого процесса, ведется неспешно и незлобно. Это слово *беседа* — а также глагол *беседовать.* Как сказано у Саши Соколова:

> Между собакой и волком —
> Время для частных бесед:
> Пусть незатейлив обед,
> Все вы обсудите толком
> Вместе с собакой и волком.

Но в случае *беседы* имеет место удовольствие больше интеллектуального свойства, а радость *общения* связана именно со слиянием душ.

Надо сказать, что русский язык вообще отличается пристальным вниманием к нюансам человеческих *отношений* (вот еще специфическое русское слово). Ничего удивительного, что слово *общение* приобрело в русском языке все эти оттенки теплоты, душевной близости и вообще — *отношений.*

Излишне говорить, что в слове *коммуникация* всего этого нет.

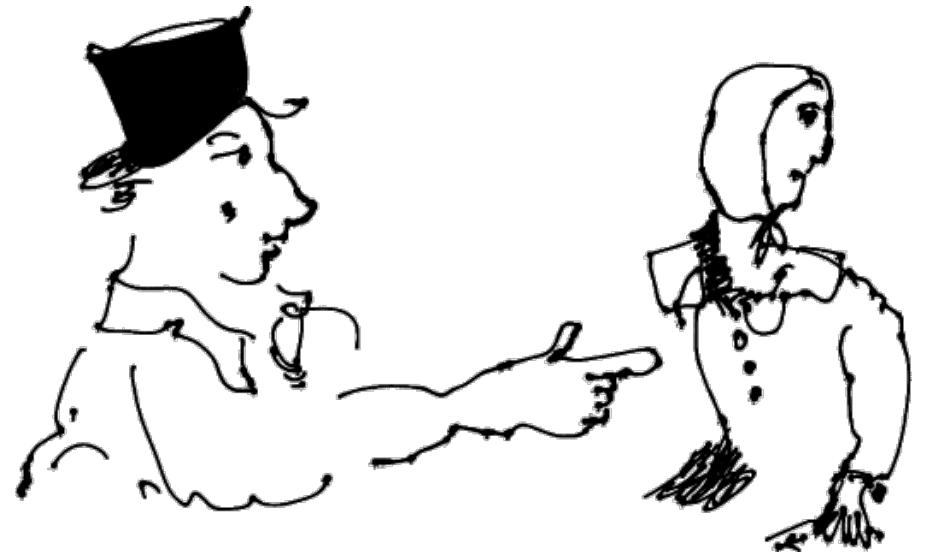
Поэтому спор Антона Носика и Анны Наринской — это спор вовсе не стилистический, а концептуальный. В возгласе «Зачем употреблять слово *общение,* когда есть слово *коммуникация*?», собственно, вся суть разногласий уже определена.

Если концептуализовать ЖЖ как способ *общения,* то дальнейший ход рассуждений очевиден. Это общение суррогатное, поскольку ты не видишь глаз собеседника и вообще. На такое общение идут люди одинокие, которые не могут найти

родные души в реальном мире, а с другой стороны, выросшие на суррогатном общении подростки потом уже не могут общаться полноценно. Примерно в этом смысле и высказывалась Наринская.

Если же использовать не слово *общение,* а слово *коммуникация,* то все выглядит совершенно иначе. ЖЖ дает возможность связываться и вести диалог не только с теми людьми, с которыми и так знаком. Круг собеседников оказывается принципиально незакрытым, и вовсе не обязательно с каждым из них вступать в *отношения* в этом самом русском смысле, не обязательно каждого *впускать в свою душу*. Конечно, с кем-то из бесконечного числа собеседников можно и подружиться, но это уже вопрос отдельный. Примерно в таком ключе и высказывался Носик.

Вы не скажете?..



Как-то раз я со взрослым уже тогда сыном и маленькой дочкой собралась съездить на дачу. Дело было в начале лета, нового расписания электричек у нас еще не было, так что пошли наугад. Увидев на станции народ, мы подумали, что поезд скоро, поэтому надо бы сыну пойти побыстрее за билетами.

У стоявшей на платформе бабушки я спросила: «Скажите, пожалуйста, во сколько поезд?» Она раздумчиво ответила: «Нет, это вы не успеете».

Не дожидаясь продолжения, сын с тяжеленным рюкзаком рванул к кассе. Бабуля между тем развивала свою мысль: «Ну, если только поезд задержат…» Я не выдержала: «Простите, вы можете мне сказать, во сколько электричка?» — «В десять тридцать четыре». Я говорю: «Боже мой, так это еще через целых шесть минут!» В результате мы прогулочным шагом дошли до кассы, где нас ждал запыхавшийся Гриша с билетами, и еще минуты три стояли все вместе на платформе.

Я понимаю, что у людей разный темп ходьбы, что у всех свои представления о времени и о том, насколько заранее нужно приходить на станцию, но почему нельзя было просто ответить на заданный вопрос, а не делиться вместо этого своими соображениями в духе гоголевских мужиков: доедет это колесо до Москвы или не доедет?

На такую манеру отвечать на вопросы как-то обратила внимание замечательная лингвистка и наблюдательная женщина Т. М. Николаева. Человек идет в гости в дом, где раньше не был.

Дорогу ему объяснили и в качестве ориентира указали булочную. «Скажите, пожалуйста, где здесь булочная?» — спрашивает он у прохожего. «Нет, она уже закрыта», — отвечает тот и идет дальше.

Противоположную манеру отвечать на вопросы демонстрирует Джером К. Джером. В повести «Как мы писали роман» он, в частности, рассказывает про свою служанку Аменду, которая всегда отвечала точно на поставленный вопрос. Однажды он спросил у нее: «Аменда, Вы не знаете, который час?» «Знаю, сэр», — ответила она и замолчала. «Аменда, я спросил у Вас, который час!» — «Нет, сэр, Вы спросили, не знаю ли я, который час, и я ответила, что знаю».

Нетрудно заметить, что это очень типичный пример английского юмора. Впрочем, приведенные диалоги из российской жизни тоже хорошо вписываются в русскую картину мира. Это ведь оборотная сторона пресловутой русской душевности. Когда вы обращаетесь к человеку, ему мало просто формально ответить на ваш вопрос, он хочет проникнуть в ваши намерения, озаботиться вашими проблемами, дать дельный совет или хотя бы посочувствовать.

Вспоминается очень смешной анекдот, в котором необыкновенно ярко виден затравленный модными на Западе психоаналитиками бедняга. Человек спрашивает у прохожего: «Скажите, пожалуйста, где находится вокзал?» Тот отвечает: «Не знаю. Но хорошо, что мы с Вами об этом поговорили».

Наконец, говоря о вопросах и ответах, нельзя не вспомнить забавную еврейскую манеру отвечать вопросом на вопрос. По этому поводу лингвист Г. Е. Крейдлин как-то написал даже специальную статью. Эпиграфом к ней служил известный еврейский анекдот: «Почему Вы отвечаете вопросом на вопрос?» — «А как надо?»

Ой, мамочки!

В одном психологическом журнале я прочитала обсуждение вопроса о том, почему мы испытываем неловкость, когда слышим слово *мать?* Нет-нет, не в смысле мать-перемать, а в самом обычном. Оно кажется нам слишком официальным — и в то же время грубым. Ну там, мама подростка обижается, услышав, что он в разговоре с друзьями говорит *моя мать,* и т. п.

Проблема эта возникает, только когда речь идет о выборе говорящим обозначения для собственной матери или матери собеседника. В остальных случаях слово *мать* обычно звучит совершенно естественно и даже единственно возможно. Нам едва ли придет в голову требовать заменить *мать* на *мама* в таких контекстах: *Мать Пушкина звали Надежда Осиповна; Я хотела бы стать хорошей матерью; Настоящая мать — не та, которая родила, а та, которая воспитала.* Можно еще себе представить выражение *приемная мама,* но уж совсем странно — *суррогатная мама, биологическая мама.* Хотя, говорят, появилось уже не только сочетание *суррогатная мама,* но и прелестное сокращение *сурмама,* но это скорее элемент специфического жаргона.

Вообще-то ситуация, когда имеется некоторый термин родства, а кроме него — слово или несколько слов для более интимного и персонального упоминания соответствующего родственника, совершенно нормальна.

В других языках тоже есть аналоги пары *мать-мама.* Но дьявол, как всегда, в деталях. Например, по-немецки есть слово *Mutter* (мать) и слова *Mutti* и *Mama.* Но распределение

немного не такое, как в русском языке. Конечно, в обоих языках человек в анкете напишет *мать (Mutter),* а дома обратится *мама (Mutti* или *Mama).* Однако по-русски мы скорее скажем: *Передайте привет маме,* тогда как по-немецки — *Grüßen Sie Ihre Mutter.* Слыша от хорошо говорящего по-русски немца вопрос: «Твоя мать еще живет?» (буквальный перевод нейтральной фразы *Deine Mutter lebt noch?),* вздрагиваешь и отчетливо понимаешь, что по-русски надо сказать: «Твоя мама жива?» По-русски, рассказывая о своей семье по радио или телевидению, человек вполне может сказать: *моя мама делала то-то и то-то.* Если сказать *моя мать,* это может прозвучать грубовато. По-немецки же здесь нейтрально сказать *Mutter,* тогда как *Mutti* или *Mama* прозвучит неуместно по-домашнему. В русском слово *мама* выходит за пределы домашнего круга и захватывает часть контекстов, которые в других языках, как еще недавно и в русском, числятся за словом *мать.* Которое, в свою очередь, теряет позиции и начинает восприниматься как слегка отчужденное наименование. Впрочем, такой захват не всегда проходит безболезненно. Часто человек вообще не может выбрать ни одно из двух слов: *мать* кажется ему слишком официальным или грубым, а *мама* — слишком интимным. Многие выходят из положения при помощи различных стилизованных наименований (скажем, *матушка)* или нарочито игровых (например, *мамашка, маман, родительница).*

Это не стоит слишком психологизировать. Во всяком случае, не так прямолинейно. Вот мол, раз мы предпочитаем говорить не *мать,* а *мама,* значит, мы инфантильны. Существует речевой этикет, и он меняется. Речевой этикет — вещь очень условная. Конечно, какие-то его особенности у тех или иных групп, культур и т. п. могут что-то там отражать. Так, традиция обращаться к родителям на «вы» практически исчезла (хотя я знаю людей, в семьях которых это было принято до самого последнего времени). Вероятно, в таком изменении разумно усмотреть отражение эволюции семейных отношений. Однако невозможно в каждом случае устанавливать связь между конкретной речевой формулой и душевной жизнью людей.

Ю. М. Лотман в своих лекциях приводил такой пример из переписки XIX в.: на письмо, начинавшееся с обращения «Милостивый государь мой» страшно обиженный адресат ответил письмом, которое начиналось так: «Милостивый государь мой, мой, мой». Сейчас нам трудно понять его обиду, а на тогдашний слух нейтрально было *милостивый государь,* а лишнее *мой* сообщало обращению то ли неуместную фривольность, то ли пренебрежительность, то ли что-то еще. Но это ведь чистая условность. Вот сейчас часто приходится слышать: какой ужас,

отчество выходит из употребления, кому пришло бы в XIX в. сказать об уважаемом человеке, например, *Александр Пушкин.* А как раз в XIX в. именно так и было: «Сочинения Александра Пушкина». Это потом писателей стали именовать с отчеством. Между прочим, раньше обращение к человеку по имени-отчеству само по себе звучало иначе, чем сейчас — это было обращение скорее частное, неофициальное, в отличие от разных *милостивых государей, превосходительств* и *сиятельств.*

Возвращаясь к обозначениям матери *(мать, мама, мамка, маманя, мамаша, матушка* и т. д.), можно заметить, что каждое из них имеет свои стилистические особенности и свою историю.

Возьмем, например, слово *мамаша.* Если обратиться к русской классической литературе, видно, что когда-то в этом слове не было ни иронии, ни высокомерия, ни грубоватости.

У Толстого, например, Николенька из «Детства» ласково обращается к своей любимой матери: «Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!» Так же обращается к матери Раскольников у Достоевского. Да собственно, и другие герои Достоевского, Толстого, Тургенева. Однако потом с этим словом что-то происходит: оно приобретает вульгарную окраску. Обращение *мамаша* типично для героев Зощенко. Например, тип с усиками, которого сопровождала в поезде нагруженная узлами старуха и которого пассажиры сначала осудили за эксплуатацию домработницы, но потом амнистировали, узнав, что старуха не домработница, а мать, говорит: «Положите, мамаша, ногу на узел — унести могут».

Одна знакомая рассказала мне такую историю. Она позвонила в английскую школу, чтобы справиться насчет собеседования, и начала так: «Мне одна мамаша сказала…» На это завуч резко ответила: «У нас здесь таких слов не употребляют» — и не стала продолжать разговор. «Ну почему? — жаловалась знакомая. — Ведь так всегда говорят в поликлинике, в детском саду. А как сказать? *Одна мать? Одна знакомая, у которой тоже есть ребенок?»* В общем, девочка учится в другой школе, не английской.

Зайка моя!

В числе прочих необходимых для жизни речевых навыков, человек осваивает то или иное количество ласкательных обращений. На русском Севере мне довелось видеть, как во время свадебного обряда жених, в частности, должен был, поднимаясь по лестнице и входя в дом, сопровождать каждый шаг новым обращением, адресованным невесте.

Любовные обращения — вполне самодостаточный способ выражения любви.

Если сказать — как в названии фильма — *Милый, дорогой, любимый, единственный,* то дальше можно ничего не говорить, нужная мысль уже выражена.

Одни люди предпочитают одно обращение, другие — другое, одни изобретательны, другие однообразны. Некоторым кажется, что слово *милая* ничего не значит, а *дорогая* значит весьма много, другие считают в точности наоборот. Для кого-то легче умереть, чем произнести слово *любимый,* а кто-то говорит его направо и налево.

Может показаться, что ласкательные обращения сами по себе малосодержательны, что все зависит от интонации, от чувства, которое вкладывает в них говорящий, от того, как и когда он их произносит. Многие из этих слов, например, *дорогой* и *милая,* легко утрачивают интимный характер и употребляются по отношению к малознакомым людям, что, правда, иной раз вызывает их раздражение. А слово *милочка* в современном языке вряд ли вообще может быть использовано для выражения подлинной нежности. В нем слышится покровительственно-высокомерная интонация.

Вдумываясь тем не менее в значение слов любви, можно заметить, что они группируются вокруг трех идей.

Некоторые прямо указывают на соответствующее чувство:

любимый, желанная, любовь моя, радость моя, счастье мое, ненаглядная и т. п.

Другие основаны на идее ценности и уникальности объекта чувства: *дорогой, единственная, бесценный, золотой, сокровище мое, золотце.* Вспомним также замечательное лесковское *Изумруд ты мой бралиянтовый!*

Третья группа слов указывает на приятность, симпатичность объекта чувства. Это не только слова типа *хорошая* или *сладкий,* но и множество более изысканных определений. (В суровой англосаксонской культуре используются выразительные гастрономические обращения: *honey* (медовый), *sweetie pie* (буквально — сладкий пирожок) и *sweetheart* (буквально — сладкое сердце.) Характерны сравнения с разными симпатичными существами или предметами — отсюда всевозможные *зайки* и *киски,* а также ласкательные обращения типа *малыш, маленький, детка* и т. п. (прежде всего по отношению к женщинам): существо небольшого размера и юного возраста вызывает симпатию.

Здесь вообще простор для фантазии наибольший.

Так, об одном московском юродивом читаем: «Петруша любит молодых горничных, которых называет вербочками, малиновками, пеночками, кинареечками, лапушками».

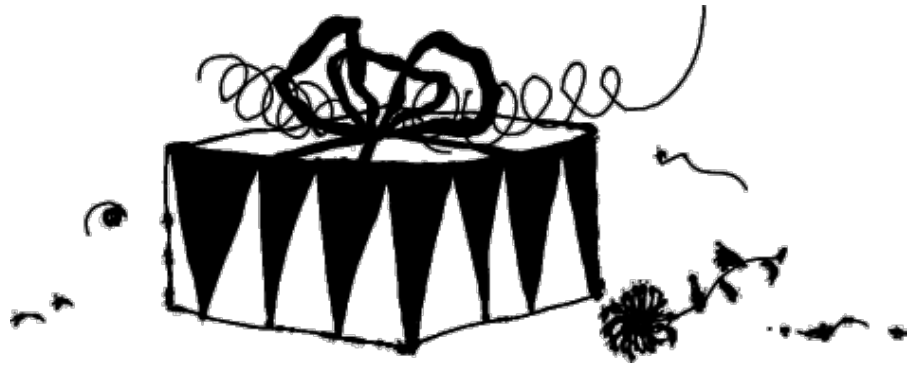
Некоторые из таких слов, например *голубчик* или *лапочка,* уже практически утратили связь с тем образом, который когда-то лежал в их основе.

Во многих случаях разные идеи совмещаются. В обращении *солнышко* можно усмотреть ссылку как на приятность, так и на уникальность. В обращениях *душа моя* или *сердце мое* сочетаются идеи ценности и чувства. А в слове *милый* мерцают два разных смысла: *милый* — это то ли тот, кто хорош, то ли тот, кто нравится.

Правда, среди русских ласкательных обращений есть такое, которое стоит особняком. Это одно из главных и, несомненно, самое своеобразное русское обращение — *родной* или *родная* (у него есть вариант *родненький* и еще ряд производных; к нему близки по смыслу устаревшие обращения *родимый* и *кровиночка).* Парадоксальным образом наименее эротическое любовное слово оказывается наиболее интимным. Некоторые люди утверждают, что вообще не имеют слова *родной* в своем любовном лексиконе, так как оно кажется им шокирующе откровенным.

Обращение *родной* значит примерно следующее: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник. Здесь проявляется характерное для русской культуры отношение к кровному родству — одновременно чрезвычайно прочувствованное и очень неформальное.

И сбоку бантик



Как мучительно каждый раз придумывать, что подарить к 8 марта всем родственницам и всем учительницам детей. А что, собственно, значит — *подарить*? Это, между прочим, не такой простой вопрос. В современном русском языке четко противопоставлены глаголы *дарить* и *давать*. Фразу *Она дала мне это платье* невозможно понять в том смысле, что это был *подарок*. Это естественно понимается как «дала поносить». А если насовсем, то либо *подарила,* либо *отдала*. Так.

Подарить — значит дать бесплатно и навсегда. Но этого мало. Все зависит от цели. Например, если эта цель состоит в том, чтобы поощрить другого человека за его достижения, то это будет не *подарок,* а *награда, премия* или *приз*. И суконное сочетание *наградить ценным подарком* нас не собьет с толку.

Если дающий хочет помочь другому человеку, поддержать его, то это опять не подарок, а *пожертвование, милостыня, подаяние, подачка,* возможно *дотация, субсидия, грант* или же *гуманитарная помощь* — она же *гумпомощь* или *гуманитарка*.

А *подарок* — это когда кто-то хочет доставить другому человеку удовольствие или выразить свое хорошее отношение к нему и именно с этой целью вручает ему некий предмет. *Подарки* дарят на день рождения, на Новый год, на 8 марта, конечно, а иногда просто чтобы создать ощущение праздника, без всякой специальной даты. Овеществленная функция подарка — это особая *подарочная* упаковка, которая помогает самый простой предмет представить как *подарок*.

Постепенно подарок без яркого пакетика становится почти неприличным. У бедных, но продвинутых студентов зачастую пакетик оказывается самой дорогой частью подарка.

Притом *подарок* — в первую очередь не для пользы, а для души. Стиральный порошок или мусорное ведро — вещи, безусловно, полезные, однако они далеко не всегда уместны в

качестве подарков. Дети особенно чувствительны к этой стороне дела, они обычно твердо заявляют: *Куртка — это не подарок. Диван — это не подарок. Еда — не подарок.* Хотя тут все не так просто. Нам трудно мыслить кило сахару или мешок картошки как подарок, но вспомним один из фильмов о войне, где в качестве роскошного подарка на день рождения фигурировали хлебные карточки в ювелирной коробочке.

Итак, *подарок* — это форма проявления любви.

Когда в магазине нам говорят: *фирма вам дарит, подарок от фирмы,* мы понимаем, что это не настоящий *подарок,* потому что здесь нет личных отношений, избирательности.

Мы чувствуем, что это только называется *подарок,* а на самом деле *халява,* если не ловушка. Между прочим, ребенку в Новый год дома подарки *дарят,* а на елке в Лужниках подарок *дают.* Язык не обманешь.

А то еще покупателю любят посулить *бесплатный подарок.* Как будто *подарок* может быть не *бесплатным!* Тут вспоминается Сова из мультфильма про Винни-Пуха, которая подарила ослику Иа-Иа на день рождения его собственный хвост, сообщив при этом, что это *безвозмездно, то есть даром.* Неуклюжее сочетание несет в себе два разных послания. С одной стороны, фирма сообщает адресату, что по непонятной причине воспылала к нему нежными чувствами и хочет подарить ему *подарок.* С другой же стороны, фирма знает, что адресат — известный халявщик, и потому подчеркивает еще раз, что подарок этот будет ему вручен *бесплатно.* Безвозмездно. То есть даром. Только пусть сначала закажет товар. Нужный или не очень.

Я как-то слышала диалог между матерью и ребенком. Ребенок: *Мне кроссовки бесплатно дали!* Мать: *Да не бесплатно, а подарили!* Как говорится, почувствуйте разницу.

День Золушки

В пятилетнем возрасте моя дочь поинтересовалась, будут ли на Первое мая подарки. Ну, раз это праздник. Я сказала, что подарков не будет, а просто выходной и можно погулять. Тогда она спросила, что это, собственно, за праздник. Пришлось, конечно, слегка упростить: *международную солидарность* я опустила, а трудное субстантивированное причастие трансформировала. *Это,* говорю, *такой праздник в честь тех, кто много трудится. — Понятно,* говорит, — *день Золушки?* А что, пожалуй, это не лишено.

Вообще люди стремятся даже новым праздникам придать какой-то свой, близкий им смысл. И как на Масленицу или на Святки ясно чувствуется память о языческом прошлом русского народа, так и в советских праздниках люди всегда находили что-то, связанное с фундаментальными основами бытия.

Проще всего было с *Международным днем борьбы женщин за свои права — 8 марта.* Разумеется, ни для кого этот праздник не ассоциировался ни с какой борьбой за права, а называли его всегда просто *8 марта* или *женский день, женский праздник.* Героиня Наталии Гундаревой из фильма «Сладкая женщина» говорит: *Я ведь как раз под женский праздник оформилась* (в смысле, поступила работать на завод). *День 7 ноября* — красный день календаря, день революции, получил народное название *октябрьские праздники* или просто *октябрьские.* У Ф. Абрамова читаем: *Пожар вспыхнул под утро в Октябрьские праздники, и пока подгулявшие накануне люди приходили в себя да раскачивались, поселок сгорел начисто.* А вот из В. Аксёнова: *На гулянке под Октябрьские завели на патефоне старую пластинку «Саша, ты помнишь наши встречи в приморском парке на берегу?»* Между прочим, уже мало кто помнит, что этот праздник переименовали было в *День примирения и согласия* — или *согласия и примирения.* Не прижилось, для всех так и осталось — *октябрьские* и *октябрьские.* Хотя и в ноябре. Теперь, правда, все запуталось окончательно, поскольку седьмое переименовали в четвертое,

примирение в единство, а Ленина в Минина и Пожарского.

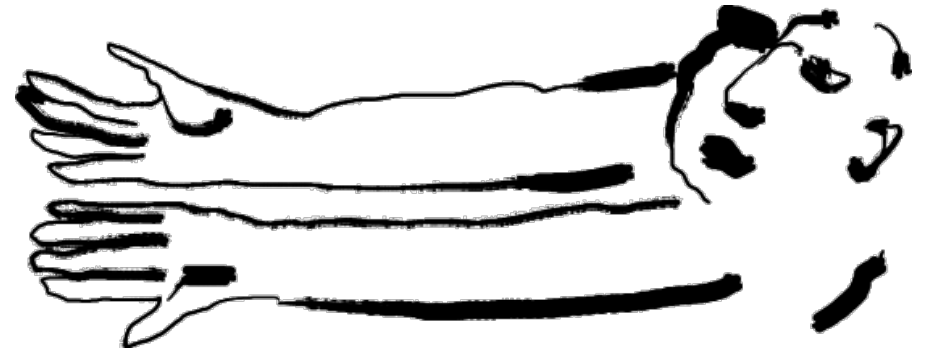
День международной солидарности трудящихся тоже не мог существовать под таким названием. Не спасал и официально-задушевный вариант *Праздник весны и труда* — слишком неочевидна была связь между тем и другим. И *1 Мая* получило в народе название *майские.*

Таким образом, основные идеологические праздники превратились в сезонные: *октябрьские* и *майские,* осень и весна. А вскоре за майскими следовало *9 мая* — праздник совершенно особый. Тут тебе никаких умозрительных солидарностей и единств. *День Победы* — это все понимают.

Но в последнее время многие люди под *майскими праздниками* стали подразумевать сразу все: и несколько выходных на 1-е мая, и выходные на 9-е, и поскольку во многих организациях делают нерабочими также и дни между праздниками, то получается, что *майские* — это такие большие, дней на десять, весенние каникулы, когда можно куда-нибудь уехать или заняться сельским хозяйством на садовом участке. Кстати, во многих западных странах есть такое понятие — *мост* между праздниками, время, когда официально не выходные дни, но практически никто не работает. Думаю, скоро оно привьется и у нас. Появились даже такие сочетания, как *первые* и *вторые майские праздники,* например: *Между первыми и вторыми майскими праздниками остается очень мало рабочих дней.*

Тут надо сказать, что разные люди употребляют слова *майские праздники* или *майские* по-разному, причем различие это в значительной степени поколенческое. Пару лет назад в конце апреля у меня произошел примечательный разговор с кассиром нашего института. Я спросила у нее, когда будет зарплата, и услышала в ответ: *После майских!* Я огорчилась: *Значит, числа 13-го? — Да, нет, почему же? Числа 6-го. Я же Вам сказала — после майских.* Ну, говорю, я думала, после вторых. — *Нет,* — твердо ответила она. *Майские — это майские, а 9 мая — это 9 мая, День Победы.*

Попроси как следует



В великой книге «Москва — Петушки» сказано: «Вот видите — сколько в природе загадок, роковых и радостных, сколько белых пятен повсюду!» Лично для меня самая жгучая загадка: как в иных самых мелких словах помещается невероятное количество смысла? Приведу лишь один пример.

Допустим, вы обратились к своему собеседнику с просьбой, но с первого раза у вас ничего не вышло. Тогда у вас, как говорится по-английски, два выбора. Можно плюнуть, а можно решиться повторить просьбу. В этом последнем случае язык предписывает снабдить вашу просьбу специальным ярлычком, чем-то вроде пометки *Повторно* на почтовом извещении. Проще всего выбрать одну из трех частиц: *ну, да* или *же.* Как, например, в одном из рассказов Аверченко:

> — Нельзя, — сказал губернаторский чиновник.
>
> Я зачесал затылок, забегал из угла в угол и забормотал:
>
> — Ну разрешите, ну пожалуйста.

Казалось бы, какая разница — хватай первое, что на язык попадется: «Ну скажи мне!» или «Да ответь же!» Однако за каждой частицей стоит своя, особая стратегия уговаривания.

Проще всего воспользоваться *ну*-стратегией. Услышав отказ, надо набрать побольше воздуха и начать: «Ну давай, ну пожалуйста, ну прошу тебя!» Что означает: у меня нет никаких новых аргументов, я не знаю, чем мне подкрепить свою просьбу, но мне очень хочется, чтобы ты ее выполнил, и я от тебя не отстану, пока она не будет выполнена. Это называется умолять, канючить или клянчить. Данная метода имеет ряд достоинств. Во-первых, *ну* допускает бесконечное повторение, так что все зависит от упорства просящего. Во-вторых, эта частица не требует

изобретательности и интеллектуального напряжения. И наконец, она довольно результативна (это известный эффект зануды). Однако есть и существенный недостаток: канючащий жалок, налицо потеря достоинства. Поэтому если маленькие дети без колебаний прибегают к *ну*-стратегии, то взрослые обычно предпочитают сначала попробовать что-нибудь другое. Например, *да*-стратегию.

— «Скажи!» — «Нет!» — «Да скажи!» Что это значит? *Да скажи,* произносимое со специфической небрежной интонацией, значит примерно следующее: не ломайся, я-то знаю, что у тебя нет никаких причин отказывать мне в этой мелкой просьбе; все твои аргументы мне заранее известны и просто смешны, мы с тобой хорошо это понимаем. *Да* не предполагает бесконечного повторения. В отличие от предыдущего случая, где собеседник берется измором, *да* — это скорее наскок.

Для успешного выполнения здесь требуются внезапность и то, что называется понт. Просящий должен быть абсолютно уверен в себе — настолько, чтобы его уверенность передалась собеседнику. Тогда тот, может быть, растеряется и выполнит просьбу, прежде чем поймет, что произошло.

Если *да*-атака удалась, то она покрывает победителя неувядаемой славой: он добился своего не только не потеряв достоинства, но и доказав свое моральное превосходство. Впрочем, если *да*-атака захлебнулась, можно переходить к *ну*-осаде.

Воспользуемся примером из другого рассказа Аверченко. Пожилой чиновник, гуляя по берегу реки, смутно видит у другого берега силуэт купальщицы. Он отчаянно пытается рассмотреть хоть какие-нибудь подробности, но все бесполезно. Вдруг он замечает гимназиста, который разглядывает купальщицу в бинокль.

> Плюмажев протянул дрожащую руку.
>
> — Дайте! На минутку.
>
> — Ни-ни! Даром я, что ли его у тетки утащил? Небось, если бы у вас был бинокль, вы бы мне своего не дали?
>
> — Да дайте!

За этим *Да дайте!* слышится совсем другая интонация, чем за откровенной мольбой *Ну дайте!* О многом говорит это *да!* Рука у чиновника дрожит, душа пылает, но он еще не сломлен, он не хочет терять лицо. Он пытается сделать вид, что просьба-то пустяковая, что бинокль и не очень ему нужен, просто умный мальчик не станет отказывать в такой ерунде солидному

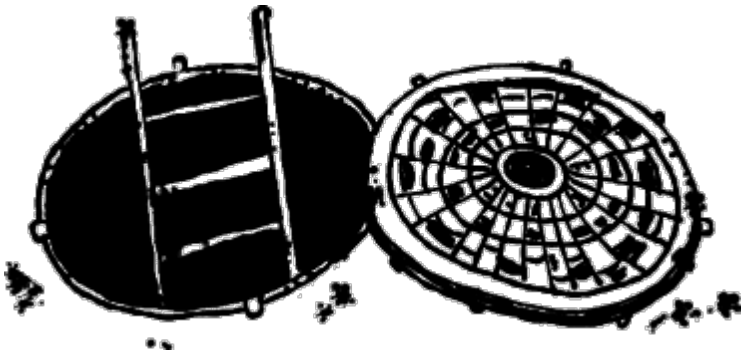
человеку.

Бедняга! Уже через несколько минут он будет умолять, потом угрожать, потом отдаст алчному юнцу все деньги — чтобы в финале узреть в бинокль собственную престарелую супругу.

Есть еще частица *же.* Ею можно воспользоваться, если вы не получили прямого отказа — например, на вашу первую просьбу просто не обратили внимания. Или, скажем, вы не можете утащить своего спутника из гостей. Он не спорит, а говорит: «Сейчас, сейчас» — и продолжает беседу. Тогда можно дернуть его за рукав: «Идем же!» А если к *ну* добавить *же,* то в голосе молящего начинают звучать нетерпеливые нотки. Можно еще скомбинировать *да* и *же*… и так далее, до бесконечности.

Занятия лингвистикой вообще настраивают на гуманистический лад. Действительно, раз самый заурядный человек умеет так ловко управляться со всеми этими смыслами, к роду человеческому стоит относиться со священным трепетом.

А паразиты никогда



Есть такой анекдот. Едет новый русский в мерседесе и видит, что по тротуару старушка идет, а перед ней люк открытый, сейчас она упадет. Новый русский высовывается из окна и дружелюбно кричит: *Бабка! Это… типа… опа!*

Так называемые слова-паразиты человек употребляет, когда ему не хватает обычных слов, как в песне из фильма «Карнавальная ночь»: *Я не знаю, как начать, / В общем, значит, так сказать…* Но действительно ли эти слова лишние в языке?

Наша обычная речь — спонтанная, то есть неподготовленная. Мы одновременно говорим и думаем. Человек не всегда успевает сформулировать свою мысль, ему приходится останавливаться, чтобы подумать или подыскать подходящее слово. Конечно, вы можете замолчать и держать паузу до тех пор, пока не придумаете абсолютно гладкую фразу. Но тогда собеседник будет сомневаться: то ли вы все еще формулируете, то ли уже заснули или отвлеклись. Вот тут и приходят на помощь всевозможные *ээээ, мээээ, ну, это* и так далее. Это своего рода сигналы: я здесь, я на связи, сейчас уже скажу, ждите ответа. Кроме того, в режиме цейтнота не всегда удается найти самое подходящее слово и приходится удовлетворяться более или менее подходящим. Многие слова-паразиты: *вроде, типа, как бы* и так далее — имеют именно такую функцию: мол, слово, может, и не совсем подходящее, но другое что-то пока в голову не приходит.

Соответственно, наличие в речи слов-паразитов — это своего рода знак естественности, неподготовленности речи. У Грибоедова о Чацком: *И говорит как пишет!* — но хорошо ли принимаются его пламенные монологи? Часто собеседник гораздо лучше вас воспринимает, если вы прямо на его глазах и вместе с ним формулируете мысль, ищете слово. Этот эффект знаком любому преподавателю. Бывает, объясняешь что-то, что объяснял уже тысячу раз, и точно знаешь, что надо сказать и

какими словами. Но если просто отбарабанить готовый текст, никто ничего не усвоит. Гораздо лучше, если слегка имитировать спонтанность: остановиться, призадуматься, как бы поискать слово: ученик тогда будет думать вместе с вами, тоже искать это слово — и поймет и запомнит вашу мысль гораздо лучше. Замечательны в этом отношении телевизионные лекции ныне покойного профессора Тартуского университета Ю. М. Лотмана о русской культуре. Речь Лотмана никак нельзя назвать гладкой: он экает, хмыкает, хихикает. Но слушать его — истинное наслаждение: полная иллюзия, что он только что поговорил лично, например, с Чаадаевым, а теперь говорит лично с вами. Причем говорить с вами ему страшно интересно, он вот как раз нечто увлекательное узнал или придумал и спешит поделиться. Возможно, если экать начнет другой человек, который не умеет так замечательно рассказывать, — это только испортит его речь. Но в случае с Лотманом, как поется в песенке Окуджавы, «мне это ничуть не мешает и даже меня возвышает».

Любое из, на первый взгляд, бессмысленных слов-паразитов на самом деле имеет свой особый смысл, и все они друг от друга отличаются. Кажется, что неважно, пересыпает ли человек свою речь бесконечными *так сказать* или предпочитает *это, типа* или *как бы.* В действительности это совсем разные люди.

Например, человек, который через слово говорит *это,* это человек, которому вообще каждое слово дается с трудом, это тугодум, или, как теперь говорят, тормоз. Напротив того, *так сказать* — точнее обычно *тскать* — часто говорят люди, которые за словом в карман не лезут, говорят очень быстро и с помощью этого *тскать* пытаются расчленить свою речь на отрезки, чтобы облегчить слушателю понимание.

Особая история со словом *как бы.* Оно приобрело популярность, по-моему, в позднесоветский период как интеллигентское словцо. Первоначально в нем была даже некоторая фронда, поскольку постоянное *как бы* означало демонстративный отказ от категоричности суждений, присущей официальным текстам. Не исключено, что мода на *как бы* тогда была связана с интересом интеллигенции к Достоевскому: известно, что *как бы* — одно из особенно любимых им слов. Потом, как это происходит со многими культурными явлениями, *как бы* опустилось в более низкие социальные слои, растеряв при этом большую часть своего содержания. Теперь вечное *как бы* стало проявлением простого жеманства. Характерно оно в основном для женской речи.

Другая, даже отчасти противоположная судьба у слова-паразита *типа.* Мода на него пришла из речи братвы.

Внимательный к деталям тележурналист Леонид Парфенов в одной из своих передач даже говорил о произносимом со специфическим прононсом *типаа* как об особой примете середины 90-х годов XX в. Потом, однако, *типа* замелькало и в речи интеллигенции, потеснив утратившее свое обаяние *как бы.* Этим *типа,* произносимым уже без всякого особого «прононса», пока еще чуть ироничным и цитатным, человек показывает, что он не какой-нибудь кабинетный червь, ему не чужды современные общественные процессы, а может быть, он даже и сам крутой. — *А ты здесь типа работаешь? — Да типа того*. Так теперь разговаривают многие интеллектуалы.

Картина мира

Метафоры, которые нам вешают на уши

Предлагаю всем желающим повторить нехитрый эксперимент: войти в Интернет и задать в поисковой строке сочетание *холерный эмбрион.* Да-да, не *вибрион* (микроорганизм, имеющий вид изогнутой палочки, запятой), а именно *эмбрион* (зародыш). Вы удивитесь, как много этих самых *холерных эмбрионов* во вполне даже серьезных газетах. Ошибка тут совершенно очевидна. Однако бывают и другие ошибки: ложная метафора, став общепринятой, способна сформировать в сознании общества искаженное представление о том или ином явлении.

В последнее время мы постоянно слышим и читаем: «Расшифрован геном человека». Если не вдумываться, эта формулировка кажется вполне ясной: ведь мы уже давно привыкли к понятию генетического кода. Ну а где код, там и расшифровка.

Нам кажется, что мы понимаем. Однако это лишь иллюзия. Что же стоит за торжественной формулировкой «Расшифрован геном человека»? Адекватно ли описывается метафорой зашифрованного текста и его расшифровки реальное состояние науки? Итак, геном — это полная цепочка ДНК в организме. Она состоит из повторения в самых разных комбинациях четырех стандартных последовательностей, фрагментов молекулы — нуклеотидов. В ДНК есть участки — гены, которые отвечают за то, какие белки производятся в организме, и регуляторные сигналы (другие участки ДНК), которые регулируют работу генов.

Если воспользоваться метафорой текста, то можно сказать, что имеется алфавит из четырех букв — нуклеотидов, которым записаны гены — слова. Причем если алфавит очень маленький, то длина такого «слова» огромна — 1500–2000 букв- нуклеотидов.

Таким образом, если развернуть лингвистическую метафору, геном — это строка или текст, состоящий из 3 миллиардов букв, которыми записано около 30 000 генов. Этот текст, как в древних

рукописях, не разбит на слова и не содержит знаков препинания, так что прежде всего цепочку надо разделить на «значимые» кусочки — понять, где кончается один ген и начинается другой. Дело осложняется тем, что значимые для молекулярного биолога фрагменты составляют меньше 5 % ДНК. Это можно сравнить со статьей в журнале, который финансируется за счет рекламных объявлений: кусочки текста нужно вылавливать среди бесконечного количества инородных фрагментов.

Что сделано в науке на данный момент, на какой стадии находится работа над геномом человека? Приблизительно выписана сама последовательность — этот длинный текст в четырехбуквенном алфавите. Кроме того, многие гены (несколько тысяч) в той или иной степени изучены экспериментально. Это значит, что данный ген вычленен в последовательности и, возможно, установлены его функции, — так сказать, понят смысл слова. Правильно ли назвать это расшифровкой? Конечно, нет.

Доктор биологических наук М. С. Гельфанд, который как раз и занимается анализом нуклеотидных последовательностей, предлагает свою метафору: поймали профессора Плейшнера из фильма «Семнадцать мгновений весны» и отобрали у него бумажку с цифрами, где зашифровано послание Штирлица. Теперь представим себе, что ее принесли Мюллеру со словами: вот, мол, расшифровано письмо русского разведчика.

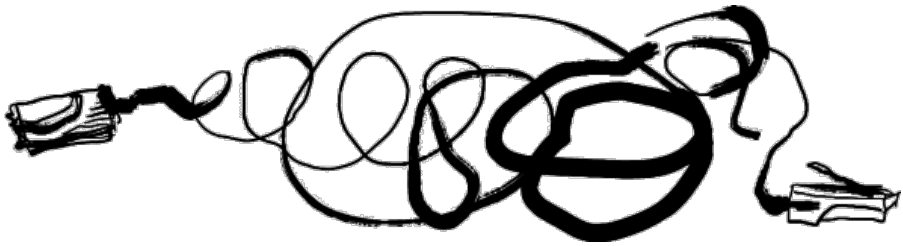
Действительно, есть последовательность цифр, а цифры все известны, вот вам и расшифровка. Однако вряд ли Мюллер был бы удовлетворен.

Но это еще полбеды, если нужно только привести непонятные значки в соответствие с буквами известного языка.

В случае с геномом сам текст на неизвестном языке и то, что мы в результате долгой и кропотливой работы разобрали, из каких букв этот текст состоит, еще не делает его понятным.

Прочесть этот текст, то есть действительно расшифровать геном человека, — дело будущего.

Вход и выход



Как известно, языки по-разному концептуализуют действительность. Когда появляется какое-то явление, язык, чтобы его назвать, должен сначала как-то его себе представить. Вот Франция и Германия — соседние страны. В обеих, чтобы поехать на поезде, нужно купить билет, а потом, уже на перроне, его закомпостировать (можно и прямо в поезде купить, но речь сейчас не о том). При этом по одну сторону границы действие по продырявливанию билета назовут словом, которое означает «сделать ценным», а по другую — словом со значением «лишить ценности». И то и другое понятно. Пока билет не прокомпостирован, он не дает права ехать на поезде, то есть он не имеет ценности. С другой стороны, если вы продырявили билет, то тем самым его нельзя будет больше использовать, он как бы уже использован, то есть лишен ценности.

Или, например, как надо говорить — *войти в Интернет* или *выйти в Интернет?* Действительно, когда мы говорим *выйти,* а когда *войти?* Лингвисты изучали эту проблему. *Выйти* значит переместиться из замкнутого пространства в более открытое. «Можно *выйти из комнаты в коридор* или *со двора на улицу,* но нельзя **выйти из коридора в комнату* или **с улицы во двор.* При этом различия между более замкнутыми и менее замкнутыми (более открытыми) пространствами, по-видимому, объективны: в более замкнутых пространствах меньше возможностей входа и выхода и больше препятствий для перемещения *(вышел из леса на поляну,* но не **вышел с поляны в лес)»* (я цитирую академика Ю. Д. Апресяна, а звездочками в лингвистических работах часто обозначаются неправильные фразы). Ну а *войти* — естественно, наоборот. В кладовку, в ванную, в спальню всегда входят, тогда как на сцену, на крышу, на балкон — всегда выходят.

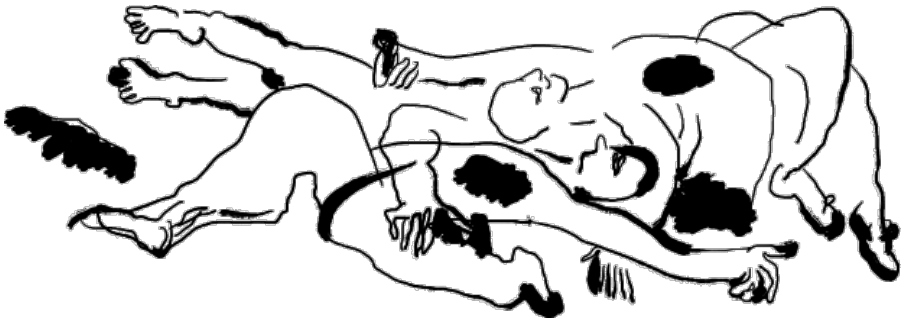
Интересно при этом, что есть помещения, в которые можно и выйти и войти. Например, можно *выйти в гостиную* или *войти в гостиную. Войти в гостиную* значит просто войти в помещение. *Выйти в гостиную* значит сделать себя доступным для общения с гостями. Нельзя *выйти* в пустую гостиную, в которой нет

людей, — в пустую гостиную *входят.* Официант с подносом не может *выйти в гостиную* — он *входит в гостиную*.

Примерно так же обстоит дело и с Интернетом. Говорят и *войти в Интернет,* и *выйти в Интернет.* Вот некоторые фразы, взятые из этого самого Интернета: «Каждый раз, выходя в Интернет, вы подвергаете себя опасности несанкционированного вторжения»; «По какой технологии доступа вы выходите в Интернет?»; «В Москве теперь можно отправлять SMS и выходить в Интернет с таксофона»; «Аяцков заявил, что через 3 года выйти в Интернет сможет каждый желающий из любого учебного заведения». И с другой стороны — «Глава Ericsson утверждает, что через 2 года большинство пользователей будут входить в Интернет через сотовые телефоны»; «Не могу войти в Интернет: программа дозвона сообщает о неправильном пароле…»; «В Интернет вошел каждый десятый гражданин России»; «Мы хотим, чтобы была регистрация всех входящих в Интернет лиц».

Очевидно, сочетаниям *выйти в Интернет* и *войти в Интернет* соответствует несколько разные картинки. Когда говорят *выйти в Интернет,* имеют в виду, что всемирная сеть — это огромный мир, на просторы которого человек и выходит из своего узкого мирка. Возможно, даже не имея определенной цели. Когда же говорят *войти в Интернет,* скорее имеют в виду, что Интернет — это нечто вроде большой виртуальной библиотеки, в которую человек входит, чтобы найти там нужную информацию.

Собирательный образ



Когда московские власти собрались застраивать Ходынское поле, окрестные жители были очень недовольны, они устраивали митинги и пикеты — как водится, без результата. О возникшем конфликте даже рассказывали по телевизору.

И вот одна журналистка с большим пафосом заявила: «В конце концов, это просто неуважение к памяти людей, погибших во время Кровавого воскресенья на Ходынском поле!»

Разумеется, нет нужды напоминать, что Кровавое воскресенье не имеет никакого отношения к Ходынскому полю — журналистка просто смешала в одну кучу два устойчивых сочетания и два совершенно разных события. В 1896 году на Ходынском поле под Москвой (теперь оно уже находится на территории Москвы) при праздновании коронации императора Николая II произошла давка и паника, во время которой погибло несколько тысяч человек. Тогда и возникло выражение *устроить ходынку* — в смысле устроить давку, сутолоку. А в 1905 году в Санкт-Петербурге, утром 9 января 140-тысячная толпа мужчин, женщин, стариков и детей, возглавляемая знаменитым попом Гапоном (не все, кстати, знают, что Гапон — это не имя, а фамилия), с хоругвями, иконами и портретами царя двинулась к Зимнему дворцу. Демонстранты хотели подать царю петицию о своих нуждах. Но на Дворцовой площади им перекрыла путь заградительная цепь солдат, которая открыла по толпе огонь. Это событие, расстрел мирной демонстрации, и вошло в историю под названием Кровавое воскресенье. Оно стало началом первой русской революции 1905–1907 годов.

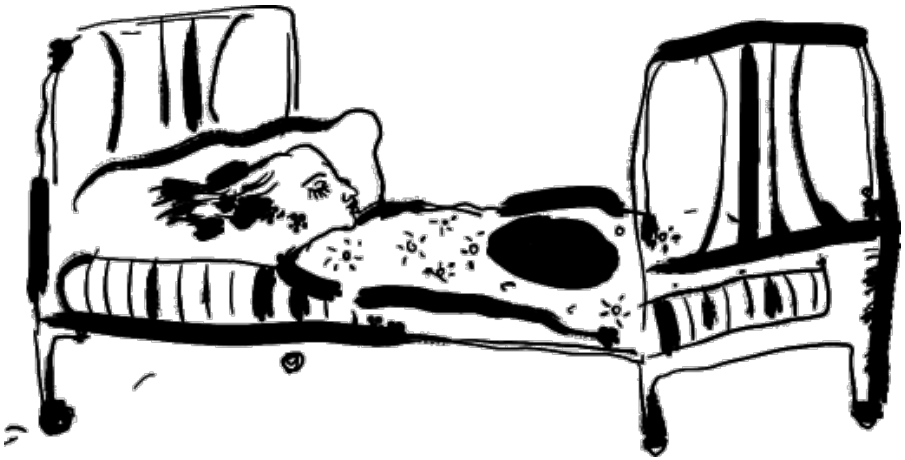
Итак, разные города: Ходынка в Москве, а Кровавое воскресенье в Петербурге. Разрыв во времени почти в десятилетие, не только разные годы, но разные века. Да и события разные — в одном случае давка, в другом — расстрел мирной демонстрации.

Наконец, разные причины: в одном случае плохая

организация торжеств, в другом, ну, о причинах революции можно рассуждать долго. И все же не случайно журналистка спутала эти два события.

Видимо, когда человек плохо знает историю, в голове у него остаются от ее изучения в школе, с одной стороны, отдельные слова и выражения, а с другой — смутные образы каких-то событий. Причем одно с другим не всегда связано. И вот Ходынка и Кровавое воскресенье объединяются в некий собирательный образ. Это гиперсобытие можно описать примерно так: в столичном городе России по вине властей произошла массовая гибель граждан, которые с мирными намерениями пришли к последнему русскому царю, царствование которого было бездарным и привело к революциям и крушению России. Для довершения сходства двух эпизодов можно упомянуть, что в обоих случаях во дворце был назначен бал, который власти не посчитали нужным ввиду печальных событий отменить.

Особое приглашение



В детективном романе Татьяны Устиновой герой, услышав в свой адрес стандартную для русского языка формулу поторапливания «А тебе что, особое приглашение нужно?», рассуждает: вот, мол, с детства удивляюсь, что за особое приглашение такое? Всем обыкновенные приглашения, а мне какое-то необыкновенное?

Да нет, на самом деле ничего такого: просто слово *особый* имеет здесь значение «отдельный». Так же могло употребляться и слово *особенный.* Одно дело *особенный человек Рахметов,* другое — *детей посадили за особенный стол.*

А вот и пример особого приглашения — только в данном случае не предназначенного отдельно для кого-то, а исходящего отдельно от кого-то:

> Получив приглашение ехать в Киев от братьи — Владимира Мстиславича, Рюрика и Давыда Ростиславичей, также особое приглашение от киевлян и особое от черных клобуков, Мстислав отправил немедленно в Киев племянника Василька Ярополчича с своим тиуном
>
> *(С. М. Соловьев, «История России с древнейших времен»).*

Другой характерный случай — выражение *кровь с молоком.* По тому, как его обычно произносят (с эмфазой на слове *кровь,* а часто с эдаким раскатистым *ррр,* да еще и энергично сжав кулак), слышно, что воспринимают это выражение сейчас в том смысле,

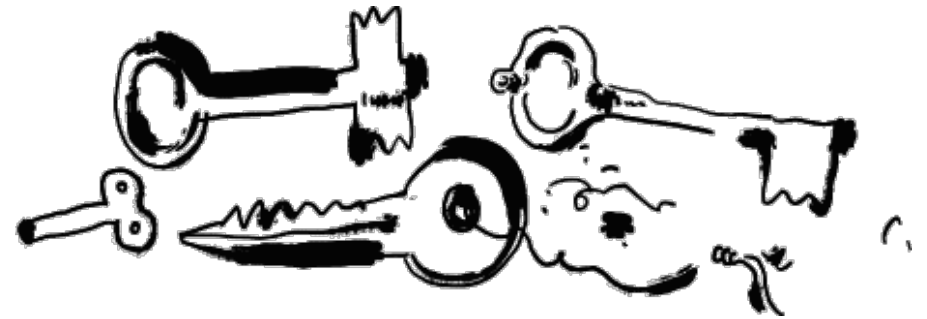
что вот, мол, какой здоровый — прямо кровь у него пополам с молоком.

Да вот примеры, из которых это ясно видно: «А потому что детинка был кровь с молоком, да подбавил черт горилки» (А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»), «Все пятеро — верзилы-громобои, кровь с молоком и медом, растворенная водками и наливками» (В. Пикуль, «Фаворит»). Да и я тоже думала, что в выражении подразумевается кровь пополам с молоком, пока в диалектологической экспедиции в Архангельской области не услышала в том же значении выражение *красно да бело.* Я подумала, что ведь и *кровь с молоком,* наверное, значит «румянец на белой коже» — старинный идеал красоты. Действительно, в некоторых других европейских языках есть выражение *как молоко и кровь.* Вот характерный пример из повести современника Пушкина О. Сомова:

> Внучка эта, маленькая Варя, спала всегда с старою Марфой, в особой светелке (тут весьма кстати и «особый» в значении «отдельный». — *И. Л.).* Вот когда Варе исполнилось семь лет, бабушка стала замечать диковинку невиданную: с вечера, бывало, уложит ребенка спать, как малютка умается, играя, с растрепанными волосами, с запыленным лицом; поутру старуха посмотрит — лицо у Вари чистехонько, бело и румяно, как кровь с молоком, волосы причесаны и приглажены.

Любопытно и то, как поменялась внутренняя форма выражения *в интересном положении.* Сейчас это воспринимается как указание на беременность, как пикантное положение, повод для общего внимания и пересудов. Изначально же имелось в виду прибыльное положение. Это значение было заимствовано у исходного французского прилагательного: *affaire intéressante* — выгодное дело; *acheter à un prix intéressant* — купить по сходной цене. Такое значение сохранилось у формы русского множественного числа *интересы* («это не в моих интересах»), у слова *заинтересованность* и др., а в просторечии и у самих слов *интересный, интересно.* Рабочие, торгуясь, говорят: «Нам это будет неинтересно» — невыгодно, значит. Мой коллега А. Д. Шмелев обратил внимание на то, что разные люди противоположным образом понимают выражение *играть на интерес:* половина считает, что оно значит «играть на деньги», а другая — что без денег, ради самого азарта игры.

Откуда есть-пошла русская душа?



Как часто мы слышим и читаем о «широкой русской душе», об «истинно русской бесшабашности», о том, что мы по- прежнему надеемся на русский «авось» и тому подобное. Власть таких стереотипов поразительна. Мне особенно запомнилось, как телеведущая Анэля Меркулова в одном интервью определила русский характер: «Мы можем завидовать, делать гадости, поджигать, грабить, убивать друг друга, но в горе объединиться, вместе опуститься вниз и подняться до невероятных высот» (МК, 12.10.95). Вот спрашивается, если мы убиваем друг друга, то это не горе? И куда еще ниже можно вместе спуститься? А поубивав и ограбив друг друга, до каких зияющих высот мы должны подняться?

Разумеется, многие люди воспринимают высказывания о национальном характере примерно так же, как описания, скажем, козерогов в гороскопах, или как рассуждения о том, что брюнетки темпераментные, блондинки глупые и т. п. Тем не менее, национальные стереотипы тиражируются массовой культурой, воспроизводятся в анекдотах и т. п. А политики и рекламщики зачастую сознательно пытаются их обыгрывать.

Кажется, что этот облик русского человека — удалого, широкого и душевного, склонного к безудержному веселью и загулу, переходящему в тоску, существовал искони. Его черты закреплены в языке, в частности в отдельных словах. О таких словах мы с соавторами написали в книжке «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2005). Некоторые русские слова — например, *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость, обида, попрек, собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, заодно* мы называем «ключевыми» словами русской языковой картины мира, потому что они дают ключ к ее пониманию. Они лингвоспецифичны, так как содержат в своем значении концептуальные конфигурации, отсутствующие в

готовом виде в других языках (в книжке проводится сравнение с наиболее распространенными языками Западной Европы). Направление исследований, представленное в книге, в значительной степени восходит к идеям Анны Вежбицкой.

Так что же, «русская душа» — это и вправду наследие далеких предков? Между тем само представление о нации как некой коллективной личности, обладающей, подобно отдельному человеку, своим особым характером, появляется в культуре достаточно поздно — во второй половине XVIII в., в философии Гердера, с одной стороны, и Руссо (сочетание *национальный характер* впервые встречается у него) и других идеологов французской революции — с другой. Так, И. Г. Гердер, немецкий писатель-просветитель, философ и собиратель народной поэзии, создал теорию народной поэзии как выражения духовной жизни и «нравов» народа. В 1773 при участии Гете был опубликован целый сборник «О немецком характере и искусстве», где Гердер опубликовал «Отрывок из переписки об Оссиане и песнях древних народов», ставший литературным манифестом «Бури и натиска». Между прочим, это сейчас нам кажется вполне естественным интерес к фольклору, никто не возмущается, даже когда диссертации пишутся о таких его «низких» жанрах, как анекдоты. А ведь когда-то вообще не было идеи, что собирание и изучение народных песен для чего-то нужно и что в них что-то там отражается. Идеи Гердера были в России весьма популярны, особенно в кружке Н. М. Карамзина. Гердер писал и о славянах, так что русские гердерианцы свой народ, вероятно, воспринимали отчасти сквозь призму высказываний Гердера. В конце XVIII — начале XIX вв. концепция нации как целостной личности, единство которой основано на кровном родстве и закреплено общностью обычаев и языка, продолжала активно развиваться в немецкой философии, например у Ф. Шлегеля. А об увлечении немецкой романтической философией в России что и говорить.

Популярные в Европе идеи в то время попадали в Россию практически немедленно и интенсивно обсуждались. Уже в 1783 г. Д. И. Фонвизин на страницах «Собеседника любителей российского слова» задает Екатерине II вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» — Ответ: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». Ответ этот свидетельствует скорее об отсутствии в тот момент устойчивого культурного стереотипа. Однако работа над его созданием продолжалась.

Одним из первых текстов этого рода является, по-видимому, следующий фрагмент из «Путешествия из Петербурга в Москву»

А. Н. Радищева (1790 г.):

> Лошади меня мчат; извощик мой затянул песню по обыкновению заунывную. Кто знает голоса руских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь душевную означающее. <…> Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разогнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случиться не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обагренной кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской.

Нельзя не заметить, что сам образ русского человека, нарисованный Радищевым, очень близок к представлению, бытующему и теперь. Но с современной точки зрения этот текст выглядит как обратный перевод с какого-то иностранного языка. Дело в том, что в современном русском языке все эти смыслы устойчиво выражаются другими словами: *тоска, удаль, загул* и т. д. Так это было уже в языке Пушкина: хрестоматийное четверостишье из стихотворения «Зимняя дорога» (1826 г.) по содержанию поразительно похоже на приведенное рассуждение Радищева: «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска…»

Пожалуй, можно сказать, что весь круг соответствующих стереотипов был сформулирован уже в программной статье Н. Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», опубликованной в 1836 г. в «Телескопе», и дожил до сегодняшнего дня практически без изменений. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть, например, в многочисленные сочинения Н. Бердяева о русской душе, или в «Заметки о русском» Д. С. Лихачева. Надеждин, в частности, писал:

> Да и что такое Европа — Европа? Наше отечество, по своей беспредельной обширности, простирающейся чрез целые три части света, наше отечество имеет полное право быть особенною, самобытною, самостоятельною частью вселенной. Ему ли считать для себя честью быть примкнутым к Европе, к этой частичке земли, которой не достанет на иную из его губерний?

Как тут не вспомнить хрестоматийное *равняется четырем Франциям!*

Нам в каком-то смысле повезло. В отличие от многих европейских языков, интенсивное формирование современного литературного русского языка замечательным образом хронологически совпало с формированием национального самосознания. Отсюда две важных особенности русской культурно-языковой ситуации. Во-первых, стереотипы «национального характера» выражены в русском языке особенно ярко: ведь они складывались в период, когда язык, обычно весьма консервативный, был пластичен и готов к закреплению новых смыслов. Во-вторых, русской культуре и до сих пор свойственна повышенная языковая рефлексия и представление о непереводимости русских слов и понятий. Изучение истории труднопереводимых русских слов показывает, что они напитывались культурной спецификой в основном на протяжении XIX века.

Итак, культурный миф русского национального характера начал складываться в конце XVIII в., а лексическое оформление для него было найдено несколько позже, но к 30-м годам XIX в. оно уже было вполне устойчивым. Далее этот культурный стереотип был существенно обогащен во второй половине XIX в., и ключевую роль сыграли здесь тексты Достоевского. Чего стоит одно слово *надрыв* (в психологическом смысле), которое тоже вовсе не «из глубины веков», а из романа «Братья Карамазовы». Между прочим, если раньше переводчики романа ограничивались примечаниями по поводу этого слова, автор нового немецкого перевода и вовсе оставила слово *nadryv* как есть, пояснив: если уж слово *перестройка* не переводится, то о *надрыве* что и говорить.

«Достоевский надрыв»

У Льва Лосева есть стихотворение, в котором он перечисляет постылые приметы безумной русской жизни. Среди прочего там говорится: *И еще он сказал, распаляясь: / «Не люблю этих пьяных ночей, / Покаянную искренность пьяниц, / Достоевский надрыв стукачей, / Эту водочку, эти грибочки…»*

Слово *надрыв* принадлежит к числу наиболее емких, выразительных, укорененных в русской культуре и потому плохо поддающихся переводу. В этом слове, помимо идеи напряжения всех сил, есть и некое мазохистское самолюбование, и истерическая исповедальность.

Вероятно, *душевный надрыв* связан с представлением о надрывном, нутряном кашле и с пониманием *надрыва* как прорехи. Внешняя оболочка расползается, сквозь прореху зияет нутро, и окружающие смущенно отводят глаза.

Слово *надрыв* описывает неконтролируемый эмоциональный выплеск и/или выражение форсированных, искусственных эмоций. В первом случае человек просто извлекает на свет слишком глубоко запрятанные, интимные чувства, с пугающей откровенностью обнажая то, чему надлежит оставаться сокровенным. Во втором — человек так успешно предается самокопанию, что может найти в своей душе то, чего в ней вовсе или почти нет. Поэтому *с надрывом* часто выражаются мнимые, непомерно преувеличенные или искаженные чувства, что граничит либо с фальшью, либо с гротеском.

Лев Лосев, говоря о *достоевском надрыве,* прав не только в том отношении, что пьяная исповедь стукача — это именно то, что очень естественно назвать достоевщиной, но еще и в том, что

само слово *надрыв* — достоевское слово, из «Братьев Карамазовых» (одна из частей романа так и называется «Надрывы»).

Герои все время твердят: «Надрыв, надрыв», особенно когда обсуждают вымученную, надуманную, истерически- жертвенную страсть Катерины Ивановны к Мите Карамазову. Появление у позднего Достоевского, на закате эпохи так называемого шестидесятничества, понятия *надрыва* весьма знаменательно. Слово найдено — и слово, звучащее отнюдь не апологетически. Обобщив и отрефлектировав симптоматику надрыва, Достоевский в некотором смысле вывел одну из фундаментальных категорий поведения и мышления русского разночинца.

Одной из ценностей дворянской культуры, отвергнутой разночинцами, было то, что можно назвать внешним лоском, или хорошими манерами, или comme il faut, или светскостью, или дендизмом, а отсутствие оного — вульгарностью или дурным тоном. Толстой в «Юности» выразительно описал мироощущение юного дворянина, для которого лучше умереть, чем оказаться не comme il faut. Разночинцы увидели в этом поверхностность и фальшь и противопоставили условностям, канону культ искренности и глубины. Особенностью разночинской поведенческой модели стала гремучая смесь безудержной откровенности с романтической патетикой и тягой к «безднам», столь знакомая тому, кто когда-либо читал письма Белинского Бакунину, дневники Чернышевского или другие документы внутренней жизни людей этого социально-психологического типа.

Возвращаясь к теме кашля, вспомним и чахотку — разночинскую болезнь. Чахоточный надрывный кашель — как нельзя более подходящее обрамление для «кашля души» — надрывных признаний в «стыдной» и «гадкой» правде о себе.

Яркой чертой культивируемой разночинцами эстетики надрыва явилось демонстративное пьянство. Конечно, пили и дворяне. Но теперь на смену гусарскому кутежу и пьяному буйству в духе Дениса Давыдова пришел пьяный надрыв и пьяный кураж. Как известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: алкогольное опьянение — замечательная мотивировка отказа от сдержанности в выражении своих чувств. Этот отказ становился фактом культуры, омут алкоголизма — синонимом душевной глубины.

Никогда уже больше такой тип поведения не имел столь высокого культурного статуса. Очень скоро он выродился в пародию на себя, однако до сих пор сохраняет по старой памяти претензию на духовные искания. Этот русский дискурс замечательно воспроизвел Вен. Ерофеев: «А потом кричу: „Ты хоть

душу-то любишь во мне? Душу — любишь?“ А он все трясется и чернеет: „Сердцем, — орет, — сердцем — да, сердцем люблю твою душу, но душою — нет, не люблю!“» XX век сообщил слову *надрыв* новую интонацию. В нем появилось эстетическое измерение. Для Достоевского надрыв был еще интересен и эстетически привлекателен, хотя и чреват неправдой. Сейчас он обычно оценивается как безвкусица. «Вы любите Андреева?» — «Нет, — с характерной для него афористичностью формулирует свою позицию Довлатов. — Он пышный и с надрывом».

Осторожно, пошлость!

В свое время Пушкин сетовал по поводу английского слова *vulgar:* «Люблю я очень это слово, / Но не могу перевести. / Оно у нас покамест ново, / И вряд ли быть ему в чести». Однако теперь оно отлично переводится русским словом *вульгарный.* Мало того, с тех пор для выражения похожей эстетической оценки стало активно употребляться еще и слово *пошлый,* во времена Пушкина имевшее несколько иное значение. И теперь, наоборот, русское слово *пошлость,* как утверждает Набоков, трудно объяснить иностранцу.

— *Как это вульгарно!* или — *О Боже, что за пошлятина!* — морщит нос человек «со вкусом» по поводу самых разных вещей: фильма, абажура, предвыборного выступления, женского кокетства, анекдота, монографии, манеры вести себя за столом или отвечать по телефону. В пошлых анекдотах встречаются вульгарные выражения, а вульгаризаторы имеют обыкновение опошлять научные концепции.

В основе представления о *вульгарном* и *пошлом* лежит одна и та же идея — идея обыкновенности, расхожести. И *вульгарность,* и *пошлость* присущи толпе или, как любил говорить Пушкин, *черни.*

Представления о хорошем вкусе и о вкусе черни, конечно, разные у разных эпох, социальных групп, да и просто у разных людей. Легко себе представить двух дам, пришедших в некое собрание, одна — в вечернем туалете, а другая — в джинсах и свитере, и каждая на этом основании считает другую *вульгарной.*

Салтыков-Щедрин и Чехов когда-то клеймили *пошлость,* имея в виду подлую обыденность, которая подобно зловонному болоту засасывает человека, постепенно убивая в нем высокие устремления, прекрасные мечты. Потом обличение мещанского уюта (особенно досталось канарейкам и гераням, отвлекающим человека от движения к светлому будущему) стало обычным в советской литературе. Окуджаве кричали: «Осторожно, пошлость!», потому что многих раздражали непривычная

будничность его интонации и «мелкотемье». Однако если взглянуть на жизнь иначе — глазами Булгакова с его кремовыми шторами, глазами Розанова с его вареньем, то представляется чудовищной пошлостью презрение к живой, теплой и милой обыденности во имя мертвых высокопарных фраз. Для Маяковского пошлость сродни мещанству, а Кибиров зовет быть мещанами (хотя понимает, что это трудно), явно считая жуткой пошлятиной весь «романтизм развитой, и реальный, и зрелый».

И все же, хотя понятия *вульгарного* и *пошлого,* с одной стороны, близки, а с другой — трудноопределимы, между ними есть ощутимые различия. Ярко-красный лак для ногтей больше рискует быть названным вульгарным, а бледно-розовый — пошлым.

Вульгарность может быть самобытной и по-своему привлекательной. В одной статье о соблазнах вульгарности М. Ямпольский привел слова Брехта: «Великое искусство всегда немного вульгарно». К этому можно добавить то, что есть тип женщин, которым присуще особое обаяние вульгарности, и тип мужчин, весьма падких на это обаяние. В *пошлости* же очарования совсем нет. Это нечто серое и унылое. *Пошлость* — скорее не соблазн, а зараза.

Вульгарность — понятие в какой-то степени социальное. *Вульгарным* человек называет то, в чем он опознает вкус той социальной группы, над которой он поднялся, от которой хочет дистанцироваться, но которая, возможно, втайне привлекает его, потому что для него она олицетворяет народ.

Пошлость — понятие чисто эстетическое и, может быть, столь же всеобъемлющее, как понятие прекрасного. Это слово выражает самую убийственную эстетическую оценку, какая есть в русском языке. Пошлое гораздо хуже безобразного. Безобразное контрастирует с прекрасным, тем самым только подтверждая наше представление о красоте. Пошлость компрометирует прекрасное, потому что обычно подражает ему, а пародия иногда лишь неуловимо отличается от оригинала. Но пошлость убивает в каждом явлении то, что составляет его сокровенный смысл, и поэтому она невыносимо оскорбительна для вкуса.

Стеснительность

У моего коллеги и соавтора по исследованиям о русской душе или, говоря научно, русской языковой картине мира, А. Шмелева, есть любимая мысль. Мысль такая: чтобы обнаружить важные для данного языка и данной культуры смыслы, нужно обращать внимание в первую очередь не на то, что прокламируется, а на то, что полагается само собою разумеющимся и запихивается в разного рода пресуппозиции, рамки, исходные предположения и пр. К мысли прилагается любимый пример: из речения *Любовь зла, полюбишь и козла* мало что можно заключить о месте института любви в соответствующей культуре, зато можно с полной уверенностью утверждать, что козел в ней почитается животным малосимпатичным. Тут вся соль в этом *и: и козла,* то есть *даже козла.* Значение частицы примерно такое: от данного объекта, козла то есть, чего-то подобного можно было ожидать в наименьшей степени.

И правда: человек может заявлять сегодня одно, а завтра другое, причем в обоих случаях неискренне. А какая-нибудь мелкая пресуппозиция-то и выдаст, что для него является ценностью на самом деле.

Все эти соображения, как пишут в художественной литературе, вихрем пронеслись в моей голове, когда я увидела в магазине чудесный плакат: *Не стесняйтесь предъявлять бонусную карту перед покупкой.* Это напомнило мне сцену из фильма Киры Муратовой, где девушка рассказывает, что вот дома она как наварит борща да как наестся, а в столовую придет, деньги заплатит, а есть не может. *Почему?* — спрашивают ее. — *Стесняюсь.*

Но как трогательно: автор плаката исходит из того, что вообще-то ожидать разного рода копеечных скидок и бонусов — это мелко и немного стыдно. Западло, проще говоря. Потому призывает этот стыд отринуть. И читателям плаката призыв понятен. Ведь не написали же: *Не стесняйтесь примерять обувь перед покупкой* или там *Не стесняйтесь платить наличными, Не стесняйтесь оформлять кредит.* А написали бы — это выглядело бы совершенно загадочно. При этом легко себе представить культуру, в которой снимание туфель воспринимается как очень интимная процедура, поэтому публичная примерка обуви вызывает затруднения. Или, скажем, культуру, в которой так постыдно признаться в нехватке денег, что обратиться за кредитом к чужому человеку, да еще для приобретения не жизненно необходимой вещи, морально тяжело. Для нас же ни босоногость, ни признание ограниченности собственных финансовых ресурсов не являются культурными табу. Зато у нас другое.

Как известно, в русской языковой картине мира одобряются *широта, размах* и *бескорыстие* и не приветствуются *мелочность* и *крохоборство.* Само слово *выгода* окрашено слегка отрицательно, а уж о сочетании *грошовая выгода* что и говорить.

Но ведь трех- или пятипроцентные скидочные карточки, кредитные карты Cash Back (один процент с каждой покупки обратно на счет), начисляемые за каждую покупку бонусы и очки — это и есть та самая грошовая выгода. Сейчас все это хлынуло в нашу жизнь, и нельзя сказать, что не имеет успеха. Впрочем, кажется, что людьми движет тут скорее не страсть к экономии, а охотничий азарт.

Однако оказывается, что отчасти нами владеют еще старые стереотипы. Кое-где у нас порой людям кажется, что достать из широких штанин карточку, чтобы получить скидку или бонус 2 %, как-то *неудобно. Неловко. Да ну, не стоит.* Или во всяком случае кто-то думает, что людям *неловко.* Поэтому дружелюбно подбадривает: *Не стесняйтесь!*

Гостеприимство головой об стенку

В пору работы над синонимическим словарем я обратила внимание на то, сколько в русском языке слов на тему гостеприимства: *гостеприимство, радушие, хлебосольство*… *Радушие* указывает, в первую очередь, на любезность и приветливость по отношению к гостям. Это скорее черта поведения, чем состояние души. *Радушие* может быть и не вполне искренним, показным. В слове *гостеприимство* на первом плане — готовность впустить чужого человека в свой дом или даже предоставить ему кров. Для *гостеприимного* человека его дом не крепость, а место, куда он рад пригласить гостей. Гость для него не обуза, а подарок. Наиболее специфичное качество обозначается словом *хлебосольство.*

Хлебосольный хозяин любит *потчевать* своих гостей, искренне радуясь, когда они едят много и с удовольствием. Вот, кстати и слово *потчевать* — замечательное и труднопереводимое.

Вообще оказывается, что все это отлично вписывается в русскую языковую картину мира, о чем мы неоднократно писали с А. Шмелевым. *Хлебосольство* согласуется с представлением о *широте* русской души, о любви к *размаху* и нелюбви к мелочности. *Гостеприимство* и *радушие* могут быть присущи самым разным народам, но странно было бы говорить о *грузинском* или *итальянском хлебосольстве. Хлебосольство* обычно бывает *русским* или *украинским.* Чаще всего *хлебосольство* упоминается как сугубо московская черта. Она играет важную роль в традиционном для русской культуры противопоставлении

Москвы и Петербурга (даже само сочетание *петербургское хлебосольство* звучало бы странно).

Да и слово *потчевать* весьма характерно — эта наступательная теплота, от всей души и с полным отсутствием представления о чужой личной сфере, так что доходит часто до «Демьяновой ухи».

Впрочем, с семантическими, а тем более с этнокультурными исследованиями связана одна трудность. Тут наши рассуждения могут быть сколь угодно убедительными, но едва ли по-настоящему доказательными. И найдется кто-то, кто встанет в позу Станиславского и скажет: «Не верю!» Всегда можно заявить, что исследователь, мол, находится в плену собственных культурных стереотипов и «вчитывает» в слово то, чего в нем вовсе нет. А в океане Интернета на любое утверждение о слове легко выловить парочку контрпримеров. Поэтому так приятно бывает получить своего рода привет издалека — скажем, похожий вывод, только сделанный на другом материале, в другой науке, в другое время.

И вот недавно я неожиданно получила такой привет. Я читала книгу знаменитого сиониста Жаботинского «Пятеро» — роман об Одессе начала XX в., в центре повествования там колоритное еврейское семейство.

Книга написана в 1936 г. по-русски, и замечательная филологическая одаренность автора видна на каждой странице. И вот что я там вычитала:

> В жизни я, ни до того, ни после, не видал такого гостеприимного дома. Это не было русское гостеприимство, активно-радушное, милости просим. Тут скорее приходилось припомнить слово из обряда еврейской Пасхи: «всякий, кому угодно, да придет и ест». После я узнал, что Игнац Альбертович выражал эту же мысль формулой на языке своего житомирского детства, и это была одна из его любимых поговорок: «А гаст? мит-н коп ин ванд!», т. е. открой ему, гостю, двери на звонок, скажи: вот стулья, а вот чай и сдобные булочки: и больше ничего, не потчуй его, не заботься о нем, пусть делает, что угодно — «хоть головой об стенку». Должен признаться, что это и в самом деле помогало гостям сразу чувствовать себя, как дома.

Жаботинский — человек другого времени, совсем другого контекста, вообще к русской культуре относившийся довольно прохладно, а вот поди ж ты — начинает рассуждать о русском гостеприимстве, и сразу картинка получается «правильная»: эта

обволакивающая душевность *(активно-радушное,* как он пишет, гостеприимство), это напористое угощение — *потчевание.* Слово *хлебосольство,* правда, не фигурирует, но слово *потчевать* тут как тут. Особенно ценно, что в фокусе внимания находится здесь не русское гостеприимство, а еврейское, русское же привлекается лишь для сравнения, и свойства его полагаются очевидными.

Но как чудесен этот еврейский способ выражения, когда словесная форма несет лишь ничтожную часть смысла! Можно ли догадаться, что формула: «Гость? Головой об стенку!» выражает крайнюю степень гостеприимства?

В словах сказано так мало и даже совсем не то, все же остальное: и про сдобные булочки, и «хоть», — все это, видимо, должно передаваться интонацией, мимикой, жестикуляцией или просто подразумеваться. Вспоминаются многочисленные анекдоты, которые невозможно передать на письме, ну там, как старый еврей получил телеграмму от сына и возмущается: «Вот наглец, пишет: *Папа, пришли деньги!* Неужели нельзя было просто написать: *Папа, пришли деньги?»*

И помнил, хоть и без греха

Лирические отступления

Один мой коллега говаривал, что когда человек цитирует с ошибками, это даже хорошо, интеллигентно: сразу видно, что по памяти.

По-моему, это хорошо и еще в одном отношении. Ошибаясь в цитате, человек часто невольно редактирует цитируемого автора в соответствии со своими представлениями о разумном и прекрасном и тем выдает себя с головой. Вот, к примеру, знаменитые строки Есенина из стихотворения «Мы теперь уходим понемногу…»:

> И на этой на земле угрюмой
> Счастлив тем, что я дышал и жил.
> Счастлив тем, что целовал я женщин,
> Мял цветы, валялся на траве,
> И зверье, как братьев наших меньших,
> Никогда не бил по голове.

Как раз мой вышенеуказанный коллега по какому-то поводу процитировал эти строки в таком виде:

> Счастлив тем, что целовал я женщин
> [в этой части содержание счастья редактированию не подвергалось],
> Пил вино, катался по траве…

Нетрудно заметить, что здесь мы имеем дело не просто с

заменой запамятованного слова на аналогичное. У Есенина шла речь о тихой радости и умилении, а в цитате получились буйство и разгул.

Это я все вот к чему.

Как-то раз в подмосковной резиденции главы российского государства (тогда им был Путин) в Ново-Огареве состоялась первая встреча президентов России и Франции в рамках визита Николя Саркози в Москву. В ходе встречи произошел примечательный диалог. Французский президент сказал, что хотел бы понять Россию.

«У нас есть очень известное стихотворение на этот счет, — ответил Путин. — Не знаю, как переводчик переведет, но на-русском оно весьма убедительно: „Умом Россию не понять. Аршином общим не измерить. У ней особенная стать. В Россию нужно просто верить“». С большим чувством, надо сказать, продекламировал. И в глаза посмотрел со значением. Конечно, убедительно — в особенности в новой редакции. Тютчев-то мямлил: *в Россию можно только верить*.

Казалось бы, разница небольшая: *можно только* или *нужно просто*. Ан нет, разница существенная.

Ну насчет *можно* или *нужно* — так у Путина давно не различаются эти две модальности. Многие помнят, как в 2004 году, представляя Касьянова, он сказал: «В моем положении действующего президента и одновременно кандидата в президенты России, я могу, а значит, считаю, обязан, познакомить общественность России с человеком, которого буду предлагать в качестве председателя правительства».

Не знаю, как там перевел переводчик, не слышно было, но в Интернете нашлось несколько вариантов перевода тютчевского текста. Вот один из них:

> On ne peut pas comprendre la Russie par la voie de la raison,
> On ne peut pas la mesurer,
> Elle a un caractere particulier,
> On ne peut que croire en elle!

Здесь интересно, что по-французски модальность возможности (а не долженствования) видна еще более ясно, ведь русские инфинитивные конструкции *не понять, не измерить* тоже переведены конструкцией с глаголом *pouvoir* — мочь. Так что получается: невозможно понять, невозможно измерить, возможно только верить.

А замена *только* на *просто* еще более замечательна. *Только* — частица, которая в традиционных грамматиках называется

ограничительной, она указывает на единственность данного варианта. Имеется в виду, что Россия не может быть понята рационально и единственный путь — это вера.

А частица *просто* выражает идею некоторой редукции, отсечения того, что не является необходимым *(Ехать не обязательно, просто позвони; Не стирала, а просто почистила щеткой)*.

Таким образом, вместо идеи непостижимости России (со всеми вытекающими: загадочная русская душа, третий путь, далее везде) возникает отказ объясняться.

Да ты чё, брателло, не парься — просто поверь, отвечаю. В общем, как говорится, «Just say yes».

Цитирую по памяти

Есть расхожие цитаты, которые так часто фигурируют в искаженном виде, что само это искажение становится фактом культуры. Пример — начало четвертой главы «Евгения Онегина»: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей». Очень многие люди считают, что там написано: «Тем больше нравимся мы ей».

Это, казалось бы, незначительное искажение страшно вульгаризирует мысль Пушкина. Получается, Пушкин считал, что женщины любят, чтобы их обижали, всячески демонстрировали им свое пренебрежение. Было бы ужасно, если бы это было так: в этом случае взаимная любовь была бы вообще невозможна. И Пушкин, конечно, так не считал.

> Чем меньше женщину мы любим,
> Тем легче нравимся мы ей
> И тем ее вернее губим
> Средь обольстительных сетей.

Пушкин говорит здесь о науке обольщения. Когда обольститель пытается уловить понравившуюся ему женщину в свои сети, пуская в ход тонкие комплименты, томные взгляды, лживые клятвы, внезапное безразличие и так далее, то все эти ухищрения лучше удаются, если за ними не стоит подлинное глубокое чувство. Онегину наскучила вся эта наука, надоело вечное лицемерие, и потому он был «живо тронут» искренностью письма Татьяны.

На еще более яркий случай искажения пушкинской цитаты обратил внимание замечательный математик и лингвист

В. А. Успенский. Практически все, даже филологи, помнят известную фразу Пушкина, о том, что его угораздило родиться в России — дальше все помнят именно в таком виде — *с умом и талантом.*

Между тем, 18 мая 1836 года в письме жене из Москвы в Петербург Пушкин писал: «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом». Итак, на самом деле не *с умом и талантом,* а *с душой и талантом. С умом и талантом* — это эдакое горе от ума, скорее про Чацкого. Пушкин же говорил о том, как тяжела грубая российская действительность для человека, способного чувствовать.

Успенский так комментирует эту подмену в общественном сознании души умом: «В высказывании Пушкина речь идет о как бы неуместности в России некоторых качеств. Российский менталитет готов согласиться, что уму, возможно, действительно, естественнее пребывать в Германии, а таланту — в Италии, но не может поверить, что Пушкин намекал на неприкаянность в России души. <…> Уж чего-чего, а души, душевности и духовности у нас хоть отбавляй». Разумеется, причина искажения именно в этом. Можно только добавить вот что.

Это сейчас сказать о неуместности в России *души* — все равно что сказать о неуместности в России *тоски, удали, воли* или невозможности жить в России *на авось.* Действительно, с душой именно в России и родиться. Так и говорят — *русская душа, русская бесшабашность, русская удаль.* Ведь не скажешь *французская душа* или *английская удаль.*

В общем, мы говорим «душа» — подразумеваем «Россия», ну и соответственно. Однако в пушкинское время *душа* еще не превратилась в русский бренд, и слова о непригодности России для человека с душой вовсе не звучали как парадокс.

Коварные цикады

Одна моя коллега как-то возмущалась тем, что журналисты страшно злоупотребляют стихотворными цитатами. Ну почему, говорила она, если заметка о том, что молодой артист дебютировал на сцене Пензенского драматического театра, то она обязательно будет называться «Гул затих. Я вышел на подмостки»?

Иногда такая любовь к цитатам приводит к разнообразным казусам. Вот недоброй памяти АО МММ. Его рекламный слоган звучал красиво: *Из тени в свет перелетая*… А когда пирамида рухнула, некоторые разоренные вкладчики догадались почитать стихотворение Арсения Тарковского «Бабочка в госпитальном саду», из которого эта строка. Там, в частности, написано:

Она клянется: навсегда! —
Не держит слова никогда,
Она едва до двух считает,
Не понимает ничего,
Из целой азбуки читает
Две гласных буквы —
А и О.
А имя бабочки — рисунок,
Нельзя произнести его…

Мистика какая-то. Кажется, поэт уже в 1946-м году все знал — даже про буквы А и О (АО, то есть акционерное общество) и имя — рисунок (МММ, действительно, больше похоже не на слово, а просто на зигзаг). А возможно, это строители пирамиды мило подшутили над будущими жертвами, заранее предупредив их обо всем.

Неувязочка с цитатой произошла, когда появилась черномырдинское движение «Наш дом — Россия». Поначалу оно

вышло на выборы под лозунгом «Если дорог тебе твой дом» (и портрет задумчивого Черномырдина, сложившего руки масонским домиком). Авторы рекламной кампании явно слышали где-то эту цитату, но не удосужились узнать, откуда она. Скандал не замедлил разразиться — ведь это начало хрестоматийного военного стихотворения К. Симонова с красноречивым названием «Убей его» (собственно, Симонов зарифмовал текст, принадлежащий перу Эренбурга):

Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед.
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.

И далее:

Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будут ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Сейчас-то, возможно, подобные ассоциации партстроителей и не смутили бы. Но тогда этот тренинг по ненависти казался совершенно неуместным. Подумать только, на дворе эпоха примирения и согласия, а движение, которое собирается «обустраивать Россию», вдруг — убей его! Одно слово — скандал. Девиз скоро заменили.

Подобные истории тем более удивительны, что с появлением Интернета нахождение источника цитаты (ну, разумеется, не любой, но уж такой-то — конечно, со всеми возможными оговорками, с поправкой на то, что в Интернете тоже случаются странные вещи) стало делом нескольких минут, если не секунд. Вот тут недавно в телепередаче модная писательница лирически рассказывала: она, мол, когда-то давно прочитала одно стихотворение, не помнит чье, и так всю жизнь его и повторяет: *Я бы хотела жить с вами в маленьком городе* — и далее довольно близко к тексту. Ну не помнит и не помнит, в конце концов, это даже не из школьной программы. Но просто раз уж любимое — Яндекс ведь дает ссылку на Цветаеву одной из первых, если

банально набрать в поисковой строке: *хотела жить маленьком городе.*

Иногда теряешься в догадках: это автор так шутит или правда не знает контекста? Вот одно время по телевидению шла реклама пельменей, в которой есть цитата из довольно известного неприличного анекдота. А поскольку это реклама пельменей, то люди, которые знают этот анекдот, услышав рекламу, просто давятся. И уж пельменей этих они точно в рот не возьмут! Текст про пельмени был такой:

> Во-первых, это красиво,
> а главное, на вкус бесподобно.[1]

Субчик-голубчик

На одном высоком совещании в Новочеркасске произошел курьезный диалог. Докладчик из города Снежинска обратился к тогдашнему президенту Путину: «Большое спасибо, Владимир Владимирович. Женщины поддержали ваш апрельский тезис о повышении рождаемости. И не только женщины. Мы у себя ночью запретили торговать спиртным, и мужчины поняли, что есть другой объект, которым можно заниматься вплотную». «Вплотную — в прямом смысле слова», — в свойственной ему манере пошутил Путин. А потом поправил товарища: «Но то, что вы сказали, это не объект, не предмет. То, что вы назвали предметом, это равноценный субъект демографической программы». В общем, *просто мы на крыльях носим то, что носят на руках.*

Максима насчет субъекта демографической программы, что бы она ни значила, скроена по очевидному образцу: «Народ — не объект истории, а ее субъект». А вообще у слова *субъект* в русском языке судьба непростая.

Как смешно актер Эраст Гарин в старом фильме «Свадьба» произносит эту чеховскую фразу: «Я не субъект какой- нибудь, у меня тоже в душе свой жанр есть!» Нам смешно еще и потому, что

герой несколько неуместно употребляет слово *субъект* (в смысле *субчик, подозрительная личность)*. Ну, как если бы, доказывая, что он выгодный жених, сказал: *Я не хмырь какой-нибудь!*

А ведь у Чехова в этой фразе говорится не про *субчика* или *хмыря.* У слова *субъект* в XIX в. было такое странное на современный слух значение — «пациент» или «объект». В медицинских контекстах постоянно встречаются примеры типа: «Александр Матвеич, интересный субъект! — говорят они, запыхавшись, — сейчас привезли, чрезвычайно редкое осложнение» (Н. Г. Чернышевский. Что делать?). А употребления слова *субъект* в соответствии с современным *объект* вообще едва ли не самые типичные для второй половины XIX в. У Достоевского читаем: «Зачем же я тогда вам так понадобился? Ведь вы же около меня ухаживали?» — «Да просто как любопытный субъект для наблюдения» (Преступление и наказание). Распространением этого типа словоупотребления русский язык, видимо, обязан моде на естественно-научную атрибутику, столь хорошо известную нам по «Отцам и детям». И у Чехова фраза *Я не субъект какой-нибудь* — не про пустое тщеславие, а про самозащиту маленького человека. Классический мотив русской классической литературы: да, я маленький человек, но не предмет, не объект, не вещь, не страдательное лицо — у меня есть душа.

Сейчас употребление слова *субъект* в значении «объект» — то есть почти противоположном современному — вызывает недоумение. Между тем возникновение такого значения вполне объяснимо. Мы просто слишком привыкли к противопоставлению *субъект* vs *объект,* а есть столь же естественное противопоставление *субъект* vs *предикат.* В логико-грамматической традиции *субъект* понимается как то, о чем речь, как то, чему приписываются определенные свойства. Роль его в суждении, таким образом, в определенном смысле пассивная. В русских переводах грамматической терминологии это представление проявляется очень выпукло: *подлежащее* — то, что *подлежит* (в отличие от *сказуемого,* то есть говоримого). Слово *подлежать,* даже в большей степени, чем исходное латинское *подбросить,* указывает на страдательную роль и провоцирует соответствующую метафору *субъекта* как подлежащего не только обсуждению, но и исследованию — а затем и просто воздействию.

Практически с самого начала бытования слова *субъект* на русской почве у него прослеживаются эти конкурирующие значения: *субъект* как *объект* и *субъект* как противоположность *объекта.* Так, у А. Д. Михельсона («30000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с объяснением их корней», М., 1866)

читаем: «Субъект — лат. subjectum, от subjecere, подвергать. Предмет, подлежащий действию другого». А практически одновременно с этим в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» Ф. Толя (СПб., 1863–1864) *субъект* определяется как «лицо действующее, говорящее» и отмечается, что он «противополагается объекту».

В XX в. *субъект*-объект был уже полностью вытеснен *субъектом* — противоположностью *объекта.* Носители литературного языка уже, видимо, не столь массово владели логической терминологией и, соответственно, пара *субъект — предикат* не была столь напрашивающейся. Не всем стала очевидной внутренняя форма латинского слова *subjectum* и связь слова *субъект* с русским *подлежащее.* В то же время пара *субъект — объект* легко воспринимается в силу того, что для любого человека ясно, что там явно один корень, но разные приставки. Да кроме того, существительное *субъект* «подравнялось» под прилагательное *субъективный,* а укрепление контрастной пары *субъект — объект* обусловлено активным функционированием контрастной пары *субъективный — объективный.*

О преемственности

Как-то по телевизору показывали вечер юмора. Я вообще-то юмористические передачи не люблю, но, прежде чем переключить, я успела услышать, что чествуют Жванецкого. И что — цитата — «все мы *выросли* из Жванецкого, как русская литература из гоголевской шинели». Действительно, существует расхожая фраза о русских писателях: «Все мы *вышли* из „Шинели“ Гоголя». Тут есть один нюанс. «Все мы *вышли* из „Шинели“» означает, что гоголевское произведение столь велико и неисчерпаемо, что идей и образов хватило для многих произведений других писателей. А что же получается в том варианте, который прозвучал в передаче? Что, мол, русская литература *выросла* из гоголевской «Шинели»? Например, говорят: «Из этой статьи может вырасти большая книга». То есть статья содержит только зачатки, которые сулят появление книги. Так и гоголевская «Шинель» — если доработать, может, что путное и получится. И вот представим себе, Жванецкого поздравляют так: «Вы, дорогой Михал Михалыч, это мы в зародыше. Мы, великие, выросли из вас, маленького». Не очень-то лестно, если вдуматься.

Фразу «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя» обыкновенно приписывают Достоевскому. Но люди, прочесывающие в поисках этой цитаты полное собрание сочинений Достоевского, ничего не обнаруживают. Это такая же ситуация, как с цитатой «У России две беды — дороги и дураки». Все знают, что это Гоголь, но у Гоголя этого нет.

А с фразой про «Шинель» получилось вот что: в 1887 году в России вышла книга «Современные русские писатели. Толстой — Тургенев — Достоевский», принадлежащая перу французского критика Эжена Вогюэ, который сыграл огромную роль в

знакомстве Запада с русской классической литературой. Из этой книги фраза о «Шинели» и стала широко известна. Говорил ли Достоевский когда-либо что-то подобное, никто не знает. Собственно, у Вогюэ во французском тексте говорится, что так сказал *один писатель,* а уж переводчик «уточнил»: да Достоевский, больше некому. Это выяснил еще в 1968 году советский литературовед С. А. Рейсер, сопоставив перевод с оригиналом.

Трудно сказать, по какой причине, но фразочка прижилась. Сейчас она превратилась в журналистское клише — эдакую универсальную формулу преемственности.

Писатель-фантаст Ник Перумов говорит: «Мы все вышли из шинели Стругацких, другое дело, куда мы после этого направились». «Мы вышли из шинели и литинститута», — вторит ему другой писатель. Литературой дело не ограничивается: петербургский музыковед Владимир Фейертаг, говоря о джазе, замечает: «Все мы вышли из шинели Миллера». А его же лекция о саксофоне озаглавлена «Все мы вышли из шинели Паркера». Григорий Ревзин, описывая выставку, посвященную главному архитектуру брежневской эпохи Посохину, формулирует так: «Все они как бы вышли из шинели Посохина и теперь вернулись в лоно этой суконной матери». Эдвард Радзинский считает николаевскую эпоху концентрированным выражением российской истории: «Все мы вышли из шинели Николая — не Васильевича, а Павловича». А у другого автора читаем: «Все адвокаты вышли из шинели Александра II». Даже европейские футбольные тренеры, оказывается, признаются, что вышли из «шинели Лобановского».

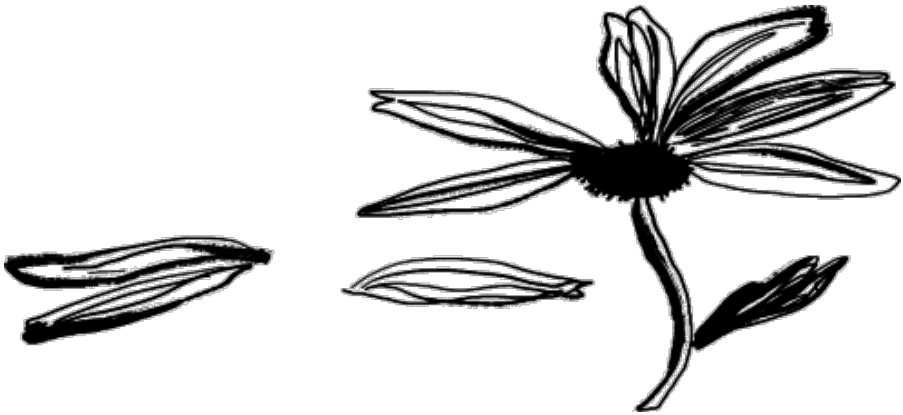
А уж что говорить про политику! Вот только несколько цитат из разных газет и радиопередач: «Илюхин хочет показать, что режим Путина вышел из шинели Ельцина»; «Но выдержит ли эта конструкция подспудно назревающий конфликт с Кремлем? Точнее — с той частью политэлиты, которая вышла из шинели ФСБ и борется с бизнесом за место под экономическим солнцем?»; «Итак, нам за 5 минут позвонило 1802 человека, и из них все-таки 75 % считают, что президент Путин, скорее, вышел из шинели Дзержинского, чем из пальто Собчака»; «Это вряд ли реально сделать при сохранении у власти большинства нынешних лидеров СНГ, особенно тех, что вышли из шинели ЦК КПСС».

Даже туркменские аналитики выражаются так: «Такова, вероятно, судьба оппозиционеров, вышедших из шинели власти, вначале они соратники с президентом, потом они томятся в неволе и тайно умирают».

А в заключение — цитата из стихотворения Игоря Иртеньева об автомате Калашникова:

Достигла высшей меры цели
Твоя душа,
Поскольку вышла из «Шинели»
И «Калаша».

Не русский не язык



Как-то раз я слушала доклад замечательного лингвиста А. Б. Пеньковского «О тайных смыслах стихотворения в прозе Тургенева „Русский язык“». Ну, все помнят: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Докладчик, человек уже очень пожилой, начал с детского воспоминания. Однажды ему было поручено прочитать на школьном празднике этот самый «Русский язык». Он добросовестно все выучил, отрепетировал и продекламировал. Учительница погладила его по головке и сказала: «Все хорошо, только в последней фразе ты вставил лишнее *не.* Ты сказал *Нельзя НЕ верить».*

Мальчик был потрясен: как он, отличник, все выучив и сто раз повторив, все-таки мог так ужасно ошибиться? Недоумение осталось у него на всю жизнь и в конце концов привело к написанию научной работы об этом произведении.

«Русский язык» Тургенева — произведение не просто хрестоматийное, а хрестоматийнейшее из хрестоматийных. Оно висело во всех кабинетах русского языка во всех школах Советского Союза, оно было напечатано на задней обложке тетрадей в линейку, оно было раздергано на цитаты. Такая хрестоматийность вообще-то вредит пониманию текста. Можно сказать, что карьера у этого произведения блестящая, а судьба грустная. А ведь это своего рода завещание Тургенева.

«Русский язык» был написан в 1882 году. Вскоре писатель умер, и «Русский язык» был последним произведением Тургенева,

которое автор успел увидеть напечатанным. Перед смертью Тургенев оказался в крайне тяжелых обстоятельствах — и личных и всех прочих. Настроение у него было соответствующим. В России в это время обстановка, после убийства Александра II, тоже была весьма мрачная. О свойствах русского языка и русского народа Тургенев думал давно.

Еще в письме 1859 г. он говорил, что в русском языке есть *честность, простота, свобода* и *сила* — а в народе этих четырех качеств нет. Но в языке они есть, значит, будут и в народе.

Это было написано в 1859-м, в 1861-м освободили крестьян, а к 80-м Тургенев был уже очень разочарован и настроен пессимистически.

Но вернемся к тексту «Русского языка». Почему он заканчивается такой корявой фразой: *Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу? Нельзя верить, верить чтобы… Нельзя… не был дан* — все здесь как-то не по-русски. На эту корявость обращали внимание многие читатели. Ведь мы просто знаем, что должно быть тут сказано: великий язык, великий народ. Но попробуем построить другую фразу по этой модели: *Нельзя верить, чтобы Петров не был замешан в преступлении.* Так был он замешан или нет — сразу и не разберешь. Теперь ясно, почему тургеневский текст так часто цитируют с ошибкой, вставляя лишнее отрицание — *нельзя НЕ верить…* А то я еще слышала с пафосом произнесенную иначе перевранную цитату: *нельзя верить, чтобы такой язык не был дан НЕ великому народу.* Иными словами, такой язык мог быть дан только завалящему народу. Просто тургеневская фраза сама по себе очень мутная.

И это Тургенев — писатель, у которого не найдешь слова, которое не было бы идеально подогнано к своему месту (тут я на всякий случай пересчитала отрицания). Пеньковский еще сказал, что для современников эта фраза звучала несколько по-французски, а ведь Тургенев яростно боролся с галлицизмами — конструкциями, возникшими в русском языке под влиянием французского.

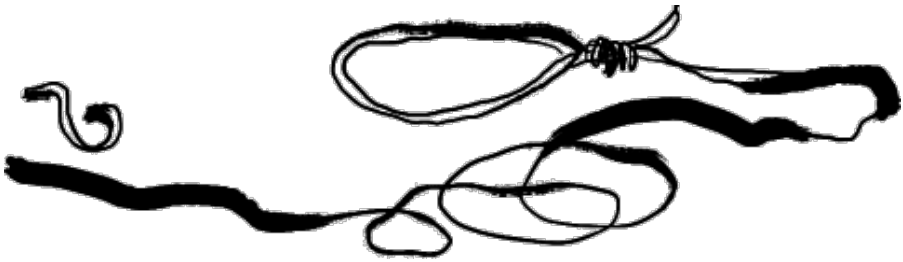
Прочтем еще раз: *Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины… — как не впасть в отчаяние… Нельзя верить…* Почему верить? Кто-то считает, что русский народ не великий? С кем спорит Тургенев? Не иначе с самим собой.

Смысл всего текста такой: все плохо, будущее ужасно, и если за что и можно схватиться, как за соломинку, то только за чудесный русский язык.

Стихотворение начитается с *сомнения.* И заканчивает его

Тургенев фразой, весь ломаный синтаксис которой это сомнение и выражает — вольно или невольно.

Не задушишь, не убьешь!



В холле детского сада красочно оформленный стенд. Его необходимый элемент, естественно, составляют типовые речения, которые используются как подписи к фотографиям, заголовки и т. п. Фонд таких общеизвестных клише — часть культуры. Тут, естественно, и *Друзья, прекрасен наш союз!* Интересно, что это клише бытует именно в такой форме, а не как у Пушкина — *Друзья мои, прекрасен наш союз!* Правда, сам Пушкин предлагал оставить четырехстопный ямб *мальчикам в забаву*. Вот и сделали из пятистопного ямба четырехстопный — в забаву мальчикам и девочкам. Действительно, эта фраза давно превратилась в универсальный лозунг, пригодный для любого детского учреждения. Пушкин-наше-всё в действии.

Рядышком еще одно навязшее в зубах речение:

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.

Тоже клише, предназначенное для того, чтобы взгляд по нему скользил, не задерживаясь. Но что-то меня зацепило, и я вгляделась повнимательнее.

Этот лозунг венчает фотографию, на которой сидят детки, подобранные так, чтобы обеспечивалось максимальное разнообразие этнических типов. Так, хорошо. Тогда вспомним, откуда цитата.

Текст и впрямь знаменитый — «Гимн демократической молодежи мира». Это в котором припев:

Песню дружбы запевает молодежь,
Молодежь, молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Не убьешь! Не убьешь!

Бродский в «Представлении» на эту самую песню ссылается:

> Что попишешь? Молодежь.
> Не задушишь, не убьешь.

Песня была написана поэтом Львом Ошаниным и композитором Анатолием Новиковым в качестве музыкальной эмблемы Всемирного фестиваля молодежи и студентов и впервые исполнена в Праге 25 июля 1947 года, в день открытия первого Фестиваля.

На эти фестивали приезжали не только делегации из соцстран, но и представители левых, иногда слегка экстремистских, молодежных организаций из капстран. Текст гимна, между прочим, звучит местами весьма воинственно.

Оно, конечно, песня дружбы, но: *Кровью праведной, алой / Наша дружба навек скреплена.* Или вот:

> Молодыми сердцами
> Повторяем мы клятвы слова.
> Поднимаем мы знамя
> За священные наши права!
> Снова черные силы
> Роют миру могилу, —
> Каждый, кто честен,
> Встань с нами вместе
> Против огня войны!

Так что девиз первого фестиваля «Молодежь, объединяйся, вперед к будущему миру!» вызывает ассоциации с *такой борьбой за мир, что камня на камне не останется,* а также с другой известной шуткой: «Нам нужен мир. Весь мир». А уж в 1949 году в Будапеште девиз Фестиваля уточнили: «Молодежь, объединяйся, вперед к будущему миру, демократии, национальной независимости и лучшему будущему для людей», и оставим на совести авторов вопрос о том, каким образом борьба за национальную независимость приближает нас к будущему миру.

Но вернемся к первым строкам гимна — *Дети разных народов, / Мы мечтою о мире живем. Дети разных народов* — это в данном случае люди вполне призывного возраста, которые в эти трудные годы идут бороться за счастье и за свои священные права и которых вид алой праведной крови не должен смущать. *Разные народы* понимаются тут, конечно, не в этническом, а в государственном смысле — ну примерно как *пролетарии всех*

стран. А *мечта о мире* не исключает здесь призыва к классовой борьбе и реализации права наций на самоопределение. Сейчас вся эта агрессивная борьба за мир, честно говоря, не особо актуальна.

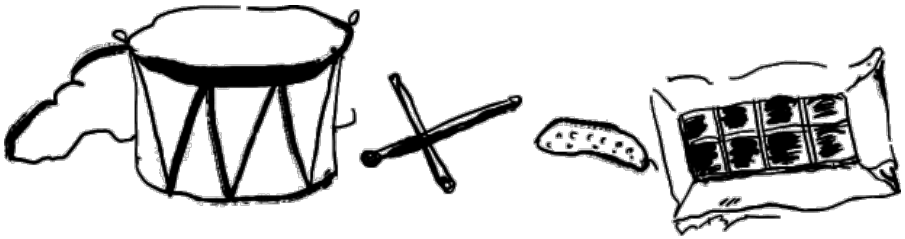
И вот те же самые слова: *Дети разных народов, / Мы мечтою о мире живем* — попадают на детсадовский стенд. И что получается? *Дети* — это и правда дети, малыши. *Разные народы* — это, как теперь принято выражаться, и коренные, и некоренные национальности. А *мечта о мире* обретает вполне ясное содержание: чтобы не было контртеррористических операций в форме ковровых бомбардировок, и борьбы с нелегальной иммиграцией в форме тоже понятно какой, и вообще понятно чего.

Это, конечно, мелочь, но в этой истории реализуется, по-моему, очень важный культурный механизм.

Меняются времена, цели и ценности. И что делать с фондом затертых клише, оставшимся от прошлой эпохи? Выбросить, забыть, отказаться от всех старых штампов, ждать, пока наработаются новые? Но это путь очень травматичный.

Я помню, в начале Перестройки, когда в Москве был бум переименований, я придумала дешевый способ переименования. Можно улицу Вавилова переименовать в улицу Вавилова, только при этом считать, что теперь имеется в виду не Вавилов Сергей Иванович, а его незаконно репрессированный брат Вавилов Николай Иванович. Нечто подобное постоянно происходит в языке и культуре. Словесная оболочка сохраняется, а содержание незаметно подменяется. Кое-что, конечно, не пригодится (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить), вроде *кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных.* Но не выбрасывать же из языка половину слов и выражений — в том числе *детей* и *мир?*

Местный колорит



В Москве по-прежнему говорят *подъезд,* а в Петербурге *парадная,* в Москве *белый хлеб,* а в Петербурге *булка.* Кое-какие различия исчезают (телевизор-то у всех один), зато другие появляются. Например, в Москве кусочки поджаренного на вертеле мяса в лепешке называют *шаурма́,* а в Петербурге — *шаве́рма.* На Невском, правда, я видела одно заведение, которое называлось «Шаурма». Глобализация, однако.

Локальные различия лучше сохраняются в детском фольклоре — он ведь передается только из уст в уста и почти не попадает в средства массовой информации. Кроме того, дети обычно живут на одном и том же месте и путешествуют меньше взрослых. А во взрослом состоянии детский фольклор практически уже не усваивается, да и подзабывается. Поэтому он консервативен.

Мне рассказали интересную историю. Все знают выражение *жадина-говядина.* Но вот продолжение этой дразнилки разные люди говорят по-разному. Кто-то, заинтересовавшись этим феноменом, провел большой опрос в Интернете, и вот что оказалось. Москвичи, согласно результатам этого опроса, дразнятся так: *Жадина-говядина, турецкий барабан, кто на нем играет? Петька (Мишка, Васька) таракан.* Петербуржцы дразнят жадин иначе: *Жадина-говядина, пустая шоколадина.* А на остальной территории России распространена соврем другая дразнилка для жадин: *Жадина-говядина, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест.* Конечно, эти дразнилки, как и любые фольклорные тексты, имеют несколько разные варианты, кроме того, есть некоторое количество авторских вариаций на ту же тему, однако в целом картина такова.

Сама я, когда меня опросили, чуть не опрокинула всю науку. Коллега предложил продолжить про *жадину-говядину,* и я сначала сказала *пустая шоколадина,* чем страшно его изумила.

«А Вы в Москве родились?» — подозрительно спросил он. «В роддоме Грауэрмана на Арбате», — говорю. Но тут я добавила, что еще знаю про *жадину-говядину-турецкий-барабан.* — «Ну

какой для Вас основной вариант?» Я честно ответила, что одинаково. Но когда мне объяснили про Москву и Петербург, я сказала, что все сходится. Я действительно родилась в Москве, но моя мама была ленинградка, и в детстве я много времени проводила у бабушки в Ленинграде.

Потом я обнаружила еще один яркий вариант этой дразнилки: «Жадина-говядина жареный пупок». Этот *жареный пупок* меня, конечно, заинтриговал. Оказалось, что есть еще считалка: «Шиндыр-мындыр, лопупындыр, Лопупындыр, шиндыр-мындыр, Шиндыр-мындыр, лопупок, Вышел жареный пупок!» Этот же *жареный пупок,* да еще *от акулы,* упоминается в песне из репертуара барда Константина Беляева «Случай на именинах у Лёвы»:

> Там было угощенье: варенье и печенье,
> От акулы жареный пупок,
> Соловьиные яички, две общипанные птички
> И морковки вареный шматок.

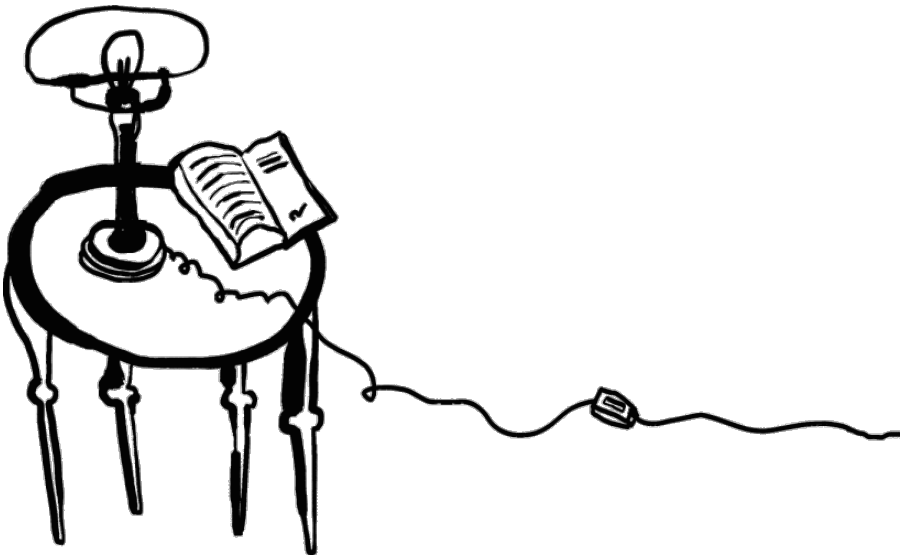
В словаре Даля находится, в частности, такое значение слова *пупок:* «Рыбьи пупки, тёжка, тонкая и жирная полоса вдоль, снизу». То есть, *От акулы жареный пупок* — это вовсе не нечто несуществующее, типа птичьего молока, как я сначала подумала.

В некоторых словарях есть еще и зоологическое значение слова *пупок:* «Нижняя мускульная часть желудка птиц. / Как часть потрохов». Впрочем, в старых текстах на кулинарные темы находятся не только куриные и утиные, но особенно часто и заячьи пупки. Уже в «Домострое», составленном в XVII веке, читаем: «С Пасхи в мясоед подают: лебедей, потроха лебяжьи, журавлей, цапель, уток, тетеревов, рябчиков, почки заячьи на вертеле, кур соленых, баранину соленую да баранину печеную, куриный бульон, крутую кашу, — зайчатину соленую, заячьи пупки, кур жареных, жаворонков, — зайчатину заливную, свинину да ветчину…» Список я сильно сократила.

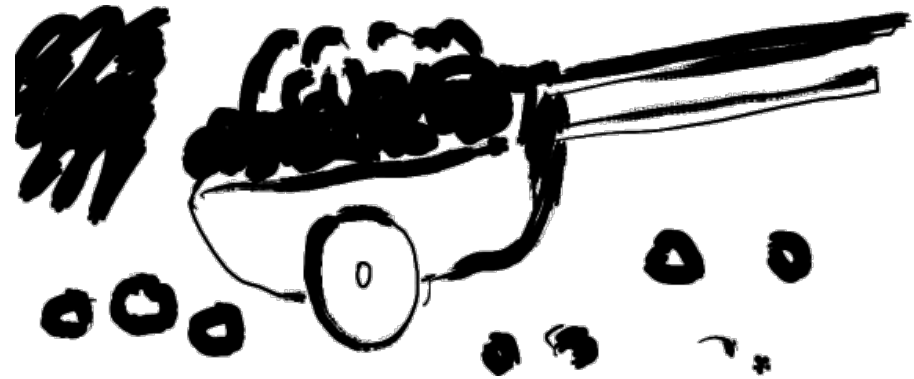
Так что, оказывается, *жареный пупок* в детских считалках и дразнилках — это вовсе не какая-то ерунда, как *пустая шоколадина.* Хотя, собственно, почему ерунда? *Пустая шоколадина* — это киндер-сюрприз.

Во всей этой истории больше всего меня развеселила такая деталь. Яндекс на запрос *жареный пупок* среди прочего выдал цитату: *Журналисты надрывают пупок в погоне за жареными фактами.*

Такая история



Во глубине сибирских руд



Как ни трудно себе это представить, у Пушкина не встречается слово *декабрист.* Весьма вероятно, что он и не слышал его никогда. Странно подумать, что Пестель с Рылеевым погибли, так и не узнав, что были *декабристами.* А когда, собственно, возникло слово *декабристы?* Ясно, что позже восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, но когда? Я хорошо помню, что этот простой вопрос пришел мне в голову всего несколько лет назад, в Иркутске, в Музее декабристов. Удивительно, но до того я как-то об этом не задумывалась.

Писательница Лариса Васильева в книге «Жены русской короны» утверждает, что слово это придумала императрица Мария Федоровна, жена, вернее, к тому времени уже вдова Павла Первого:

> За всю жизнь Мария Федоровна не научилась более или менее сносно говорить по-русски, хотя очень старалась. Но она была афористична, метка на слово, и если уж припечатывала кого, то на века.
>
> — Тоже мне, декабристы! — сказала она вечером 14 декабря 1825 года, когда ей было уже ясно, что Николай победил.

Такая гипотеза кажется мне крайне неправдоподобной с лингвистической точки зрения. Представим себе, что, скажем, в пятницу произошла попытка переворота, а в субботу мы говорим: «Вчера пятничники выступили с заявлением». Припечатываем, так сказать. Это очень странно и непонятно, здесь нет никакого образа, в основе наименования лежит простая смежность. А фразу *Тоже мне, декабристы!* можно сказать разве что по отношению к каким-то другим людям, которые тоже, как и дворянские революционеры, что-то такое сделали в декабре — тогда, когда

само это слово было давно известно.

Иное дело, когда нужно выбрать кому-то собственное имя: это делается произвольно, и часто именно по принципу смежности. Робинзон назвал своего компаньона Пятницей, поскольку тот появился в пятницу. По этому же принципу часто придумываются фамилии для подкидышей. А здесь — если бы Мария Федоровна хотела «припечатать», она бы скорее сказала, например: «Тоже мне, революционеры».

На мой взгляд, предположение, что слово *декабристы* возникло позже, в качестве сокращения выражения «осужденные по делу 14 декабря», выглядит куда более правдоподобно. Кстати, другое аналогичное русское слово — *октябристы* — тоже возникло как замена сочетания «члены партии „Союз 17 октября“».

Идентификация разного рода объектов, событий и институций часто так и происходит — при помощи номеров, дат и т. п.: *Третье отделение, Первый отдел, пятый пункт.* Часто фигурируют и названия месяцев: *Апрельские тезисы, Февральская революция, Октябрьская революция,* или *Октябрьский переворот* (это как кому нравится), или просто *Октябрь, Августовский путч.*

Так повелось, что главным кодовым словом для обозначения событий на Сенатской площади в декабре 1825 г. стало слово *декабрь.* Возможно, начало этой традиции положил Николай I своим эвфемистичеким выражением «мои друзья 14 декабря». Поэтому появление слова *декабрист* вполне естественно.

Чаще всего считают, что слово придумал Герцен, впервые употребив его в некрологе о декабристе Якушкине, опубликованном в «Колоколе» 1 ноября 1857 г. А С. А. Рейсер в свое время обнаружил, что впервые Герцен использует это слово уже в дневнике в 1842 г., причем без пояснений.

Но, например, в одной статье М. В. Нечкиной сообщается поразительный факт: в 1849 г. в Петропавловской крепости арестованный по делу петрашевцев отставной поручик, сибирский золотопромышленник Рафаил Александрович Черносвитов давал письменные показания следственной комиссии. В них, в частности, сказано: «Случилось говорить мне о государственных преступниках в Сибири, сосланных по 14 декабря, их вообще в Сибири называют декабристами» (показательно, что он считает необходимым такое пояснение, предполагая, что в столицах слова могут не знать). Значит, если верить свидетельству Черносвитова — а он долго жил в Сибири и хорошо ее знал, — то получается, что по крайней мере в 40-е годы слово *декабристы* там уже существовало. Скорее всего, оно вовсе не было придумано Герценом, а пришло из живой сибирской речи, а уж потом через

статьи Герцена стало известно широкой публике.

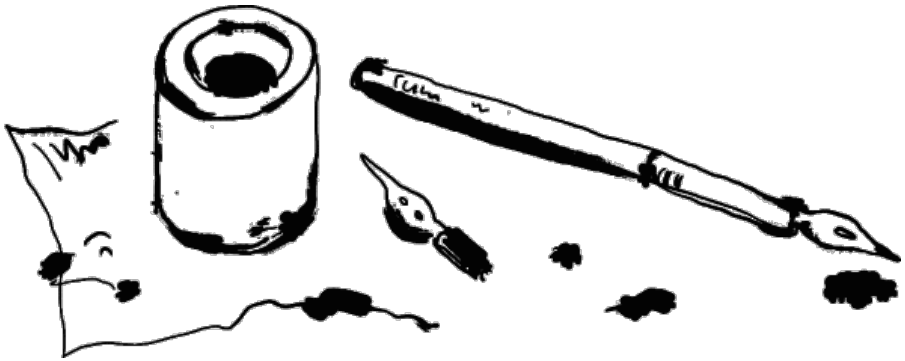
Действительно, в Сибирь прибыли сотни людей, осужденных по делу о восстании на Сенатской площади. Их много раз перемещали из одного места заключения или ссылки в другое, условия их содержания менялись, к некоторым приезжали жены и невесты, у многих были влиятельные родственники, которые стремились облегчить участь осужденных. В общем, узники это были непростые. Можно представить себе, какой огромной официальной и неофициальной перепиской все это сопровождалось и как активно обсуждалось в устных беседах. Ясно, что было необходимо какое-то неформальное наименование всей этой массы людей — тем более, что это был и определенный типаж. Собственно, версия, что источником слова *декабрист* был профессиональный жаргон сибирской администрации, возникла еще в 20-е годы XX века. Об этом писал С. Я. Штрайх.

Подобные внутренние наименования возникают мгновенно и быстро становятся привычными для людей, которые связаны с соответствующей сферой жизни. Из истории XX в. можно вспомнить слово *указницы* (осужденные по указу 1940 г. за самовольное оставление места работы или по указу 1947 г. об усилении борьбы с хищениями и др.). Конечно, широкой общественности такие полужаргонные слова становятся известными обычно благодаря писателям. Но Евгения Гинзбург (автор «Крутого маршрута») очень удивилась бы, если бы кто-то приписал ей честь изобретения слова *указница.* Точно так же, думаю, удивился бы и Герцен, если бы узнал, что он якобы слово *декабристы* придумал. По всей вероятности, он его узнал, осмыслил, написал на щите и ввел в общий литературный язык. Сами бывшие декабристы по-разному относились к этому слову. Некоторые, как Лунин и Якушкин, считали, что *декабристами* нужно называть только тех, кто был на площади. Другие, как Александр Поджио или Свистунов, настаивали на обобщающем значении слова *декабристы.* Именно в таком смысле это слово и стал использовать разбуженный этими самыми декабристами Герцен.

Причем возникло слово в недрах пенитенциарной системы, вероятно, вскоре после самих событий, а вот стало актуальным для общества тогда, когда после смерти Николая I узники начали массово возвращаться из Сибири и стали заметным общественным явлением (как и после смерти Сталина начали возвращаться из небытия жертвы репрессий). Мне кажется, источник слова был тогда настолько очевиден, что и не нуждался в пояснениях. А потом история забылась, так и не оставив следов. И слово *декабристы* стало восприниматься как нечто само собой

разумеющееся и неотделимое от событий того дня, когда, как писал Тынянов, «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой».

Провалы в памяти



Несколько лет назад на вступительном тесте по русскому языку в одном из московских вузов абитуриентам предлагалось определить, является ли слово *советский* историзмом или архаизмом. Напомню, что историзмы и архаизмы — это две разновидности устаревших слов.

Историзмы — это слова, которые устарели потому, что вышли из употребления обозначаемые ими предметы (например, *латы, кольчуга).* Архаизмы же устарели сами по себе, соответствующий объект или явление мы теперь называем иначе — например, говорим не *кручина,* а *грусть* или *тоска.* Слово *советский,* конечно, ближе к историзмам, чем к архаизмам, но вообще-то авторы вопроса поторопились: это слово все-таки еще не устарело.

Но действительно, историзмы — это не только такие слова, как *кольчуга* и *латы,* но и такие, которые еще 20–30 лет назад были совершенно обычными, а теперь молодежь их без исторического комментария не понимает. Вот несколько строф из стихотворения Марины Бородицкой — московской поэтессы и переводчицы:

Встаньте, кто помнит чернильницу-непроливайку,
Светлый пенал из дощечек и дальше по списку:
Кеды китайские, с белой каемочкой майку,
И промокашку, и вставочку, и перочистку.

Финские снежные, в синих обложках тетради,
День, когда всем принести самописки велели,
Как перочистки сшивали, усердия ради,
С пуговкой посередине, — и пачкать жалели.

Встаньте, кто помнит стаканчик за семь и за десять,

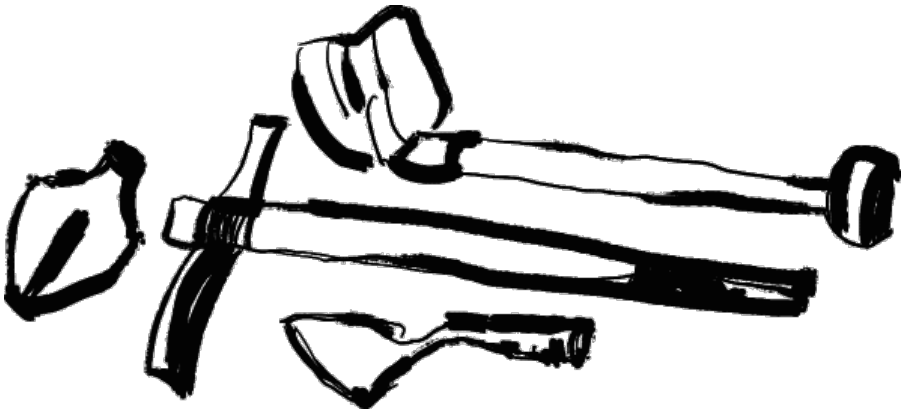
Пар над тележками уличных сиплых кудесниц, —
С дедом однажды мы в скверике при Моссовете
Сгрызли по три эскимо, холоднейших на свете.

Например, перочистки я отлично помню (мы тоже в первом классе их сшивали из нескольких кружочков плотной ткани), а для нынешних школьников это нечто гораздо более экзотическое, чем кольчуга. Шариковые ручки тогда только-только начали появляться и казались совершеннейшим чудом. Их привозили из редких заграничных поездок, а в школе писать ими запрещалось: мол, почерк портится. А вот слова *самописка* в моей собственной жизни не было. Я его знаю откуда-то. Например, в фильме «Пять вечеров» старательную студентку называют «самописка-вечное-перо», но я лично никакими самописками не писала, только ручками — перьевыми и шариковыми. Кстати, удивляет меня в этом стихотворении соседство *вставочки* и *Моссовета. Вставочка* в значении ручка — не московское слово, а ленинградское. Так говорила и моя ленинградская бабушка, а меня в детстве это забавляло. Может быть, у Марины Бородицкой тоже была ленинградская бабушка? Кстати, и финских тетрадей я что-то не помню. Или они продавались в СССР короткое время и я их не застала, или это тоже питерская деталь. Мороженое в стаканчике за семь копеек я хорошо помню, а вот за десять — в моем детстве такого не было. Было за девять.

Мы — к счастью или к несчастью — живем в эпоху больших перемен, а в такие времена стремительно устаревают целые пласты лексики. Нашим детям нужно уже объяснять, кто такие *кандидаты нерушимого блока коммунистов и беспартийных* и что такое *продуктовый заказ*. Впрочем, не стоит забывать, что исчезнувшие было слова могут опять стать общеупотребительными.

Я хорошо помню историю с бабушкой моей подруги Лены Шмелевой. Дело было в конце 80-х — время голодное, тогда как раз ввели талоны на сахар и водку, визитные карточки москвича и другие радости, с которыми мы в Москве на нашем веку до этого не сталкивались. Бабушка была уже очень старенькая и, как многие старики, забывала то, что было несколько часов назад, но ясно помнила то, что было во времена ее молодости. Однажды Лена растерянно говорит ей: «Бабушка, сахара нет, талоны не отоварили». Старушка не затруднилась с ответом: «Но ведь можно купить в коммерческом магазине!»

День рождения Захара Кузьмича



Как-то раз я смотрела телепередачу «Следствие вели». Речь в ней шла о сложных взаимоотношениях криминальных авторитетов с Советской властью. В частности, рассказывалось, как некто Натан Френкель, находясь в лагере, написал письмо Сталину, в котором предложил использовать на стройках социализма даровой труд заключенных. Френкеля срочно доставили в кабинет Сталина. Дальше такой текст: «Вождь народов одобрил план зэка». И далее: «Услышав слово *товарищ,* Френкель понял, что он уже бывший зэк».

Тут вот что интересно. По версии авторов, Френкель придумал бизнес-план, из которого вырос Беломорканал, а потом и другие подобные стройки. То есть разговор происходит, когда никакого Беломорканала еще нет.

Между тем само слово *зэк* возникло из сокращения *з/к (зэка) — заключенный каналоармеец.* Так что Беломор едва ли мог быть задуман *бывшим зэком.* Это примерно то же, что древняя монета с надписью: *такой-то год до нашей эры.* Или что *декабристы организовали Северное и Южное общество.*

Беломорско-Балтийский канал им. Сталина соединил Белое море с Онежским озером. Он был построен вручную силами 175 тыс. заключенных. Строительство было начато в сентябре 1931 и закончено к 1 мая 1933 года. Как известно, по Беломорканалу совершили прогулку на пароходе 120 писателей во главе с Горьким. Результатом поездки стала печально знаменитая книга «Канал имени Сталина», где воспевалась перековка строителей-заключенных работниками ОГПУ. Книга вышла в 1934 году, и в ней, в частности, излагается легенда о возникновении слова *каналоармеец.* В марте 1932 стройку посетил Микоян. К нему якобы обратился начальник ГУЛАГа:

— Товарищ Микоян, как их называть? Сказать «товарищ» — еще не время. Заключенный — обидно. Лагерник — бесцветно. Вот я и придумал слово — «каналоармеец». Как вы смотрите?

— Что ж, это правильно. Они у вас каналоармейцы, — сказал Микоян.

Надо же, *обидно.* Какие нежности.

Но определение *заключенный* при слове *каналоармеец* в документах все-таки сохранялось, отсюда и сокращение *з/к.* Народ расшифровывал его по-своему: *Захар Кузьмич* (по той же модели образованы *Софья Власьевна* и *Георгий Борисович)* или *заполярные комсомольцы.*

В последнем варианте — явный намек на попытки официальной пропаганды выдать рабский труд за бурление энтузиазма. Вроде даже появилась в какой-то момент у этой аббревиатуры обновленная официальная расшифровка — *заключенный контингент.*

Но в общем-то, конечно, и вариант *зэк (зек)* и даже вариант *зэка* со временем стали связываться просто со словом *заключенный.* Хотя реально возникнуть сокращение *з/к* из этого слова едва ли могло. Представим себе, например, что слово *сотрудник* кто-то сократил бы как *с/т* или слово *рабочий* — как *р/б.* Вряд ли. Тем более с этой косой чертой.

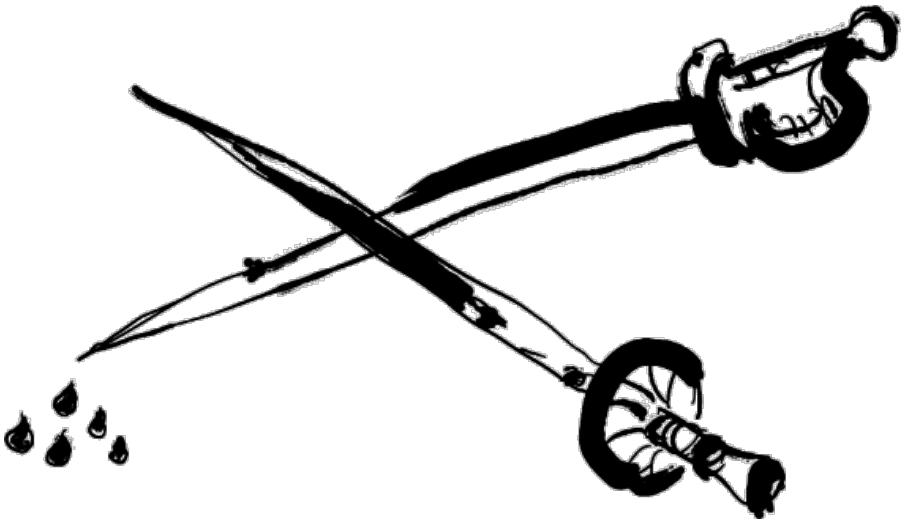
Правда, Солженицын в «Архипелаге», а следом за ним и некоторые словари предлагают именно такую версию:

Два слова о самом термине зэки. До 1934 года официальный термин был «лишённые свободы». <…> Но с 1934 года термин сменили на «заключённые» <…>. Сокращённо стали писать: для единственного числа з/к (зэ-ка́), для множественного — з/к з/к (зэ-ка зэ-ка).

Заметим, однако, что и в этом случае слово возникло позже Беломора, не ранее 1934 г. Хотя у Солженицына есть примечание, что кто-то вроде слышал слово *зэк* еще в 1931 году.

Тем не менее, с бывшим зэком Френкелем и его остроумной придумкой, скорее всего, получился легкий анахронизм.

Единство времени



Как-то раз я смотрела телепередачу «Преступление в стиле модерн», в которой историк Лев Лурье рассказывал об одном эпизоде российской истории начала XX века. Речь шла о конфликте полиции и жандармерии по поводу черносотенной организации «Союз русского народа».

Герою этой истории, почти раскрывшему серию убийств сыщику Филиппову, жандармы велят прекратить расследование. И вот автор передачи говорит: «Возникает классический конфликт драматургии — конфликт между долгом и честью».

Имеется в виду, что долг государственного служащего, состоящий в подчинении начальству, в данном случае желающему прикрыть дело против антисемитской организации, которую, как оказалось, само и поддерживало, вступает в противоречие с представлением Филиппова о личной чести. Но вот насчет классического конфликта драматургии автор слегка ошибся. На самом деле классический конфликт — не между долгом и честью, а между долгом и чувством.

Классицистическая трагедия строилась именно на таком конфликте. Так, в 1653 году во Франции была поставлена трагедия Пьера Корнеля «Сид», действие которой происходит в средневековой Испании. В центре трагедии — любовь Родриго и его невесты Химены. Отцы влюбленных ссорятся, и Родриго должен вызвать на дуэль отца Химены. Сыновний долг вступает в противоречие с любовью. Родриго произносит монолог:

Пронзен нежданною стрелой,

Что в грудь мне бросил рок,
Мой яростный гонитель,
За дело правое я выступил как мститель,
Но горестно кляну удел неправый свой
И медлю, теша дух надеждою бесцельной
Стерпеть удар смертельный.
Не ждал я, близким счастьем ослеплен,
От злой судьбы измены,
Но тут родитель мой был оскорблен,
И оскорбил его отец Химены.

(перевод Ю. Б. Корнеева)

Родриго убивает отца Химены, и теперь уже Химена разрывается между любовью и дочерним долгом. Долг здесь не противопоставлен чести, напротив, честь требует от человека, чтобы он выполнил свой долг, а поддаться чувству — значит преступить долг и тем самым поступиться честью.

Еще более наглядно реализуется конфликт чувства и долга в политической трагедии, где государственный или общественный деятель отказывается от любви во имя интересов государства, как в трагедиях Корнеля «Цинна» и «Гораций» на сюжеты из истории античного Рима.

Все это, конечно, имеет мало общего с конфликтом полиции и жандармерии.

Подмена, как это часто бывает, вызвана не только созвучием сочетаний *конфликт между долгом и честью — конфликт между долгом и чувством.* Здесь проговаривается подсознание российского интеллигента.

Дело в том, что русская интеллигенция с самого начала осознавала себя не только как социальная, но и как духовная общность. При этом интеллигенция в России всегда была более или менее оппозиционной. Она практически ни в какие моменты нашей истории не отождествляла себя с государством, а с другой стороны, имела свои отдельные отношения с народом: представление о том, в чем состоит ее долг перед русским народом и по какому пути должна идти Россия. В советское время государство и само относилось к интеллигенции подозрительно: оно ведь себя обозначало как государство рабочих и крестьян, интеллигенция в советском обществе была лишь прослойкой. Так что неприязнь интеллигенции и государства была взаимной.

Естественно поэтому, что поступление на службу к этому государству интеллигент всегда воспринимал как рискованное предприятие, чреватое конфликтом интересов. Выполнение долга

перед государством в любой момент грозило вступить в противоречие с честью русского интеллигента. Конечно, именно в этом контексте историк, автор передачи, воспринимает и положение своего героя — честного и талантливого сыщика, который хочет служить интересам России, но сталкивается с противодействием государства. Потому и память историка так услужливо искажает формулировку хрестоматийного драматургического конфликта.

Действительно, что́ там конфликт долга и чувства: кровная месть, семейная вражда, дуэль с отцом возлюбленной — все это не так уж актуально. Вот когда ты преступников ловишь, а начальство их покрывает — это драма так драма.

Символ, конечно, дерзновенный

За несколько дней до нового года мы с дочкой открыли новогодний марафон — пошли на первую в том сезоне елку. Елка, как водится, проходила в интерактивном режиме: персонажи периодически обращались к юным зрителям с вопросами. Дед Мороз загадывал загадки, а также осведомлялся, всегда ли детки говорят правду. Волк интересовался, в какую сторону пошла Снегурочка (тут, конечно, следовало ответить сугубую неправду). И вот в какой-то момент Снегурочка спрашивает: «Ребята, вот скажите мне, а сколько лет-то Дедушке Морозу?» Я задумалась: интересно, какого же ответа они ожидают от четырехлетних детей, если я — с высшим образованием и ученой степенью — оказалась в затруднении. Дети, впрочем, не смутились. Самая бойкая девочка (это не была моя дочь) уверенно ответила: «Семьдесят пять!» — «О, если бы! — вздохнула Снегурочка. — Год-то мы какой встречаем? 2006! Ну вот!» От изумления я только и могла растерянно прошептать сидевшей рядом мамаше: «По-моему, 2005 лет назад родился кто-то другой…»

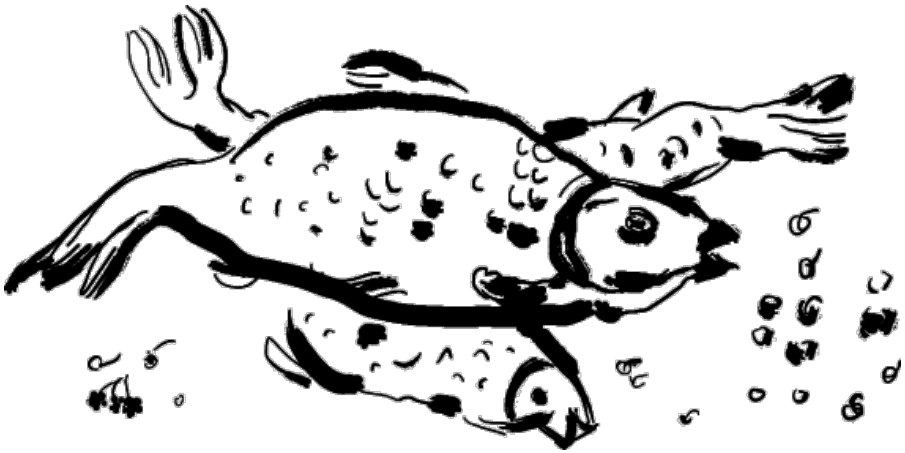
А действительно, это ведь замечательно: 2006 год от рождества Дедаморозова. Интересно, родился он тоже в яслях? А волхвы приходили? В общем, вопросов много.

Вообще-то это очень естественно, что разные праздники, принадлежащие разным культурам, сливаются, смешиваются в народном сознании. Яркий пример такого смешения — Масленица, предшествующая Великому посту. В Масленице ясно просматривается языческий культ солнца, он виден даже в самой форме блина.

Так и зимние праздники: все смешалось в голове современного русского человека — два Рождества, два Новых года, Святки, звезда рождественская и звезда кремлевская. Собачка (мышка, коровка) из восточного календаря в колпачке

Санта- Клауса, а для полноты картины стоило бы дать ей в лапу горящую менору, чтобы уж заодно учесть и Хануку (в Америке теперь, кстати, в видах политкорректности в декабре вешают плакаты с надписью просто *Happy Holidays!)*. Да и сам Дед Мороз, конечно, побратался с Санта-Клаусом — святым Николаем. Прототип Санта-Клауса Святитель Николай Мирликийский жил в 4-м веке и прославился разными не очень фантастическими, но очень добрыми чудесами. А теперь вот обнаружились новые астральные близнецы…

Who is who?



Хорошо известно, что есть такие памятники, про которые почти никто не знает, кого эти самые памятники изображают. Например, в Москве около метро «Кропоткинская» стоит памятник. Мало кто в курсе, что Энгельсу. И очень многие думают, что Кропоткину. Наш институт находится как раз на Волхонке, напротив Храма Христа Спасителя. Очень часто, выходя из института, ловишь обрывок фразы: «…есть Кропоткин…» — и сразу достраиваешь ситуацию. Вот люди приехали в Москву, они только что осмотрели Храм Христа, а теперь идут в метро. А может, направляются из Музея изобразительных искусств на Волхонке в мемориальный музей Пушкина на Пречистенке.

Естественно, увидев у метро «Кропоткинская» памятник, они соображают: а вот это, наверное, и есть Кропоткин. Надо сказать, что, по мере того как личность и облик Энгельса теряют свою актуальность, заблуждение становится все более распространенным. Но спутать Кропоткина с Энгельсом — это еще что.

Все-таки, как сказано в фильме «Джентльмены удачи», «мужик в пиджаке» — точнее, в сюртуке. Со мной однажны был случай гораздо более яркий.

Мы плыли на теплоходе по Волге. И приплыли в славный город Козьмодемьянск. Славен он, в частности, тем, что стал прототипом Васюков в знаменитом романе И. Ильфа и Е. Петрова. В память об этом в городе ежегодно проходит шахматный турнир. Путеводитель гласит:

> Козьмодемьянск — старейший город марийского Поволжья — по преданию, основан Иваном Грозным при

> возвращении из Казанского похода. Первыми поселенцами были стрельцы и ямщики. После Азовской кампании в 1695 году стрельцы получили разрешение у Петра I на строительство часовни, которая до сих пор стоит на берегу Волги. Сохранились также Смоленский собор, Троицкая и Тихвинская церкви. Улицы старой части города украшены ажурной резьбой.

В память о первых поселенцах в Козьмодемьянске у пристани стоит огромная фигура стрельца в соответствующем костюме и с соответствующим же вооружением. Вокруг местное население торгует туесками и прочими изделиями народных промыслов, а также брусникой, воблой и т. д.

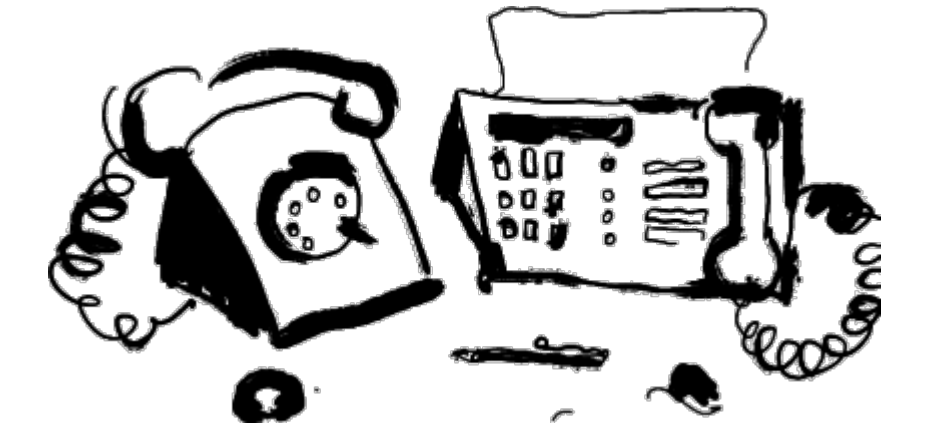
Спрашиваем про скульптуру у одной тетеньки: «А кто это?» Она говорит: «Ой, а я не знаю», — и переадресует вопрос соседке, старушке. Та тоже не знает, но высказывает гипотезу: «Дак Эшпай чай». Ответ, прямо скажем, неожиданный и крайне малоправдоподобный.

Большая советская энциклопедия сообщает:

> Эшпай Андрей Яковлевич (р. в 1925), советский композитор, народный артист РСФСР (1975). Первоначально обучался музыке под руководством отца — марийского композитора и фольклориста Якова Андреевича Э. (1890–1963). <…> К лучшим достижениям композитора принадлежат балет «Ангара» (1976, Большой театр), кантата «Ленин с нами» (1968). <…> 1-й секретарь правления Союза композиторов РСФСР (с 1973). Государственная премия СССР (1976). Награжден 3 орденами, а также медалями.

В той же энциклопедии можно почерпнуть сведение о том, что родился композитор Эшпай, как вы уже догадались, как раз в Козьмодемьянске. Видимо, это один из самых знаменитых уроженцев городка. Но, честное слово, 1-й секретарь правления Союза композиторов РСФСР гораздо меньше похож на стрельца, чем Кропоткин на Энгельса.

На страже



Сидела я тут как-то вечером на кухне и вяло тюкала по клавишам компьютера. А в телевизоре говорящие головы обсуждали актуальное искусство. Оказалось, что я их хоть и вполуха, но все-таки слушала. Потому что вдруг в обалдении уставилась в экран, уловив одну фразу. Речь шла о семидесятых годах и одном левом (в эстетическом смысле) художнике. И вот Леонид Бажанов, руководитель Центра современного искусства, сказал: «Ну, разумеется, он был в конфликте с правозащитными организациями».

Я удивилась. Если бы такое сказали о современном художнике, это было бы еще понятно: скажем, в контексте противоречия между идеалом полной свободы художественного самовыражения и идеалом политкорректности. Но в 70-е годы?? Вроде враг у всех был один, чего делить-то? Нет, делить всегда есть что, и в конфликте может оказаться кто угодно с кем угодно. Но почему же художник, РАЗУМЕЕТСЯ, должен был быть в конфликте с правозащитными организациями? Вот тут моя картина мира зашаталась.

Нельзя было не вспомнить Грибоедова, который говорит, что в его пьесе, кроме Чацкого, нет «ни одного здравомыслящего человека; и этот человек разумеется в противуречии с обществом его окружающим». В школе на уроках литературы особенно упирали на это «разумеется», делая из него вывод о революционных взглядах Грибоедова.

Все эти мысли за доли секунды успели пронестись в моей голове, и тут оратор поправился: «…с правозащитными организациями… То есть с правоохранительными органами». Я выдохнула. Картина мира плюхнулась на место: художника-экспериментатора гнобили власти.

Но как хитро устроен язык! Два таких похожих выражения: тут *право-* и там *право-,* тут *защитный,* там *охранительный,* почти одно и то же, и один и тот же греческий корень в словах *орган* и *организация.* А в сумме — вещи почти противоположные. И как досталось в свое время *правозащитным организациям* от *правоохранительных органов!* Как раз-таки в 70-е годы.

Надо, впрочем, сказать, что фрагмент *право-* в словах *правоохранительный* и *правозащитный* имеет разный смысл. В слове *правоохранительный* имеется в виду *право,* право вообще, то есть закон, правопорядок. А в слове *правозащитный* имеются в виду *права* — права человека. Отдельного человека, и притом вовсе не того, которого видел чукча из анекдота.

Я хорошо помню, как звучало сочетание *права человека* в позднесоветское время. Звучало оно абсолютно диссидентски и связывалось в первую очередь с деятельностью Хельсинкской группы. У многих людей выражение *права человека* вызывало страшное раздражение и отторжение: что, мол, они правда такие идиоты и не понимают? Донкихоты малахольные. Ну какие могут быть у человека права? Как будто не видят, что права есть у государства, а у человека… Все равно, что прийти на избирательный участок и спросить: а этот кандидат от какой партии? А чем его программа отличается от программ конкурентов? С такими вопросами можно было и в психушку загреметь. Права человека. Хельсинкские соглашения. Вы слушаете голос Америки из Вашингтона. Обзор «События и размышления» ведет Наталья Кларксон.

Абсолютно не могу себе представить, чтобы тогда кто-то мог спутать *правозащитные организации* и *правоохранительные органы.* А теперь вот такая оговорка стала возможна. Это хорошо или плохо? Как посмотреть. Хорошо, что сочетание *права человека* уже не звучит так утопично и так вызывающе. Плохо, что оно превратилось в очередное общее место.

Коэффициент поэтичности

А теперь о высоком. Как сказано у Льва Лосева,

О лирике и прочих пустяках.

Как-то по телевизору говорили о так называемых чирлидерах — специально обученных людях, которые образуют группу поддержки певца, спортивной команды, политика и так далее. Обычно это хорошенькие девушки в мини-юбках, которые машут большими помпонами и выкрикивают не очень глубокомысленные речевки (слово *cheer* обозначает аплодисменты, одобрительные или приветственные восклицания, ну а *leader* — соответственно). Рассказывая о девушках-чирлидерах, корреспондент выразился так: «Почти по Пушкину — кричали женщины ура и в воздух вместо чепчиков бросались». Разумеется, фраза *Кричали женщины ура и в воздух чепчики бросали* принадлежит перу хотя и Александра Сергеевича, но не Пушкина, а Грибоедова. Поскольку Пушкин олицетворяет собою всю поэзию, то если кто-то что-то написал по-русски в стихах, то естественно приписать это Пушкину.

Чьих только строк не подписывали пушкинским именем! И *Средь шумного бала,* и *Белеет парус одинокий,* а уж *Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые* — так это почти всегда.

Здесь интереснее другое. У Пушкина ведь действительно можно найти слова о женщинах и бросаемых в воздух чепчиках. В повести «Метель» так описывается настроение русского общества после победы над Наполеоном: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!..» И далее: «Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали

они: ура!

И в воздух чепчики бросали».

Так что корреспондент, пожалуй, и Яндексом прилежно поискал. Точно, вот же, Пушкин. Только «Метель» написана во время Болдинской осени в 1830 году, и Пушкин цитирует здесь комедию Грибоедова, написанную шестью годами ранее.

Забавно при этом, что у Грибоедова эта фраза находится в совершенно другом контексте. Это из монолога Чацкого «А судьи кто?», а точнее из фрагмента, который начинается словами *Мундир, один мундир!* Чацкий обличает страсть русского общества, в частности жен и дочерей, к мундиру. И бросание чепчиков вовсе не связано у него с победой над Наполеоном:

Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.

А вот какое исследование однажды провел известный московский лингвист С. А. Крылов. Он собрал все антологии русской поэзии, какие ему удалось добыть, всего около семидесяти. Потом он ввел в базу данных информацию о входящих во все эти антологии и хрестоматии стихотворениях (автор, название, первая строка, год написания). Всего получилось почти 13 тысяч вхождений, и это количество позволяет сделать много разных занятных статистических выводов.

Прежде всего, можно судить об уровне «хрестоматийности» отдельных стихотворений. Дело в том, что важным элементом культуры того или иного народа является «золотой фонд» стихотворений, более или менее общий для всех представителей этого народа.

Именно эти стихотворения большая часть людей помнит хотя бы частично наизусть или не совсем уже помнит, но помнит, что учила когда-то для концерта художественной самодеятельности, или просто читала, или хотя бы слышала краем уха. Так или иначе, именно эти стихотворения формируют общие для данного народа представления о поэзии, а отчасти также о любви, красоте и многом другом. Да-да, и о любви. Действительно, если человек с детства слышал про чудное мгновенье и про то, что как дай вам Бог любимой быть другим — это ли не «воспитанье чувств»?

Как вы думаете, какое стихотворение оказалось самым

хрестоматийным? Для меня это было неожиданно. Самый высокий рейтинг у трех стихотворений: у «Есть в осени первоначальной…» Тютчева (ну там — Есть в осени первоначальной / Короткая, но дивная пора, / Весь день стоит как бы хрустальный / И лучезарны вечера), у стихотворения Фета «Я пришел к тебе с приветом / Рассказать, что солнце встало, / Что оно горячим светом / По листам затрепетало» и т. д., а также у лермонтовского «Выхожу один я на дорогу…» А уж потом идут пушкинские «На холмах Грузии лежит ночная мгла» и то самое «Я помню чудное мгновенье». Удивительно, но самыми хрестоматийными оказались не стихотворения Пушкина. Хотя самый хрестоматийный поэт — конечно, Пушкин. Его стихотворения встречаются в этих хрестоматиях в сумме 1079 раз. Затем идет Тютчев, затем Лермонтов, Фет, Блок и так далее.

Разумеется, в каждом конкретном случае включение стихотворения в антологию — в значительной степени дело вкуса составителя. Однако статистические показатели много говорят о месте этого стихотворения или поэта в культуре.

При помощи созданной Крыловым базы данных можно решать и другие задачи. Например, сравнив частоту, с какой данное слово попадается в первых строчках всех стихотворений, с его встречаемостью в языке, можно определить коэффициент его поэтичности.

Sic transit

Мы гораздо лучше замечаем назойливое мелькание новых слов, чем исчезновение тех, что вот еще недавно были у всех на языке. А потом встретишь такое слово в каком-нибудь тексте и подумаешь: действительно, было такое. Что-то давно его не слышно — куда же оно делось-то?

К примеру, все ли читатели помнят слово *сейшн?* А если помнят — давно ли в последний раз его встречали? Я имею в виду в первую очередь *сейшн* не как музыкальный термин, а в качестве синонима слова *вечеринка.* История слова *сейшн* совершенно замечательна. Начнем с цитаты:

> Люди, о которых я пишу эти строки, были молодыми в начале 70-х. Они слушали рок и презирали советскую эстраду. Они много читали на родном языке, но говорили на своем особом. Слов «круто» и «отстой» еще не было. Были слова «клёво» и «лажа», просочившиеся из музыкантского и тюремного сленга. Другие слова напоминали английские. «Лети за кайфом!» — с этими словами гонцу вручали смятые рубли, и он приносил на сейшн портвейн.

Слово *сейшн* пришло из джаза через неформальный термин *jam session* (особый вид совместного музицирования с большой долей импровизации) в рок-музыку, в частности в русский рок — получив при этом вид *сейшн* вместо корректного *сешн,* затем закрепилось уже в более широком значении «тусовка» в языке русских хиппи и вообще неформально и прозападно ориентированной молодежи. В более позднем апокрифическом «Евангелии от Митьков» [1990] (апокрифическом, разумеется, в смысле митьковского авторства) говорится, в частности:

> Придя из пустыни, собрал Иисус сейшн из братушек и чуваков. И учил сынков, говоря: Не напрягайтесь ни в жизни своей, ни в помыслах, ибо лишь оттянувшиеся кайфуют.

Интересно тут, конечно, это искажение английского слова, которое прочно закрепилось, хотя и продолжает вызывать разнообразные эмоции — от недоумения до возмущения:

> Американское жаргонное джазовое слово «Jam session» читается по-русски как «джем-сэшн», и буквы «й» там нет и в помине. Тем не менее даже наши уважаемые критики и музыковеды, блюдя русские традиции любви к «самопалу», произносят это как «джем сэйшн». Между прочим, в хипповые 70-е годы, рок-музыканты домакаревичевского периода, признававшие только англоязычный рок, произносили это слово правильно, когда собирались на подпольные «сэшена». Трансформация в совковый «сейшн» произошла уже позднее.
>
> *Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)*

Языковые причины такого искажения вполне понятны: здесь сработала аналогия со словами типа *situation, immigration.* Похожий механизм действовал, например, в истории русского слова *вынуть.*

Первоначальное *вынять* (ср. *отнять, занять)* было «переразложено», и в безударной позиции «ня» было понято как суффикс и заменено на «ну», по аналогии со словами типа *кинуть, дернуть.* Так в русском языке возникло слово, в котором как бы нет корня: после приставки *вы-* сразу идет суффикс *-ну-*.

Споры о том, как надо говорить: *сешн* или *сейшн* — продолжаются до сих пор. Я наткнулась на любопытный диалог на одном сайте:

> — Для тех, кто не знает — слово «сейшн» пишется с Й, ну уж никак не «сешн». Если уж этого не знали, могли бы прочитать на плакате на рок-фестивале (о котором собственно и писали, употребив неверно слово). А говорите, у вас работают в основном молодые. Слово это, кстати, в употреблении не меньше шести лет точно! (Эх, молодо-зелено! — *И. Л.)* Так что… делайте выводы…
>
> — уважаемый/-ая посетитель/-ница нашего сайта! во-первых, отрадно, что мы читаемы!! во-вторых,

слово *session* на русском *(сешн)* написано верно. вот вам ссылка, если разберетесь в транскрипции, значение 5. http://lingvo.yandex.ru/en?text=session да простят нас участники фестиваля, но подобный недочет в произнесении мы допустить не могли

— И все же!!!!!! Сешн — (session — англ.) относится не к слэнгу, в отличие от слова *сейшн,* которое вовсю употребляет молодежь. Вашему вниманию предлагаем синонимы этого слова: *пир, вечер, мальчишник, гулянка, пирушка, девичник, посиделки, вечерка, бардак, сейшен, сейшн, погулянки, поддача, междусобойчик, бордальеро, гудеж, пати, спрайтопитие, суарэ.* Так что, организаторы вечерины употребили данное слово в правильном контексте. А вот вам надо бы больше интересоваться не только политикой, а жизнью вообще, в том числе и жизнью молодежи. Может, тогда вы сможете говорить с ней на одном языке.

— уподобляться тому, как использует его в русифицированных вариантах наша молодежь (и не только), когда один неграмотный ляпнул, а все дружно подхватили, — увольте!! и вообще, ребята, пора уже начинать английский учить…

Ну и так далее. Было бы неверно думать, что эта дилемма: говорить как правильно или как освящено культурной традицией — связана здесь с маргинальностью предмета спора.

Точно таким же неразрешимым является вопрос о том, говорить ли *власть предержащим* или *властям предержащим.*

Но вернемся к слову *сейшн.* Когда происходит легализация рока, отход от хипповских ценностей, слово *сейшн* постепенно возвращается на исходные позиции, теперь употребляясь в основном в составе музыкального термина *джем- сейшн.* Или отдельно — для указания на концерт определенного рода, несколько неформальный. Кроме того, слово *сейшн* все в той же нестандартной огласовке сейчас используется для перевода английского слова *session* в контекстах, не связанных с музыкой *(рекламный сейшн).*

Сейшн в значении «встреча, тусовка» из языка еще не совсем ушло, но малоупотребительно. Постаревший пипл горюет в Интернете:

Кстати, куда пропало слово сейшн из нашего современного языка?

Ты вот, прости, и слова такого не знаешь — «сейшн». А как оно сладко звучало! И каждый, еще не так давно,

знал, что оно значит. А, интернетовцы?

Помните У нас сегодня *сейшн,* мол… А то ребята такого молодые не знают, у них все пати и пати.

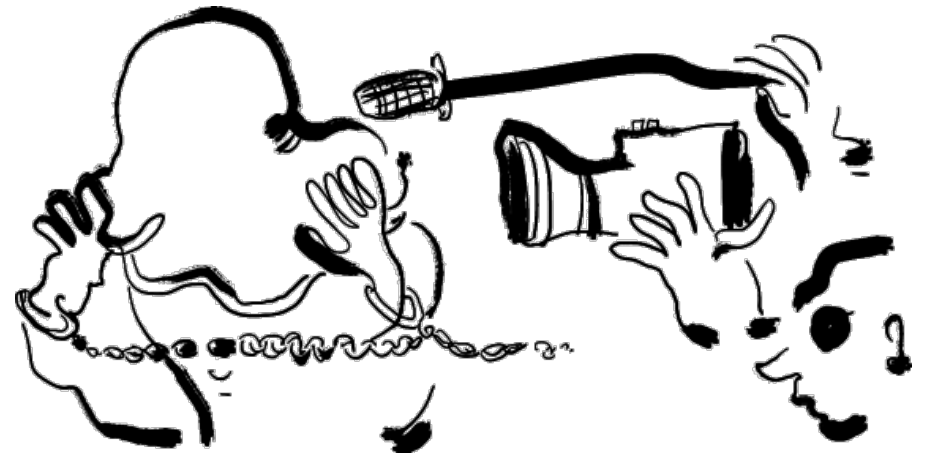
Впрочем, в каких-то кругах слово *сейшн* снова в ходу. Но уже с совершенно другим набором ассоциаций и совсем иным социальным портретом говорящего:

> «В моей компании в преддверии Дня строителя сегодня корпоративный сейшн в Лосево — рафтинг и всякие шашлыки-дискотеки…»

> «Основная цель „GT-Сейшна 2007“ — собрать в одном прекрасном и подходящем для автоспортивных соревнований месте всех людей региона, увлеченных столь популярными во всём мире GT-Гонками и автомобильным тюнингом. Организаторы мероприятия — „GT-Клуб Красноярск“, „Автомагазин“, kolenval.ru, „КрасноярскАвто“. Основное действие сейшена — соревновательные заезды, пройдут на взлетно-посадочной полосе аэродрома, заасфальтированной специально для автомобильных гонок на 402 метра(!)».

Да, это вам не *клёвый сейшн на флэту*…

Талмуд и мобильник



Не так давно в средствах массовой информации бурно обсуждался арест банды неофашистов в Израиле. По телевизору показывали, как арестованных ведут в наручниках, как они натягивают майки на головы, чтобы не быть узнанными. И вот в одном репортаже корреспондент очень старательно и увлеченно описывал обстановку судебного заседания: «На столе перед судьей толстые талмуды уголовного дела». По частям все нормально.

Ну в Израиле Талмуд. И уголовные дела в Израиле — тоже понятно. Да и толстое уголовное дело назвать *талмудом* — тоже нормально. А вот вместе — *талмуды уголовного дела в Израиле* — просто смех.

Да к тому же вызывает представление о каком-то аналоге шариатского суда. Фраза про *талмуды* напоминает торжествующий юбилейный возглас другого журналиста: «И в свои пятьдесят он выглядит на все сто!»

Конечно, в русском языке у слова *талмуд,* естественно, есть переносное значение, не связанное с иудаизмом.

Конечно, в отличие от слова *хохма,* про которое можно и не знать, что оно еврейской национальности и значит, собственно, «мудрость», со словом *талмуд* в нарицательном значении всем все понятно. Видимо, у журналиста оно и сорвалось с языка, поскольку он говорил об Израиле.

Между прочим, слово *талмуд* в переносном употреблении за последние годы несколько изменило значение. Сейчас это слово образно используется для обозначения толстенного тома, фолианта, кирпича. Скажем, «Желтые страницы». А вот словари в основном дают другое значение — «большой блокнот,

ежедневник, в котором записаны необходимые сведения, адреса и т. п. *Потрудись заглянуть в свой талмуд!»* В таких контекстах сейчас как-то больше используется не нерусское слово *талмуд,* а тоже не вполне русские *органайзер* и *agenda.*

А есть еще слово *талмудик* — и тут уж ясно, что размер не то чтобы не имеет значения, но не самое главное.

Талмудик — тетрадка или блокнот с именами и явками. *Талмудик* — потому что человек без него ни шагу, ходит и все время туда заглядывает, сверяется. Вполне ясный образ, но я что-то давненько этого слова не слышала. Мне казалось, что оно выходит из употребления. Однако выяснилось, что это не совсем так. Заглянув в Интернет, я увидела, что слово *талмудик* очень даже популярно. Нет, блокнотики-то не на слуху. Зато в последние годы появился новый предмет — книжечка, которая прилагается к мобильному телефону, Bluetooth или подобным штукам. Она обычно маленькая, соизмеримая с самим девайсом, но толстенькая, особенно если, в видах избежания мировой однополярности, написана сразу на нескольких языках. И главное, предполагается, что человек поминутно проверяет по ней, все ли он правильно делает. А если не знает, как поступить, то должен книжечку полистать, и ответ обязательно найдется. Это как в Талмуде, говорят, можно найти ответ на вопрос о том, как еврею определять время наступления субботы в космосе.

Правда, современная разновидность удали состоит в том, чтобы ни в какие инструкции принципиально не заглядывать. Что ж, с этой точки зрения человека, который осваивает новый мобильник, сверяясь с книжечкой, можно назвать *талмудистом и начетчиком.*

История с географией

Как известно, во многих пословицах и поговорках фигурируют названия населенных пунктов. Ну, скажем, *в огороде бузина, а в Киеве дядька, Москва слезам не верит, показать Москву* (т. е. потянуть вверх за уши), *уехать в Могилевскую губернию* (смысл прозрачен), *поехать в Ригу* (даже в двух значениях, чаще всего в смысле «рожать»), *смотрит глаз, видит Арзамас* (о косоглазии), *через Бердичев* (т. е. кружным путем — тоже вполне понятно, связано с чертой оседлости). А вот какую историю рассказал мне недавно мой отец, предавшись по случаю дачной расслабленности детским воспоминаниям. Когда ребенок сидел за столом, слишком далеко отставив стул, у них дома и в кругу их знакомых такому ребенку обыкновенно говорили: «Ну вот, опять сам здесь, а стул в Кондарьяловке». И они всё недоумевали: где же эта загадочная Кондарьяловка?

Надо сказать, что у меня сразу появилась гипотеза, где этот населенный пункт и на каких картах его искать. Я, правда, не могу эту гипотезу доказать, но мне она кажется правдоподобной. По-моему, *Кондарьяловка* — это испорченное и русифицированное слово *Кордильеры.*

Я легко могу себе представить гимназического учителя — не типа Беликова или Передонова, а вроде кого-то из их более веселых коллег. Он следит за правильной осанкой учеников — а как же без нее — и делает им замечания. Но, так сказать, с выдумкой: *Сам здесь, а стул в Кордильерах.*

Кордильеры действительно далеко, на другой стороне карты полушарий, а слово и вправду забавное. Анды, допустим, здесь бы

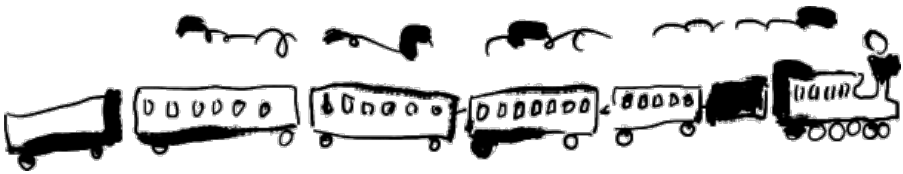
не смотрелись. Мне кажется, родилось это выражение именно в связи с правильной позой при письме, а не по отношению к хорошим манерам за обедом. Возможно даже, что не просто какой-то отдельный учитель так говорил, а это было устойчивое выражение, во всяком случае, где-то и в какой-то период. Ну, как наши учителя отзывались на сообщение о забытом дневнике стандартной фразой: «Да? А голову ты дома не забыл?»

И вот приходит ученик из гимназии домой — эдакий румяный первоклассник, воспитанник чеховской Душечки. Садится он чай пить с пирогами и важно рассказывает, как ему замечание сделали. И сам-то он слово *Кордильеры* неточно запомнил, а уж Душечка и подавно.

Но примерно все-таки запомнила, по-своему поняла и пошла рассказывать знакомым, как много в первом классе задают и какие смешные замечания делают.

По этому поводу не могу не вспомнить замечательный рассказ Е. Рейна: некто просит у граждан денег, мотивируя свою просьбу тем, что он, мол, бывший заключенный, сидел по делу громкому, государственному — делу Ахмедова и Зайченко. А когда у него требуют подробностей, сообщает заговорщическим шепотом: «Зайченко не виноват. Его Ахмедов затянул». Ахматовой — а Ахмедов и Зайченко суть не кто иные, как перевранные Ахматова и Зощенко, а их «подельник» просто наслушался разговоров вокруг известного постановления — история, по свидетельству Рейна, понравилась.

Так начинают



У Б. Пастернака есть стихотворение 1921 г.:

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, — а слова
Являются о третьем годе.

Ну и далее по тексту. Заканчивается стихотворение строчкой: «Так начинают жить стихом». Ну, с поэтами, музыкантами, художниками еще более или менее понятно. А вот как с наукой? Как будущих ученых находит их призвание? В особенности, когда они не рождаются в академической среде, не окружены с детства научными разговорами.

Лет десять назад А. А. Зализняк рассказал мне одно свое детское воспоминание. Рассказ произвел на меня сильнейшее впечатление, и я все мечтала его записать, чтоб не пропал.

И вот недавно я наконец попросила Андрея Анатольевича рассказать мне то же самое еще раз и, с его разрешения, собираюсь рассказ воспроизвести. Тут надо заметить, что ценность этой истории придает личность героя. Дело в том, что Зализняк — не просто крупнейший лингвист, автор классических «Русского именного словоизменения» и «Грамматического словаря», исследователь берестяных грамот и «Слова о полку Игореве» и автор «Древненовгородского диалекта».

Для меня и многих коллег Зализняк — это живое воплощение лингвистики, так сказать, лингвистика собственной персоной. И если Пастернак *жил стихом,* то о Зализняке можно сказать, что он *живет языком.*

История эта произошла более 60-и лет назад, будущий прославленный лингвист был тогда 11-летним школьником.

Итак, 1946-й год, в Москве голодно. Внезапно объявляются дальние родственники отца нашего героя из Западной Белоруссии. Они приезжают в Москву по каким-то юридическим делам и живут, естественно, у родни, в единственной полуподвальной комнате. В благодарность за приют и помощь

они предлагают прислать к ним на лето мальчика — подкормиться и подышать воздухом. Предложение с радостью принимается.

И вот одиннадцатилетний герой уже едет на поезде, один, страшно гордый своей самостоятельностью.

А ехать нужно почти до самого Бреста, немного не доезжая, выйти на небольшой станции и оттуда добраться до городка Пружаны. Сейчас трудно себе представить, что маленького мальчика отпустили в такое путешествие одного, но тогда время было другое и, видимо, выбора у взрослых не было. Ну, так или иначе, поезд подошел к нужной станции. Вот тут-то и произошла сцена, которая, по словам А. А., до сих пор стоит у него перед глазами.

Вот он сходит с поезда, поезд моментально уходит, и мальчик остается на платформе совершенно один. Вечереет, вокруг никого и ничего, только станционное здание, а прямо за ним — врезавшийся в землю немецкий самолет. Одно крыло торчит немного кверху, другое смято. А на здании название станции — латиницей — Orańczyce.

1946-й год, у властей руки не дошли заменить надпись на русскую. Какое потрясение это было для московского мальчика — внезапно выпасть в совершенно другую реальность! И началась эта новая реальность с польской надписи.

Тут еще надо заметить, что до этого у юного Зализняка было одно столкновение с лингвистикой. В шестилетнем возрасте он был отчислен из группы детей, изучающих немецкий язык, за отсутствием способностей. Эту историю лингвисты передают из уст в уста — как анекдот.

Однако с надписи Orańczyce началась новая эпоха в отношениях Зализняка с языками.

Конечно, дело не только и не столько в самой надписи, которая послужила лишь первотолчком. Добравшись до Пружан, он попал в удивительную обстановку: вокруг говорили по-русски, по-украински, по-белорусски и по-польски, притом еще и ходили в разные церкви, да и вообще одновременно существовали разные культурные традиции (должна была бы присутствовать и еврейская составляющая, но она, понятное дело, в 1946 году в тех краях слабо прослеживалась).

Самым престижным и «европейским» языком был польский. Да собственно, все польское традиционно имело в русской культуре ореол элитарности. Легко себе представить, какое это удовольствие было для восприимчивого мальчика, к тому же, как оказалось, необыкновенно способного к языкам, — когда вдруг он очень быстро стал осваивать этот так непривычно звучащий (со

своими шипящими и носовыми), а все же славянский и потому нетрудный для русского человека язык. Да к тому же обнаружилось, что между разными языками легко можно устанавливать соответствия и таким образом догадываться о значении слов, а то и конструировать слова другого языка. В общем, мир наполнился увлекательными лингвистическими задачками.

Как ясно виден в мальчике, пытающемся разобрать почти стертую польскую надпись на доме, тот, кто полвека спустя точно так же вглядывается в черточки и царапины на цере!

Местная родня была семьей священника одной из церквей, при церкви и жили. Так что советский школьник еще и оказался в совершенно непривычной культурной среде и стал жадно впитывать эту новую для себя культуру. Все церковное страшно ему понравилось. Там же, в Пружанах, он и крестился, для чего нужно было самостоятельно прочесть «Верую». С этим новоиспеченный христианин, к собственной гордости и гордости родни, блестяще справился. Да тут еще и крестная мать — молодая красавица, к тому же взявшаяся учить крестника польскому… В общем, жизнь заиграла всеми красками.

С того лета все и началось. Иначе с чего бы мальчику вдруг пришла в голову фантазия самостоятельно изучать латынь. А потом — взять с собой в пионерский лагерь знаменитый «Англо-русский словарь» В. Мюллера. Будучи самоучкой, Зализняк не знал тогда, как пользоваться словарем. Ну и — читал, как книжку. «Процентов 80 запомнил», — скромно комментирует он этот эпизод. Ну потом прибавились итальянский, испанский. А в 14 лет в его жизни появилась библиотека иностранной литературы на Петровских линиях. Там детям давали на дом книги на иностранных языках. Главное впечатление того времени — «Жизнь Бенвенуто Челлини» по-итальянски. В общем, дальше уже все понятно.

Тут надо добавить, что страсть к языкам, скажем, в 50-е годы выглядела совершенно иначе, чем сейчас. Еще бы, ведь увидеть живого иностранца в те годы было событием редкостным, а поговорить с ним — рискованным приключением. Изучая, скажем, итальянский язык, человек практиковался, беседуя с таким же соотечественником-фанатиком, даже не думая о том, что когда-нибудь можно попасть в Италию. Да в глубине души и не до конца веря, что города с волшебными названиями Флоренция или Падуя реально существуют.

Лингвистика же была чистой игрой в бисер — о ее прикладных аспектах тогда еще не было слышно. Лингвистов было мало, и профессия эта казалась экзотической. Как говорит

А. А., что-то вроде специалиста по жизни на Марсе.

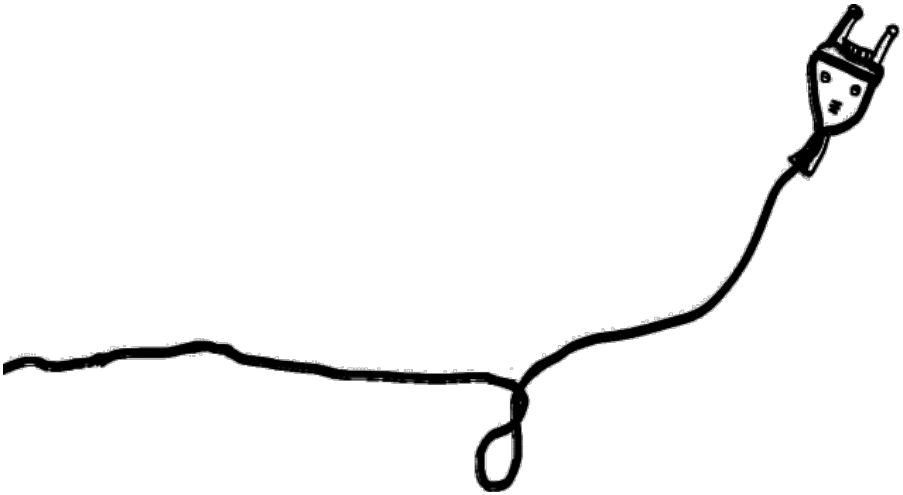
А дальше рассказ, в лучших традициях жанра, начинает закольцовываться.

Сначала возвращается польская тема. Уже студентом Зализняк обнаружил свое знание польского языка перед барышнями из польской группы. И тут выяснилось страшное. Его польский, элитарный польский его детства оказался чудовищным, простецким, окраинным польским диалектом! Так что пришлось срочно переучиваться. В этом месте рассказа я изумилась: «Но ведь зато у них-то, у девиц из польской группы, язык был выученным, из книжки, а у Вас натуральным, из жизни!» А вот к этому — был ответ — никогда у него не было почтения: мол, из глубин, живое и неустойчивое, исконное-посконное-домотканое. Наоборот, был вкус ко всему жестко регламентированному, освященному культурной традицией и по возможности для жизни бесполезному.

А в финале снова возникает станция Orańczyce. Так вышло, что после Перестройки А. А. Зализняк стал ездить в Европу по несколько раз в год, причем обычно на поезде через Брест. И вот, десятки раз проезжая этот отрезок пути, он каждый раз смотрел в окно, пытаясь углядеть знакомую станцию. Но она мистическим образом не показывалась, хотя станция Оранчицы существует и сейчас. Только надпись там, естественно, кириллицей.

И вот недавно, дожидаясь в Бресте смены колес, А. А. заснул и проснулся, когда поезд уже какое-то время шел. Ну и решил на этот раз не идти в коридор ловить станцию детства. И вдруг — поглядев случайно в окно, увидел, как мимо, как раз со стороны купе, проплывает эта самая станция, только буквы действительно русские и самолета нет.

Оказалось, детское воспоминание немного подвело: неправильно запомнилось, в каком направлении уезжал тогда поезд, оставляя мальчика стоять на пустой платформе перед разбитым самолетом и польской надписью. Картина так ясно стояла перед глазами, что за все годы не пришло в голову усомниться ни в одной детали.



notes

Примечания

1

Не знаю, есть ли необходимость напоминать читателям этот старый еврейский анекдот: — *Зачем делают обрезание? — Ну, во-первых, это красиво…*